

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3/2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук (заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Гринберг Р.С.** председатель
член-корреспондент РАН, научный руководитель
Института экономики РАН
- Ленчук Е.Б.**
доктор экономических наук, директор Института экономики РАН
- Абрамова М.А.**
доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового университета
при Правительстве РФ
- Александрова О.А.**
доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН
- Аносова Л.А.**
доктор экономических наук, профессор,
начальник Отдела общественных наук РАН
- Архипов А.И.**
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН
- Бахтизин А.Р.**
член-корреспондент РАН, профессор, временно исполняющий
обязанности директора Центрального экономико-математического
института РАН
- Буторина О.В.**
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН
- Валентей С.Д.**
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
- Глинкина С.П.**
доктор экономических наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН
- Головнин М.Ю.**
член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института
экономики РАН
- Городецкий А.Е.**
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН
- Дорошенко М.Е.**
доктор экономических наук, профессор,
зам. зав. кафедрой прикладной институциональной экономики
экономического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

- Иващенко Н.П.**
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,
заместитель декана по межфакультетскому взаимодействию
и инновационной деятельности экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
- Калабихина И.Е.**
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
народонаселения экономического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Караваева И.В.**
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономической теории Института экономики РАН
- Кузнецов А.В.**
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института мировой экономики
и международных отношений РАН
- Лаврикова Ю.Г.**
доктор экономических наук, профессор, временно исполняющая
обязанности директора Института экономики УрО РАН
- Музычук В.Ю.**
доктор экономических наук, заместитель директора
Института экономики РАН
- Некипелов А.Д.**
академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор
Московской школы экономики Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
- Прокапало О.М.**
доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН
- Рубинштейн А.Я.**
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН
- Сорокин Д.Е.**
член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ
- Цветков В.А.**
член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН
- Черных С.И.**
доктор экономических наук, профессор, зав. сектором исследований
финансового обеспечения науки Института проблем развития науки
РАН
- Шабунова А.А.**
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского научного
центра Российской академии наук
-
-

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по группе
научных специальностей 08.00.05 «экономические науки»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
ISSN 2073-6487

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2018

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 28.06.2018.
Формат 70(100)/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 3240

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Глинкина С.П., Куликова Н.В.**
О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе 9
- Тураева М.О.**
Новые реалии евразийского транспортного пространства:
казахстанский транзит. 25
- Тошматов М.Н., Мирзорохимов Н.Т.**
Предпосылки и факторы формирования инновационной
экономики Республики Таджикистан. 40
- Козлов В.А.**
Демографическое поведение русской диаспоры в странах
Прибалтики и Центральной Азии. 50

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Анчишкина О.В.**
Экономические и правовые особенности контрактных
отношений как особого института российской экономики 61
- Розанова Н.М., Варивода И.А.**
Менеджмент в XXI веке: к гибким формам управления
и организации. 78
- Свирина Л.Н.**
К вопросу о развитии института федерального резерва
управленческих кадров для государственной
службы. 91
- Борисова И.С.**
К вопросу о модели управления устойчивым развитием
экономики региона с преобладанием отдельного вида
хозяйственной деятельности 102
- Архипов А.И., Кормишкина Л.А., Королева Л.П.**
Оценка ресурсного потенциала экологических инвестиций 118

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Нетунаев Е.Б.

Эффективность денежно-кредитной политики как инструмента
противодействия финансовым пузырям 134

ЭКОНОМЕТРИКА

Соколовский Ю.М., Филатов А.Ю.

Моделирование монополистической конкуренции. Влияние
изменения производительности труда на экономику 151

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Рашидин Е.А.

Методы оценки корпоративного социального поведения
и целесообразности инвестиций в социально ориентированные
проекты 172

Савойская Е.В.

Перспективы устойчивого развития предприятий
по производству минеральных удобрений 185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики РАН в 2017 году 196

CONTENTS

WORLD ECONOMY

Glinkina S.P., Kulikova N.V.

On the Model of Capitalism in Central and Eastern Europe 9

Turaeva M.O.

New Realities of Eurasian Transport Space: Kazakhstan Transit 25

Toshmatov M.N., Mirzorakhimov N.T.

Prerequisites and Factors of Formation of Innovative Economy
of the Republic of Tajikistan 40

Kozlov V.A.

Demographic Behavior of the Russian Diaspora in the Baltic
Countries and in Central Asia 50

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Anchishkina O.V.

Economic and Legal Features of Contractual Relations as a Special
Institution of the Russian Economy 61

Rozanova N.M., Varivoda I.A.

Management in the XXI century: to Flexible Forms of Management
and Organization 78

Svirina L.N.

On the Issue about the Development of the Institute of the Federal
Reserve of Managerial Staff for the Public Service 91

Borisova I.S.

On the Issue about the Model of Management of Sustainable
Development of the Region's Economy with the Predominance
of a Separate Type of Economic Activity 102

Arkhipov A.I., Kormishkina L.A., Koroleva L.P.

Assessment of the Resource Potential of Environmental
Investments 118

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Netunayev E.B.

The Effectiveness of Monetary Policy as a Tool to Counter Financial Bubbles..... 134

ECONOMETRICS

Sokolovsky Yu.M., Filatov A.Yu.

Modeling of Monopolistic Competition. The Impact of Changes in Labor Productivity on the Economy..... 151

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Rashidin E.A.

Methods of Assessing the Corporate Social Behavior and the Expediency of Investments in Socially-Oriented Projects..... 172

Savoiskaya E.A.

Prospects for Sustainable Development of Enterprises For the Production of Mineral Fertilizers..... 185

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.V.

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) in 2017..... 196

Вестник Института экономики Российской академии наук
3/2018

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.П. ГЛИНКИНА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН

Н.В. КУЛИКОВА

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН

О МОДЕЛИ КАПИТАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Статья посвящена дискуссионному вопросу о характере моделей капитализма, сложившихся в постсоциалистическом мире в результате общественно-экономических трансформаций. В центре внимания авторов – анализ особой модели капитализма в европейских постсоциалистических странах, которые попали в зависимость от инвестиционных решений транснациональных корпораций, разместивших на их территориях свои производства. Исследуются механизм координации и институциональная комплементарность, характерные для модели «зависимого капитализма»; анализируются социально-экономические эффекты функционирования зависимой рыночной экономики; рассматривается вопрос о направлениях экономической политики, способной обеспечить устойчивый экономический рост в странах зависимого капитализма в условиях новой реальности в мировой экономике.

Ключевые слова: *постсоциалистические трансформации, модели капитализма, зависимая рыночная экономика, прямые иностранные инвестиции, экономический рост, страны Центрально-Восточной Европы.*

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, 057.

О моделях капитализма

К настоящему времени в рамках междисциплинарных исследований получены убедительные доказательства того, что существуют различные типы капитализма – и при этом нет какого-то одного «лучшего варианта».

В научной среде распространены два основных подхода в осмыслении капитализма как феномена экономики и общественной жизни:

- марксистский, оперирующий главным образом понятием «капиталистический способ производства» и объясняющий его через категории «прибавочная стоимость», «самовозрастающая функция капитала», «антагонизм классов», «буржуазия», «рабочий класс» и др.;
- либеральный, базирующийся на идеях А. Шеффле о капитализме как либерально-индивидуалистической системе, а также на научных разработках представителей немецкой исторической школы в связи с обоснованием ими понятий «государство», «кооперация», «рациональность», «дух», «свобода».

В результате в научной литературе наличествует многообразие и многозначность трактовок понятия «капитализм», что дает основание некоторым исследователям утверждать, что «капитализм является одновременно неясным и неточным понятием: его содержание довольно расплывчато; класс стран, которые без колебаний можно назвать капиталистическими, не имеет четко очерченной границы» [1, с. 28].

Впервые о существовании различных типов рыночно-капиталистического хозяйства как научно обоснованном факте заговорили после выхода в свет монографии Э. Шонфилда [2], идеи которого популяризировал М. Альбер в работе «Капитализм против капитализма» [3]. Исследовав кардинально различающиеся в США и Германии элементы хозяйственной системы, авторы выделяют две основные модели капитализма:

американскую, основанную на индивидуалистической идеологии, ведущей роли рынка, дифференциации доходов, особой роли биржи в функционировании финансовой системы, максимизации прибыли в краткосрочной перспективе, и

рейнскую, предусматривающую большее участие государства в регулировании экономики, высокий уровень социальной защищенности граждан, сдерживание дифференциации заработных плат и доходов. При этом М. Альбер считал, что рейнская модель, будучи социально более справедливой, может быть и экономически более эффективной.

Представители получившей распространение во Франции в середине 1970-х годов теории регуляции выделяют четыре основных типа капитализма: рыночный (США, Великобритания), корпоративный (Япония), социал-демократический (Швеция, Австрия) и стейтистский (Франция) [4]. Данная теория исходит из положения о том, что экономические закономерности предопределяются совокупностью общественных отношений.

Американские экономисты П. Холл и Д. Соскис выделяют два базовых типа капитализма – либеральная рыночная экономика (ЛРЭ) и координируемая рыночная экономика (КРЭ) [5]. По их мнению, для выделения особой модели капитализма необходимо выполнение трех условий: 1) наличие альтернативного экономического механизма координации, тесно связанного с 2) относительно стабильным набором комплементарных институтов, 3) что обеспечивает специфические преимущества и лучший экономический сценарий развития по сравнению с другими социально-экономическими типами.

В рамках ЛРЭ основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок. В КРЭ важную роль играют разнообразные нерыночные механизмы: межфирменные и внутрифирменные деловые сети, национальные и секторальные бизнес-ассоциации, профсоюзы и пр. Наличие господствующего механизма координации не отменяет действия в конкретной экономике других его видов. Так, в КРЭ неизменно присутствуют в качестве механизмов координации рынок и рыночные контракты, а в ЛРЭ не исключена практика согласований на уровне отраслевых и межотраслевых ассоциаций.

Авторы определяют специфический набор комплементарных институтов¹, способных объяснить значительные различия в инновационных моделях развития стран, и вводят понятие «институциональная комплементарность» для описания взаимозависимости институтов, их взаимоподдерживающего и взаимоусиливающего влияния. П. Холл и Д. Соскис демонстрируют, как специфические конфигурации институтов формируют облик хозяйственных систем, и приходят к выводу о существовании «сравнительных институциональных преимуществ» у каждой из выделенных моделей: комплементарные по отношению друг к другу институты дают фирмам определенные преимущества в одних видах деятельности и ограничивают в других.

Таким образом, анализ показывает наличие в рамках капитализма различных моделей. В таком случае лозунг о переходе от плана к рынку как сущности трансформационного процесса в постсоциалистических странах мало что объясняет – рынок рынку рознь. При этом нельзя не видеть, что разработанный П. Холлом и Д. Соскисом методологический подход позволяет анализировать лишь ограниченную часть производственных отношений и институтов современного капиталистического общества, что снижает возможности стереоскопического видения современных реалий [6, с. 83–84]. Поэтому попытка идентифици-

¹ Среди них – корпоративное управление, основные источники финансирования инвестиций, отношения между трудом и капиталом, система подготовки кадров и механизмы трансфера инноваций в рамках экономики.

ровать типы капитализма в постсоциалистическом мире в категориях двух основных моделей – ЛРЭ и КРЭ – оказывается непродуктивной: развитый западный капитализм не универсален, а уникален, он является результатом исторических особенностей развития конкретных государств, о чем убедительно писал М. Альбер.

Специфика капитализма в европейских постсоциалистических странах

Изучение результатов общественно-экономических трансформаций на основе методологии, предложенной П. Холлом и Д. Соскисом, позволяет сделать вывод о том, что нигде в постсоциалистическом мире не была реализована ни одна из базовых моделей современной капиталистической экономики, характерных для развитых западных стран: ни либеральная рыночная экономика, ни координируемая рыночная экономика. Вместо этого возникло несколько новых типов капитализма: государственный капитализм в Китае, клановый капитализм в ряде государств Средней Азии и, наконец, особый случай – зависимый капитализм в Центрально-Восточной Европе.

Попытки идентифицировать сложившуюся в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) модель капитализма на основе разработанного П. Холлом и Д. Соскисом методологического подхода дают противоречивые результаты. Одни исследователи находят сходство между этими странами и либеральными рыночными экономиками [7; 8], другие констатируют движение этих стран в сторону координируемой рыночной экономики [9; 10], в то время как третьи усматривают появление в них гибридного типа капитализма, объединяющего черты двух базовых моделей [11; 12]. При этом упускаются из виду принципиальные особенности развития стран ЦВЕ в постсоциалистический период, которые позволяют нам говорить о возникновении в них особой модели капитализма, не укладывающейся в традиционную типологию.

Специфику модели капитализма в странах ЦВЕ предопределил способ их перехода от централизованно управляемого планового хозяйства к рыночному, который был совершен путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов либеральной рыночной экономики, существующих в Евросоюзе. После снятия, в соответствии с правилами ЕС, всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний на своей территории страны ЦВЕ не смогли противостоять захвату неокрепших национальных экономик иностранным капиталом.

Исследователи называют сложившуюся в странах ЦВЕ модель экономики по-разному (интеграционная, филиальная и др.), но наиболее точно ее суть передает вошедшее в научный оборот определение

«зависимая рыночная экономика». Основной чертой стран с данным типом экономики является фундаментальная зависимость экономического развития от иностранных инвестиций. Функцию центрального механизма координации в случае зависимого капитализма выполняют иерархии в рамках ТНК, такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, реализуется их штаб-квартирами [13; 14]. При этом как ключевой институт модели этот механизм координации полностью комплементарен с другими ее элементами.

Первая, наиболее очевидная связь существует между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций, которыми выступают ПИИ. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х годах обогнали ЕС по объему их притока относительно ВВП. Объем накопленных ПИИ в этих странах в пересчете на душу населения в 2 раза больше, чем в среднем в мире. Предприятия под иностранным контролем обеспечивают в них, по данным Евростата, в среднем более 1/5 занятости и создают свыше 1/3 валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. В силу отсутствия у правительств принимающих стран возможности проводить селективную ПИИ-политику (противоречащую правилам ЕС) подавляющая часть ПИИ пришлось не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролируются и финансируются из штаб-квартир [15, с. 8; 16; 17].

Вторая тесная взаимосвязь существует между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. Учитывая жесткую международную конкуренцию за ПИИ, правительства идут на создание максимально привлекательной среды для иностранных инвесторов, и ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых трудовых отношений в принимающих странах. С одной стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи, и недовольство работников в каких-либо звеньях может негативно сказаться на производственном результате в целом. С другой стороны, ТНК нуждаются в низких затратах на труд и, следовательно, для них неприемлемо наличие в странах своей экспансии таких институтов, как всеобъемлющие коллективные соглашения, а также ограничений свободы работодателей в вопросах найма и увольнения работников. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК, профсоюзов и гражданского общества в странах зависимого капитализма не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. В результате доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК [18, с. 16].

Таблица 1

Третья зависимость возникает между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и механизмами развития инноваций. ТНК предпочитают оставлять инновационные виды деятельности в странах своего базирования, либо приобретать инновации в странах либеральной рыночной экономики, либо создавать их на совместных предприятиях с производителями стран координируемой рыночной экономики. В зависимых рыночных экономиках ТНК размещают в основном сборочные производства или производства несложных, полустандартизированных товаров, и у них нет необходимости тратить здесь большие средства на научно-исследовательскую деятельность или профессиональную подготовку кадров, формирующую специфические знания и навыки [18, с. 16].

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных координируемой рыночной экономике, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высокого уровня квалификации рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории производств со средним уровнем технологий [18, с. 17].

Успехи и проблемы зависимой рыночной экономики

Вопрос о том, насколько благоприятным для стран ЦВЕ является попадание в число государств зависимого рыночного капитализма, остается дискуссионным.

До начала мирового финансового кризиса в научной литературе преобладали высокие оценки эффективности экономической модели, сложившейся в странах ЦВЕ. Свидетельством служил тот факт, что группа этих стран уже к 2000 г. восстановила дореформенный объем совокупного валового продукта, а в последующие годы, вплоть до кризиса, входила в число наиболее динамично развивавшихся регионов мира (см. табл. 1 и рис. 1).

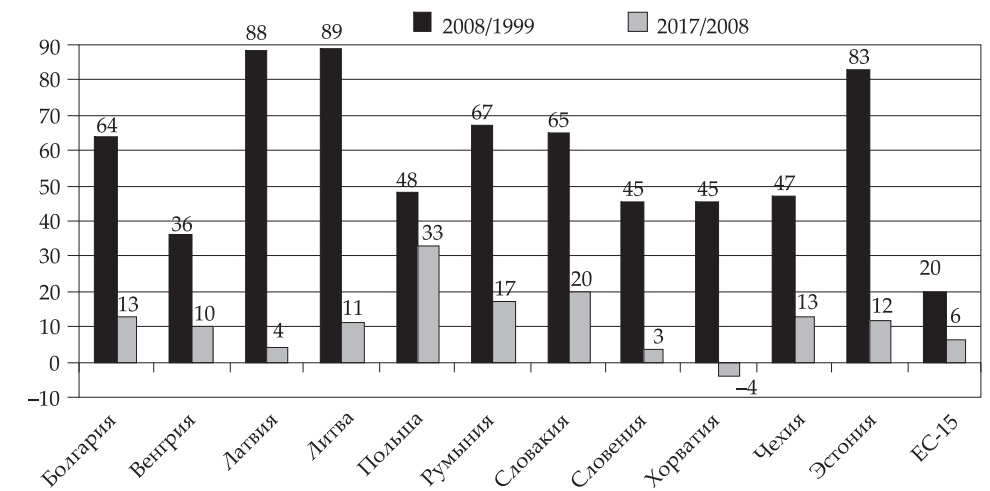
Значительно улучшились качественные характеристики экономики. Повысился средний технологический уровень производства, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг. От половины до $\frac{3}{4}$ прироста регионального валового продукта с середины 1990-х годов обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, прежде всего производительности

Темпы прироста реального ВВП в среднем в год, в %

	1995–1999*	2000–2008	2009	2010–2013	2014–2017	2018–2022 (прогноз МВФ, октябрь 2017)
Болгария	-1,4	6,0	-3,6	1,0	3,1	2,8
Венгрия	2,7	3,4	-6,6	0,7	3,5	2,7
Латвия	3,7	7,2	-14,4	2,2	2,9	3,3
Литва	5,0	7,0	-14,8	3,7	2,9	3,3
Польша	5,9	4,1	2,8	2,9	3,7	2,9
Румыния	-0,2	6,1	-5,9	1,0	4,7	3,6
Словакия	4,6	5,7	-5,4	2,8	3,4	3,6
Словения	4,3	4,2	-7,8	-0,5	3,4	2,0
Хорватия	4,0	4,2	-7,4	-1,1	2,1	2,3
Чехия	1,2	4,3	-4,8	0,7	3,7	2,4
Эстония	4,5	6,5	-14,7	4,0	2,9	3,1
Для сравнения:						
Мир	3,5	4,3	-0,1	4,2	3,5	3,7
ЕС	2,7	2,4	-4,3	0,9	2,1	1,9
Германия	1,6	1,6	-5,6	2,2	1,9	1,5

* Для Чехии – 1996–1999 гг.

Источники: Eurostat Database 31.03.2018; IMF. World Economic Outlook Database, October 2017; IMF. World Economic Outlook Update, January 2018.

Источник: Eurostat Database (28.03.2018).

Рис. 1. Прирост реального ВВП, в %

труда, при этом уровень безработицы, резко возросший в ходе трансформационных реформ 1990-х годов, снижался [19, с. 31]. Экономика стала экспортоориентированной, причем впечатляющий рост товарного экспорта сопровождался уменьшением в его объеме доли традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и ростом доли капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах и доли высокотехнологичных товаров (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии).

Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны обильному притоку иностранного капитала во всех формах и гарантированному спросу на продукцию экспортных секторов экономики, поднявшихся за счет прямых иностранных инвестиций, в основном западноевропейских. ПИИ послужили важным фактором накопления капитала, роста производительности факторов производства и повышения конкурентоспособности экономики, а щедрое кредитование производителей и потребителей иностранными банками подогрело внутренний спрос, что в совокупности дало мощный толчок экономическому росту.

Однако многие из достижений стран ЦВЕ имели оборотную сторону.

Так, отсутствие достаточной собственной здоровой основы для ускорения экономического роста привело к крупным внешним и внутренним макроэкономическим дисбалансам и долговым проблемам.

Рост факторной производительности и добавленной стоимости был в основном не результатом улучшения качественных характеристик существовавших производств, а следствием размещения на территории стран ЦВЕ филиалов ТНК с технологически более сложными производствами, «раздувания» в экономике финансового сектора, сектора платных услуг и сектора недвижимости при одновременном разрушении многих традиционных видов экономической деятельности под давлением конкуренции, возникшей из-за либерализации внешней торговли, полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС, а также вследствие закрытия части предприятий пищевой промышленности ввиду их несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам и ликвидации многих аграрных хозяйств из-за жестких квот ЕС на производство сельхозпродукции.

Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном за счет встраивания филиалов ТНК в вертикальные цепи поставок, тогда как среди собственных предприятий стран ЦВЕ лишь немногие смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки (то есть речь идет не о росте классического экспорта, а фактически о внутрифирменном обмене). При этом подавляющая часть экспортной продукции филиалов ТНК поставляется на рынок Евросоюза, что делает экономику стран ЦВЕ глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры.

Полное открытие экономики для иностранного финансового капитала вылилось в фактически неуправляемую кредитную экспансию западноевропейских банков в Восточной Европе. Легкодоступные кредиты отучили производителей и потребителей соизмерять свои потребности с реальными финансовыми возможностями и в конечном счете превратились в нездоровый источник экономического роста. К началу мирового кризиса объем кредитов в странах ЦВЕ превышал объем депозитов в 1,4–1,8 раза, а в Латвии – в 3 раза.

Наличие множества филиалов ТНК мало что дало странам ЦВЕ в плане технологической модернизации национальной экономики. Во-первых, организация иностранных производств в этих странах отличается сохранением наиболее инновационных частей производственных цепочек в странах базирования ТНК и трансфером в восточноевропейские филиалы лишь технологий среднего уровня. Во-вторых, ТНК передают технологии в свои филиалы, сохраняя над ними полный контроль со стороны корпоративных иерархий, то есть без каких-либо рисков дальнейшего распространения («утечки») технологий в экономику принимающих стран, которые возникают, например, в случае создания совместных предприятий. В-третьих, интересы ТНК реализуются лишь в ограниченной части экономики стран – реципиентов ПИИ, вследствие чего происходит ее распад на два слабо связанных между собой сектора – низкорентабельный национальный и более эффективный и конкурентоспособный иностранный, но готовый в любой момент перебазироваться в страны с более благоприятными условиями ведения бизнеса [15, с. 9–10].

Вместе с тем ставка на модернизацию имитационного характера на основе ПИИ отвлекла внимание стран ЦВЕ от развития собственных технологий. Важнейшая для модернизации экономики сфера НИОКР хронически недофинансировалась, что привело к слабости инновационного потенциала экономики. Эстония, Венгрия и Чехия отстают от общего уровня изобретательской активности в ЕС в разы, а другие страны – в десятки раз. Изобретения в сфере высоких технологий в странах ЦВЕ, кроме Эстонии, Словении и Венгрии, отсутствуют почти полностью. В условиях усиливающейся инновационной конкуренции такая ситуация консервирует, а в перспективе может даже увеличить отставание стран ЦВЕ по уровню факторной производительности и по темпам экономического роста от стран, активно развивающих науку и создающих инновации [20, с. 58–63].

Наконец, к вопросу о безработице. Ее уровень во многих странах ЦВЕ снизился не столько благодаря росту числа занятых, сколько вследствие эмиграции, значительно возросшей после получения восточноевропейцами права свободного передвижения и трудоустройства в границах Евросоюза. Румыния уже потеряла из-за отъезда граж-

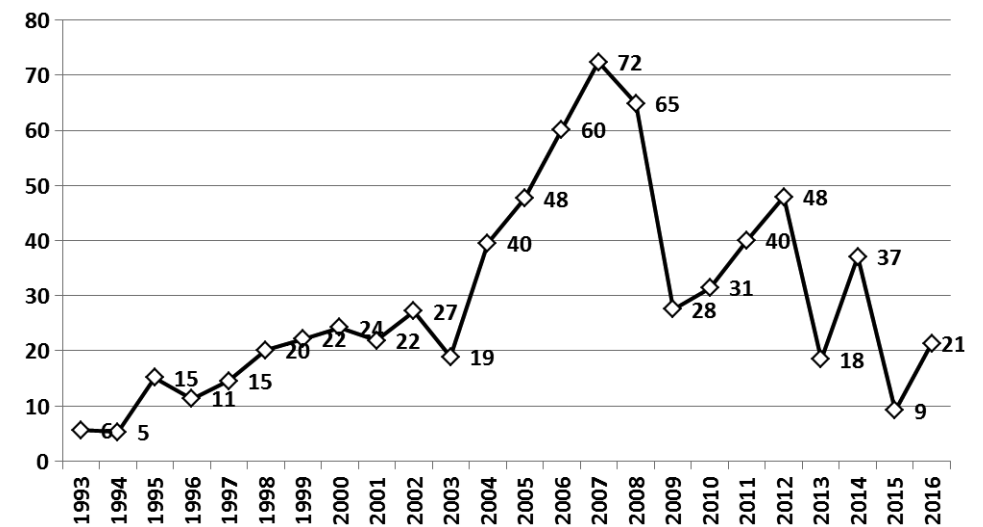
дан в другие страны ЕС более 14% своего трудоспособного населения, Хорватия и Латвия – по 11%, Литва и Болгария – 8%, Польша, Эстония и Словакия – от 4 до 6% [21, р. 5]. Отток рабочей силы обеднил трудовые ресурсы стран, а во многих случаях послужил важной, если не главной, причиной интенсивной депопуляции.

Вызовы новой реальности и возможные ответы экономической политики

К настоящему времени стало очевидным, что страны ЦВЕ сталкиваются с серьезными вызовами из-за критической важности притока иностранного капитала для поддержания роста своей экономики. Риски начали просматриваться уже в середине 2000-х годов, когда подошел к завершению льготный для ТНК процесс приватизации и когда страны стали постепенно утрачивать свое главное конкурентное преимущество – уникальную комбинацию низкой стоимости рабочей силы и ее высокой квалификации. С началом мирового финансового кризиса, когда количество свободных денег на мировом рынке резко уменьшилось и они стали дорогими, а спрос на товарных рынках упал, проблемы проявились в полной мере. Объем притока ПИИ в Центрально-Восточную Европу в 2009 г. сократился сразу в 2,5 раза, а из некоторых стран, в частности из Венгрии, иностранные инвесторы стали активно выводить накопленную прибыль. Остановка кредитной экспансии западноевропейских банков подавила внутренний спрос. Падение деловой активности в Западной Европе лишило экономический рост опоры на экспорт. В итоге Центрально-Восточная Европа пережила более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов, темпы восстановления были здесь одними из самых низких в мире, а в некоторых странах экономический спад затянулся на много лет (см. табл. 1).

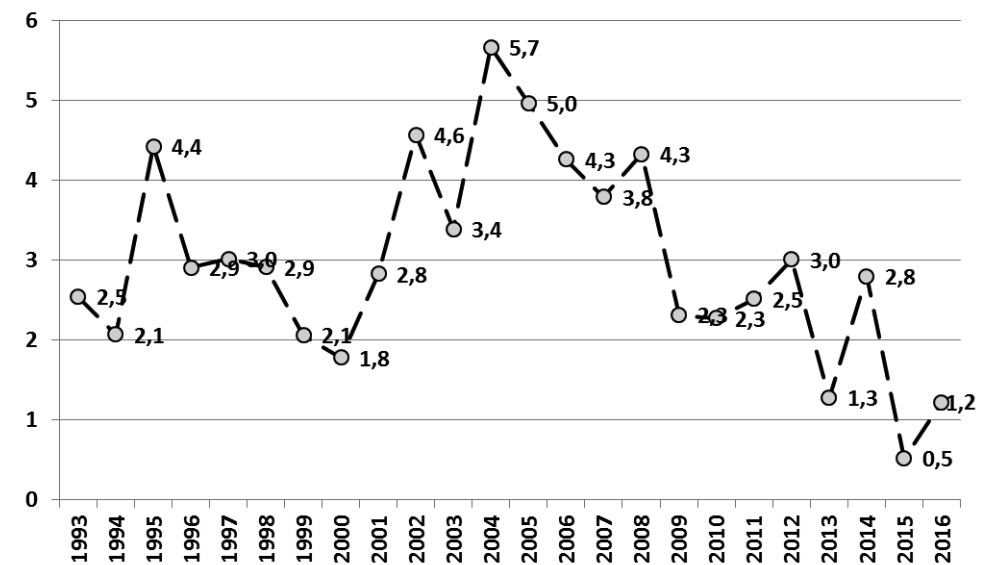
Одной из причин посткризисного депрессивного состояния экономики стало медленное восстановление притока ПИИ. По его объему страны ЦВЕ вернулись на уровень 1990-х годов (см. рис. 2). При этом доля этих стран в мировом притоке ПИИ сократилась до рекордно низких значений (см. рис. 3), свидетельствуя о том, что обмеление потока ПИИ в страны ЦВЕ является не только отражением общемирового тренда сокращения трансграничного движения долгосрочного предпринимательского капитала, но и следствием снижения их инвестиционной привлекательности ввиду появления аналогичных или даже лучших условий для деятельности ТНК в других странах.

В будущем сравнительные преимущества зависимой рыночной экономики могут быть утрачены странами ЦВЕ полностью. Осознание этого риска, а также негативных сторон модели зависимого капита-

Источник: UNCTADStat.

Рис. 2. Объем притока ПИИ в страны ЦВЕ – члены ЕС, в млрд долл. США в текущих ценах

Источник: UNCTADStat.

Рис. 3. Доля стран ЦВЕ – членов ЕС в мировом объеме притока ПИИ, в %

лизма, в основе которой лежит господство ТНК, требующих снятия любых ограничений на свободное движение всех факторов производства, вынуждает страны ЦВЕ к поиску новых решений в социально-экономическом развитии. В ряде них начинает набирать силу

«экономический патриотизм». Наиболее ярким примером служит Венгрия – в прошлом лидер Центрально-Восточной Европы по привлечению ПИИ². Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение налогового бремени в секторах, где в основном обосновались иностранные компании [22, с. 128–133].

Однако возможности для успешной реализации самостоятельного экономического курса в парадигме «экономического патриотизма» у стран ЦВЕ весьма ограничены ввиду зависимости от политики наднациональных органов ЕС и отсутствия достаточных капиталов. Более очевидной становится корректировка модели экономики в направлении усиления опоры на внутренние источники развития.

После пятилетнего периода повторяющихся спадов и застоя регион в 2014–2017 гг. вышел наконец на траекторию устойчивого экономического роста с темпом около 3,5% в среднем в год (см. табл. 1); промышленное производство в масштабах региона также стало показывать положительную динамику. Этому в значительной степени способствовали продолжающийся достаточно динамичный рост мировой экономики и начавшееся постепенное восстановление экономики Западной Европы, в особенности Германии, являющейся главным торгово-экономическим партнером стран ЦВЕ. Однако главную роль сыграли стимулирующая денежно-кредитная политика и нейтральная или умеренно экспансивная налогово-бюджетная политика, поддерживающая экономический рост в рамках приемлемых бюджетных дефицитов. Некоторые страны снизили ставки налогов.

Главным драйвером экономического роста, в отличие от докризисного периода, стало служить потребление домохозяйств. Повышению потребительского спроса способствовали благоприятные тенденции на рынках труда и значительное увеличение доходов населения. Численность занятых в регионе неуклонно росла, уровень безработицы опустился с 10,2% в 2013 г. до менее чем 6% в 2017 г. и во многих странах стал ниже докризисного. Возникший во многих странах дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, подтолкнул вверх ее стоимость: средняя реальная заработная плата повышалась в среднем на 4,5% в год, вдвое опережая рост производительности труда [23, р. 19]. Рост средней заработной платы во многих странах сопровождался значительным повышением минимального уровня оплаты

² Доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП Венгрии уже к началу 2000-х годов достигла 50%, намного превысив признанный в мировой практике безопасным уровень в 30%.

труда и увеличением привязанных к нему размеров социальных пособий. В некоторых странах частное потребление поддержали фискальные стимулы (например, государственная программа по детским пособиям в Польше и снижение налога на добавленную стоимость и акцизов в Румынии) [24, р. 93].

Динамика инвестиционного спроса была изменчивой. В первые годы экономического подъема она ухудшилась, особенно в государственном секторе, вследствие существенного сокращения трансфертов из фондов ЕС из-за вялого старта нового программного периода 2014–2020 гг., а в 2017 г. объем освоения структурных фондов ЕС вырос с низких уровней 2016 г. и инвестиционная активность повысилась.

Определенный вклад в ускорение роста регионального ВВП внес чистый экспорт. Объем экспорта товаров и услуг рос в два раза быстрее регионального валового продукта, чему способствовало главным образом повышение спроса в ведущих странах еврозоны. В результате суммарный дефицит счета текущих операций стран ЦВЕ, достигший своего максимального уровня в 8% ВВП в 2007 г., сменился небольшим профицитом.

Очевидно, что страны ЦВЕ не смогут долго поддерживать достигнутые за последние четыре года темпы экономического роста путем стимулирования потребительского спроса, поскольку дальнейшее повышение уровня оплаты труда поставило бы под угрозу международную конкурентоспособность экономики. Вместе с тем в условиях возникшей после мирового финансового кризиса новой реальности в мировой экономике невозможно повторение сценария развития за счет внешних факторов, действовавших ранее. Во-первых, более скромные международные потоки капитала и денежных переводов делают проблематичным экономический рост за счет крупных дефицитов торговых балансов, позволявших активно инвестировать в неторгуемые сектора, в том числе в сектор недвижимости. Во-вторых, замедление роста международной торговли (в частности, из-за исчерпания эффекта от ее либерализации и снижения таможенных тарифов в 1990-х – начале 2000-х годов и по причине достижения стадии зрелости существующими трансграничными цепочками добавленной стоимости), а также набирающая силу тенденция к усилению протекционизма ставят под вопрос возможность возвращения экспорту роли главного двигателя экономического роста, которую он играл во многих странах ЦВЕ до кризиса. В-третьих, новые долгосрочные мировые тренды в области технологий и развитие цифровой экономики, меняющие организацию производства и методы торговли, смещающие спрос на рабочую силу из одних профессий и секторов экономики в другие и изменяющие формы занятости людей, ослабляют главные конкурентные преимущества стран ЦВЕ [25, р. 11–14]. В этом же направлении действуют

демографические тенденции в регионе, ведущие к старению населения, сокращению предложения рабочей силы и росту ее стоимости.

В связи с этим трудно не согласиться с прогнозом МВФ, согласно которому экономический рост в Центрально-Восточной Европе будет замедляться и к 2022 г. почти во всех странах региона составит не более 2–3%, отставая от роста мировой экономики³. Повлиять на эту тенденцию с помощью стимулирующей макроэкономической политики, сыгравшей ключевую роль в циклическом ускорении экономического роста в последние годы, вряд ли возможно, так как сегодняшний уровень загрузки производственных мощностей и предложения рабочей силы свидетельствуют о том, что экономика в большинстве стран ЦВЕ работает уже на полную мощность, разрыв ВВП закрылся или приближается к нулю [23, р. 6]. Приоритетное значение для обеспечения долгосрочных перспектив развития приобретают более активная адаптация к глубинным изменениям в мировой экономике и экономическая политика, направленная на подъем потенциального экономического роста. Все варианты такой политики так или иначе связаны с решением задач по увеличению накопления капитала, расширению предложения рабочей силы и повышению производительности факторов производства [24; 26], темпы которых в последние годы снизились вследствие сокращения притока ПИИ и трансфера западных технологий, слабой динамики внутренних инвестиций из-за низкой деловой активности торговых партнеров в Западной Европе и трудностей в привлечении внешних займов, а также в результате замедления перераспределения рабочей силы из сельского хозяйства в сектора с более высокой факторной производительностью [27].

Необходимость корректировки модели экономики стран ЦВЕ для многих экономистов была очевидна давно. Однако до мирового финансового кризиса она игнорировалась, поскольку экономика и доходы быстро росли. Теперь же игнорировать недостатки сложившейся модели невозможно без ущерба для экономического и социального развития, ибо прежние движущие силы экономического роста в новой реальности не смогут обеспечить его долгосрочной устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
2. *Shonfield A.* Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 1965.
3. *Альбер М.* Капитализм против капитализма. СПб: Экономическая школа, 1998.

³ IMF. World Economic Outlook Database, October 2017. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx.

4. *Boyer R.* How and why capitalisms differ. MPIfG Discussion Paper 05/4. June 2005. www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp05-4.pdf.
5. *Hall P., Soskice D.* An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / Ed. by P. Hall, D. Soskice. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1–69.
6. *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Какой капитализм построен в странах Центрально-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 79–94.
7. *Cernat L.* Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? // Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition. 2002. No. 6. P. 18–34.
8. *Crowley S.* Explaining Labor Weakness in Postcommunist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18. No. 3. P. 394–429.
9. *McMenamin I.* Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? // Journal of Public Policy. 2004. Vol. 24. No. 3. P. 259–274.
10. *Lane D.* Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // Competition and Change. 2005. Vol. 9. No. 3. P. 227–247.
11. *Palda K.* Czech Privatization and Corporate Governance // Communist and Postcommunist Studies. Vol. 30, Issue 1. March 1997. P. 83–93.
12. *Iankova E.* Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002.
13. *Nolke A., Vliegthart A.* Enlarging the Varieties Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009. Vol. 61, No. 4. P. 670–702.
14. *Schneider B.R.* Comparing Capitalisms: Liberal, Coordinated, Network, and Hierarchical Varieties. September 2007. www.ufjf.br/ich/files/2010/03/texto-06-grupo-de-pesquisa.pdf.
15. *Глинкина С., Куликова Н.* Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3. С. 4–17.
16. *Hall P.A., Gingerich D.W.* Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy. MPIfG Discussion Paper 04/5. September 2004. www.econstor.eu/bitstream/10419/19907/1/dp04-5.pdf.
17. *Hopner M.* What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. No. 2. P. 331–358.
18. *Глинкина С.П.* К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.
19. *Куликова Н.В.* Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз. В сб.: Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы / Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др. М.: Институт Европы РАН, 2014. (Доклады Института Европы. № 303). С. 30–37.
20. *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С.* Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.
21. European Commission. Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU. EU Employment and Social Situation Quarterly Review. Supplement June 2014. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014.

22. Вологов О.Г., Вологов С.О. Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 128–133.
23. IMF. Central, Eastern, and Southern Europe: A broadening recovery. Regional Economic Issues, May 2017. Washington, DC: International Monetary Fund.
24. World Bank. Broad-Based Upturn, but for How Long? Global Economic Prospects, January 2018. Washington, DC: World Bank.
25. World Bank. Trade in Transition. Europe and Central Asia Economic Update. May 2017. Washington, DC: World Bank.
26. IMF. Central, Eastern, and Southern Europe: How to Get Back on the Fast Track. Regional Economic Issues, May 2016. Washington, DC: International Monetary Fund.
27. EBRD. Stuck in Transition? Transition Report 2013. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2014. www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr13.pdf.

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Pavlovna Glinkina – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate, Head of the Scientific Direction «International Economic and Political Studies», Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. sveglinkina@yandex.ru

Natalia Vladimirovna Kulikova – Candidate of Geographical Sciences, Leading Research Associate, Head of the Center for East European Studies, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. kulikova.home@gmail.com

ON THE MODEL OF CAPITALISM IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

The article is devoted to a debatable topic of the nature of models of capitalism that have emerged in the post-socialist world following socioeconomic transformations. The authors focus on the analysis of a special model of capitalism in the European post-socialist countries, which have become dependent on investment decisions of transnational corporations that placed their production capacities on their territory. The features of coordination mechanism and institutional complementarity inherent in the model of "dependent capitalism" are explored; economic and social effects of the functioning of dependent market economy are analyzed; the issue of economic policy orientation that can ensure sustainable economic growth in the countries of dependent capitalism in a new reality in the world economy is considered.

Keywords: *post-socialist transformations, models of capitalism, dependent market economy, foreign direct investment, growth, countries of Central and Eastern Europe.*

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, 057.

М.О. ТУРАЕВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

НОВЫЕ РЕАЛИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНСПОРТНОГО ПРОСТРАНСТВА: КАЗАХСТАНСКИЙ ТРАНЗИТ

В статье рассматриваются тенденции развития евразийского транзитного потенциала. Несмотря на кажущуюся готовность ЕАЭС отвечать на внешние транспортные вызовы, между странами-участницами нарастают объективные противоречия и конкуренция. Лидером региона по уровню развития транспортно-логистической инфраструктуры и объемам транзита стал Казахстан. Автором приводятся данные об инвестициях в физическую инфраструктуру и о комплексе мер стимулирующей государственной политики, которые существенно повысили транзитный потенциал республики. В ближайшие годы Казахстан сохранит лидерство в организации, оперировании и управлении перевозками и транзитом.

Ключевые слова. *ЕАЭС, транзит, контейнерные перевозки, Казахстан, Сухой порт (Хоргос), Транскаспийский маршрут, логистика.*

JEL: F20, O14, R41, R48.

Евразийские грузоперевозки. Определяющим фактором в развитии транспортных путей евразийского пространства традиционно является торговля между Китаем и Европой. Товарооборот между ЕС и КНР в последние годы поддерживается на уровне 600 млрд долл. Большая часть китайской торговли приходится на Германию (38%), Нидерланды (16%), Францию (12%), страны Прибалтики и Южной Европы¹. Около 97% объемов взаимных поставок между Европой и Китаем обслуживается морским транспортом, 1,5–2% приходится на авиационный транспорт и 1–2% – на железнодорожный.

По территории ЕАЭС пролегают широтные и меридиональные международные транспортные коридоры (МТК) – маршруты в направлении «Восток – Запад» и «Север – Юг». География региона позволяет осуществлять доставку как исключительно сухопутными способами, так и мультимодальными, комбинируя различные виды транспорта. Поскольку этиологией транзитных евразийских грузоперевозок была

¹ Шелковый путь: «В краткосрочной перспективе больше всего выиграет Россия». 12.11.2016. regnum.ru/news/economy/2204420.html (дата обращения 24.04.2018).

и остается торговля между КНР и ЕС, то, говоря о конкурентном участии ЕАЭС в транзите, чаще всего подразумевают широтный маршрут «Китай – Европа – Китай». При этом важно, что развитие континентальных маршрутов уже позволяет доставлять грузы из КНР в ЕС и обратно, задействовав отдельные магистрали, входящие в МТК «Север – Юг».

Об этом мало упоминают в русскоязычном исследовательском сегменте, но в Китае весьма типичны программы субсидирования различных видов экономической деятельности, которые на определенных этапах считаются приоритетными для государства. В полной мере это относится и к модернизации перевозок, повышению их эффективности и экологичности. При этом самые масштабные программы субсидирования были реализованы при модернизации морских перевозок.

В 2009 г. КНР апробировала субсидирование, направленное на снижение нагрузки на окружающую среду от судоходства путем замены старых грузовых кораблей и танкеров на новые². Официально эта тема стала освещаться с 2013 г., когда в рамках обширной государственной программы (Chinese government's scrapping subsidy program) была запущена программа субсидирования судоходных компаний. Компаниям выделялись субсидии, чтобы они модернизировали флот, досрочно утилизируя старые суда и избавляясь от избыточных мощностей. За каждую валовую тонну демонтажа старых судов компаниям выделялось 1,5 тыс. юаней (около 240 долл.). Программу признали эффективной, и в 2015 г. было принято решение о ее продлении до конца 2017 г.³

Оценить, сколько всего субсидий получили с 2013 г. по 2017 г. китайские морские перевозчики, не читая источники на китайском языке, непросто. Вместе с тем отдельные данные об объемах этого субсидирования можно найти в англоязычных СМИ. Так, в 2014 г. четыре крупных судоходных компании Китая получили субсидии от правительства на сумму 293,3 млн долл.⁴ Только лишь 2 компании – China Shipping Development Company и China Shipping Container Lines – в 2015 г. получили целевые субсидии на сумму около 169 млн долл.⁵ А за первую

² Analysis of selected measures promoting the construction and operation of greener ships / OECD. 2017. P. 21–22.

³ China to Subsidize Ship Scrapping for Two More Years. 24.06.2015. worldmaritimenews.com/archives/164495/china-to-subsidize-ship-scrapping-for-two-more-years (дата обращения: 24.04.2018).

⁴ China Awards Subsidies for Scrapping Old Ships. 01.10.2014. worldmaritimenews.com/archives/138395/china-awards-subsidies-for-scrapping-old-ships (дата обращения 24.04.2018).

⁵ CSDC and CSCL Receive USD 169m in Scrap-and-Build Subsidies 29.07.2015. worldmaritimenews.com/archives/167871/csd-and-cscl-receive-usd-169m-in-scrap-and-build-subsidies (дата обращения 24.04.2018).

половину 2016 г. на эти субсидии Пекин выделил около 190 млн долл.⁶ Даже по таким фрагментарным данным можно предположить, что на субсидирование коммерческого флота только с 2013 г. было выделено не менее 800 млн долл. При этом в 2017 г. грузооборот крупнейших портов Китая вырос на 6,4% – до 8,62 млрд т⁷. (для сравнения: общий грузооборот российских морских портов в 2017 г. составил 787 млн т, что почти в 11 раз меньше китайского⁸. В 2018 г. Китай не намерен снижать расходы на развитие транспортной инфраструктуры. Запланированные проекты включают в себя увеличение контейнерооборота морских портов более чем на 15%.

Грузоперевозки по сухопутной части Шелкового пути – также в числе приоритетных направлений развития для КНР. Несмотря на то что объемы сухопутных грузоперевозок пока что несопоставимы с перевозками по морю, данные за 2017 г. по транспортным предприятиям Китая свидетельствуют о росте грузооборота железнодорожного транспорта на 13,3%, автотранспорта – на 8,9%, авиатранспорта – на 10% при росте общего грузооборота на 5,9%⁹. На 2018 г. запланировано строительство 5 тыс. км новых скоростных дорог и модернизация 216 тыс. км существующих дорог¹⁰.

Транспортное пространство ЕАЭС. Все страны, входящие в ЕАЭС, кроме России, – это страны, не имеющие выхода к морю (Landlocked countries), в том числе и Казахстан – одно из крупнейших по площади государств в мире. Территория Армении и Киргизии полностью входит в бассейны бессточных водоемов, а Белоруссия – крупнейшая европейская страна, не имеющая выхода к Мировому океану [1, с. 51–55].

Размер территорий, развитость регионов, удаленных от центра, доступ к транспортной инфраструктуре и логистическая специализация в странах ЕАЭС очень различаются. Наиболее подходящим для комплексной оценки этих отличий служит композитный Индекс

⁶ Beijing pays China carriers USD189 million in scrapping subsidies. 21.07.2016. fairplay.ihs.com/commerce/article/4272061/beijing-pays-china-carriers-usd189-million-in-scrapping-subsidies (дата обращения 24.04.2018).

⁷ Грузооборот портов Китая за 2017 год вырос на 6,4% – до 8,62 млрд т. 25.01.2018. portnews.ru/news/252451 (дата обращения 24.04.2018).

⁸ Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2017 года. 26.01.2018. www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda (дата обращения 24.04.2018).

⁹ Грузооборот транспорта Китая за 2017 г. вырос на 5,9%. 24.01.18. infranews.ru/novosti/statistic/50642-gruzooborot-transporta-kitaya-za-2017-god-vyros-na-59/ (дата обращения 24.04.2018).

¹⁰ Китай не намерен сокращать инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры в 2018 г. 25.12.2017. www.rzd-partner.ru/logistics/news/kitay-ne-nameren-sokrashchat-investitsii-v-razvitie-transportnoy-infrastruktury-v-2018-godu/ (дата обращения 24.04.2018).

эффективности логистики (Logistics Performance Index – LPI) Всемирного банка (см. табл. 1).

Таблица 1

Глобальный рейтинг по LPI, место в рейтинге из 160 государств, 2016 г.

	LPI	Таможенное оформление	Инфраструктура	Организация международных перевозок	Качество и компетентность услуг логистики	Отслеживание прохождения грузов	Своевременность поставок
Казахстан	77	86	65	82	92	71	92
Россия	99	141	94	115	72	90	87
Белоруссия	120	136	135	92	125	134	96
Армения	141	148	122	146	137	147	139
Киргизия	146	156	150	152	151	115	126
<i>Для сравнения</i>							
Германия	1	2	1	8	1	3	2
Люксембург	2	9	4	1	10	8	1
Швеция	3	8	3	4	2	1	3
Нидерланды	4	3	2	6	3	6	5
Сингапур	5	1	6	5	5	10	6
Гонконг	9	7	10	2	11	14	9
Китай	27	31	23	12	27	28	31

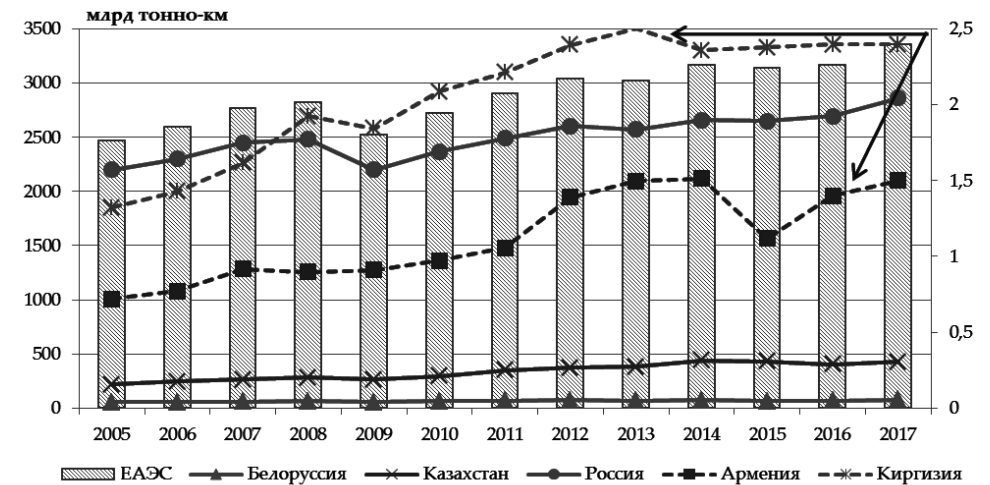
Источник: LPI Global Rankings 2016 Data Table. lpi.worldbank.org/international/global/2016.

По данным за 2016 г., наиболее развитая транспортно-логистическая инфраструктура в ЕАЭС – казахстанская (77 место в мире по индексу). Россия находится на 99 месте, Белоруссия – на 120, Армения – на 141 и Киргизия – на 146 месте из 160 сравниваемых стран. Лидерство в этом рейтинге принадлежит крупным портовым державам (Германия, Швеция, Нидерланды, Сингапур). Портовый Гонконг занимает отдельную позицию в рейтинге – 9 место, Китай – 27.

Статистика грузоперевозок ЕАЭС свидетельствует о падении большинства показателей во всех союзных странах¹¹. Динамика общего

¹¹ Данные по Союзу до 2015 г. составлены путем суммирования показателей по пяти странам, входящим в ЕАЭС в настоящее время.

объема грузооборота по ЕАЭС в целом совпадает с динамикой российского показателя. Удельный вес Армении, Белоруссии и Киргизии в союзных показателях остается незначительным (см. рис. 1).

Источник: составлено автором по данным ЕЭК. Транспорт. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/transport.aspx.

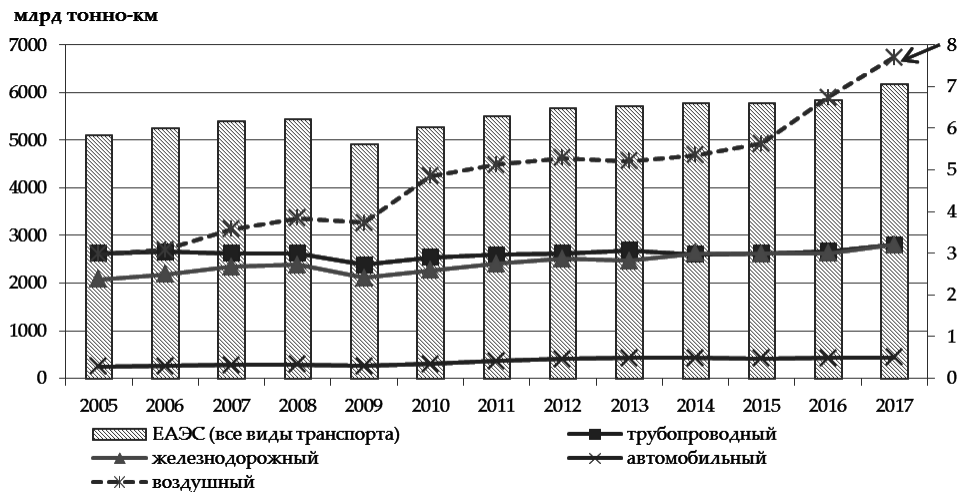
Рис. 1. Грузооборот по всем видам транспорта (без трубопроводного) в ЕАЭС, млрд тонно-км

С 2005 г. грузооборот ЕАЭС по всем видам транспорта (кроме трубопроводного) вырос с 2,5 до 3,4 трлн долл. (в текущих ценах). В 2005 г. 2,2 трлн долл. в этом объеме обеспечивала Россия, в 2017 г. ее доля составила 2,9 трлн долл. И хотя показатели Киргизии и Армении выросли за этот период относительно 2005 г. существенно – в 1,81 и 2 раза соответственно, их влияние на суммарные данные по ЕАЭС незначительно (2,4 и 1,5 млрд долл. в 2017 г.)¹².

Динамика показателей грузооборота ЕАЭС по видам транспорта (почти весь грузооборот формируется трубопроводным и железнодорожным транспортом) снижались в 2009 и 2013 гг. (см. рис. 2). Динамика грузооборота автомобильного транспорта более стабильна и меньше связана с динамикой суммарного грузооборота по ЕАЭС. Несмотря на то что удельный вес авиaperевозок существенно меньше перевозок другими видами транспорта, авиaperевозки – самые дорогостоящие, и это прямо влияет на показатели грузоперевозок в сто-

¹² Для наглядности, данные по этим республикам привязаны к вспомогательной оси.

имостном выражении. С 2009 г. грузооборот воздушного транспорта вырос почти в 2 раза (по сравнению с 2005 г – в 2,7 раз)¹³.

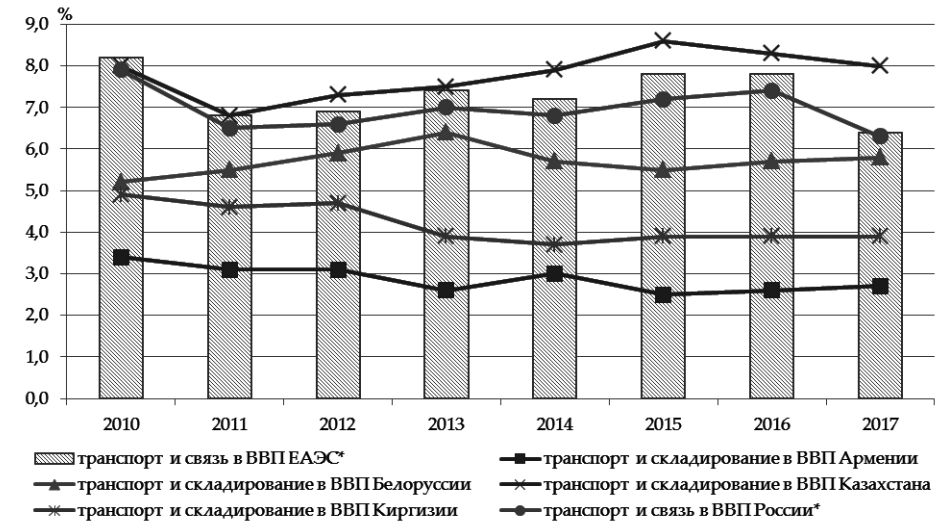
Источник: составлено автором по данным ЕЭК. Транспорт. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/transport.aspx.

Рис. 2. Грузооборот ЕАЭС по всем видам транспорта, млрд тонно-км

Возможности развития ограничены тем, что транспортные системы стран ЕАЭС пока не преодолели кризисный этап в своем развитии (изношен основной фонд, падает объем перевозок, редуцируют объемы ввода новых производственных мощностей). На рис. 3 отражена динамика доли транспортного сегмента в ВВП с 2010 по 2017 гг. по каждой стране ЕАЭС и суммарно по союзу (в текущих ценах). Из-за разницы применения статистических классификаторов до 2016 г. у России и у ЕАЭС приведена доля «транспорта и связи» в структуре ВВП, а в 2016–2017 гг. – «транспорт и складирование».

Судя по этим данным, в ЕАЭС на протяжении последних 8 лет наблюдается тенденция уменьшения значения транспортно-логистического сегмента в структуре ВВП. Если в 2010 г. его доля в суммарном ВВП ЕАЭС составляла 8,2%, то в 2017 г. – 6,4%. В 2017 г. наибольшие падения показателя произошли в странах с наибольшим весом транспортного сегмента в национальных ВВП – в % в России и Казахстане (с 7,4% до 6,3 и с 8,6 до 8% соответственно). При этом с 2011 по 2015 г. доходы от транспорта относительно других видов экономической деятельности в России и Казахстане, обеспечивающих основной удельный вес в союзном ВВП, росли.

¹³ См. рис. 2, вспомогательную ось.

* в 2016–2017 гг. – транспорт и складирование.

Источник: составлено автором по данным ЕЭК. Национальные счета. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx.

Рис. 3. Доля транспорта в структуре ВВП, %

Страны ЕАЭС и союзный наднациональный регулирующий орган (ЕЭК) ведут большую и непростую работу по координации транспортной политики¹⁴, направленную на обеспечение экономической интеграции, последовательное и поэтапное формирование Единого транспортного пространства. Теоретиков русскоязычного сегмента, исследующих эти вопросы, можно условно поделить на оптимистов (причем авторы большого числа оптимистических интеграционных исследований аффилированы с ЕЭК, ЕАБР, РИСИ [например, 2; 3, с. 152–170; 4, с. 120–124] и скептиков [например: 5, с. 50–59; 6, с. 288–292; 7, 5–24; 8, с. 79–96]). Экспертизы практиков – представителей транспортных, логистических, почтовых компаний, ассоциаций дорожников, отраслевых аналитических центров, а также некоторых профильных министерств – заметно различаются по содержанию, также как и их результаты. Между тем в чистом виде классических стейкхолдеров процесса остается все меньше. Произошедшая диффузия групп интересов привела, в частности, к тому, что в научном пространстве укрепились авторы, являющиеся чиновниками, априори обладающими сравнимо большими административными ресурсами для публикации трудов и их распространения. Практики же, владеющие реальной и опера-

¹⁴ Транспортный потенциал Евразийского экономического союза / ЕЭК. 2015. С. 23.

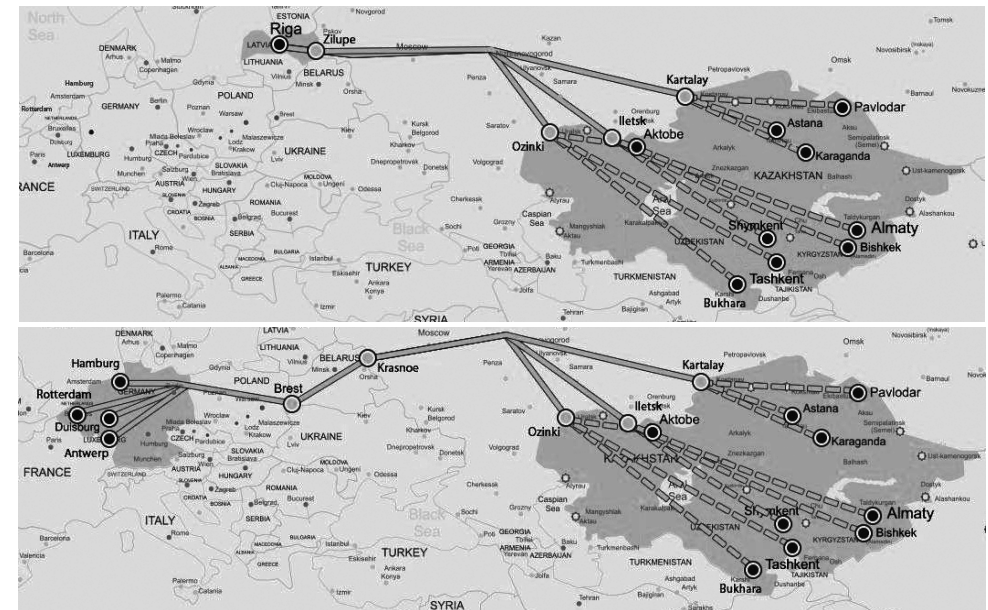
тивной информацией, как правило, не являются представителями научного пространства, и формат донесения их точки зрения – это интервью и выступления. Начинающие исследователи, делая обзор литературы, вынуждены реферировать наиболее распространенные публикации, в результате чего число публикаций растет более быстрыми темпами, чем их научная ценность.

В качестве примера практических противоречий можно привести происходящую сейчас актуализацию портфеля инфраструктурных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской стратегии «Один пояс – один путь». В перечень проектов, предложенных к финансированию, в частности, вошли ЖД «Китай – Киргизия – Узбекистан» и ЖД «Южная Армения – Иран» [9, с. 5–6.], строительство которых для Киргизии и Армении имеет колоссальное стратегическое значение. Решение о финансировании в настоящее время зависит от китайской стороны, однако в ЕЭК отрицают [10] существование конкуренции между странами – участницами борьбы за маршруты МТК. Учитывая селективность проектов в структуре портфеля, исходить из того, что между ними нет конкуренции, – по меньшей мере неверно. В связи с этим для оценки тенденций развития транспортного пространства ЕАЭС, возможных противоречий и конкуренции между странами за транзитные перевозки важно своевременно и адекватно оценивать происходящие изменения.

Опыт Казахстана. На фоне падения валовых показателей грузоперевозок и мировой торговли быстрыми темпами растет статистика транзита и транзитных контейнерных перевозок (т. е. грузов, которые отправляются в стандартизированных контейнерах). Рост доли сухопутных маршрутов в транзите грузов из Китая в Европу в 2017 г. вырос до 2%, при этом 70% этих перевозок пришлось на трансказахстанские маршруты¹⁵.

На территорию ЕАЭС одна часть транзитных грузов попадает через российско-китайские пункты перехода границы – Гродеково (Приморский край), Забайкальск (Забайкальский край), либо груз сначала проходит транзитом по территории Монголии и попадает в Россию через погранпереход Наушки. Другая часть грузов попадает в ЕАЭС через казахстанские пограничные переходы Достык – Алашанькоу и Алтынколь – Хоргос. Далее через станции Илецк, Карталы, Озинки груз направляется в Россию и затем уже в Европу – в Финляндию, Латвию или через территорию Белоруссии с выходом на Польшу или Литву (см. рис. 4).

¹⁵ Пресс-служба АО «НК «Қазақстан темір жолы». Инвестиционные возможности транспортно-логистических объектов Казахстана презентованы в Шанхае. 12.04.2018. www.railways.kz/ru/news/azastanny-kliktiklogistikaly-nysandaryn-investitsiyalaummkindigi-shankhayda-tanystyryldy (дата обращения 24.04.2018).

Источник: Кедентранссервис. Маршруты перевозок. kdts.kz/ru/client/transport-routes.

Рис. 4. Маршруты доставки контейнерных грузов из КНР в ЕС через территорию Казахстана

Именно казахстанские погранпереходы стали центрами притяжения транзита, как из Китая в Европу, так и из Европы в Китай. В последние годы произошел бурный рост объема транзита. Если в 2011 г. физическая инфраструктура Казахстана могла провести транзит по направлению в Европу в объеме 1 тыс. ДФЭ¹⁶, то уже в 2015 г. это было 47,4 тыс. [11, с. 3], в 2016 г. – 105 тыс., а в 2017 г. – 201 тыс. ДФЭ (см. табл. 2).

По информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан (МИР РК), после введения в эксплуатацию Сухого порта Хоргос на его базе было обработано 14 тыс. ДФЭ в 2015 г., 87 тыс. – в 2016 г., 249,5 тыс. ДФЭ за 11 месяцев 2017 г. Общий объем контейнерного транзита (во всех направлениях) в 2016 г. составил 224,2 тыс. ДФЭ, в 2017 г. – 347,5 тыс. ДФЭ [12]. Если эти данные корректны, то в 2016 г. евротранзит составил 47%, а в 2017 г. – 58% от общего контейнерного транзита Казахстана. Между тем есть вероятность, что данные Казахстанской железной дороги (КТЖ – от казах. Казакстан Темір Жолы) и МИР РК требуют дополнительной синхронизации.

¹⁶ ДФЭ – двадцатифутовый эквивалент, контейнер.

Таблица 2

Контейнерный транзит ЕАЭС и Казахстана в 2016–2017 гг., тыс. ДФЭ

Контейнерный транзит	2016 г. (тыс. ДФЭ)	2017 г. (тыс. ДФЭ)
Через ЕАЭС по направлению «Китай – Европа – Китай»*	ок. 150	262
Через Казахстан (по всем направлениям)**	224,2	347,5
Через Казахстан по направлению «Китай – Европа – Китай»***	105	201
Через Сухой порт Хоргос****	87	249 (11 месяцев 2017 г.)

Источники: составлено автором по: * Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018. С. 7; ** ЖД инфраструктура и транзит (интервью с руководителем управления сопровождения инфраструктурных проектов и мобилизационной работы Комитета транспорта МИР РК А. Мешитбаевым). Эфир программы «Транспорт и логистика» Atameken Business channel. 06.03.2018. abctv.kz/ru/tv/zhd-infrastruktura-i-tranzit; *** Отчет акционерного общества «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» за 2015 г. С. 3.; Около 2 млн контейнеров пройдет транзитом через Казахстан к 2020 г. 27.03.2018. www.inform.kz/ru/okolo-2-mln-konteynerov-proydet-tranzitom-cherez-kazahstan-k-2020-godu_a3200209; **** Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Справка о ходе реализации Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015–2019 гг. 27.03.2018. dep-tranzit.mid.gov.kz/ru/pages/spravka-o-hode-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-infrastrukturnogo-razvitiya-nurly-zhol-na.

Уже в 2016 г. доходы от транзитных перевозок, составляющих лишь 12% общего объема грузоперевозок КТЖ, превысили 35% в общей структуре доходов компании. В 2018 г. КТЖ планирует нарастить объем транзита до 346 тыс. ДФЭ¹⁷, а к 2020 г. выйти на показатель до 2 млн контейнеров¹⁸.

По данным ЕАБР, на начало 2018 г. транзитные поезда из КНР, проходящие через казахстанские погранпереходы, следуют по регулярным маршрутам: Чжэнчжоу – Гамбург; Чунцин – Дуйсбург; Чэнду – Лодзь/Нюрнберг/Тилбург; Ухань – Пардубице/Лодзь/Гамбург/Дуйсбург; Иу – Мадрид; Иу – Стамбул; Хэфэй – Гамбург; Ляньюньган – Стамбул; Чанша – Гамбург; Сямынь – Гамбург; Наньтун – Мазари–Шариф [2, с. 64–67].

¹⁷ Контейнерный поезд по маршруту из Польши в КНР впервые проследовал через станцию Алтынколь. 04.04.2018. abctv.kz/ru/last/kontejneryj-poezd-po-marshrutu-iz-polshi-v-knr-vpervye-pro (дата обращения 24.04.2018).

¹⁸ Около 2 млн контейнеров пройдет транзитом через Казахстан к 2020 г. 27.03.2018. www.inform.kz/ru/okolo-2-mln-konteynerov-proydet-tranzitom-cherez-kazahstan-k-2020-godu_a3200209 (дата обращения 24.04.2018).

По информации КТЖ, в 2016 г. число регулярных транзитных маршрутов через Казахстан было доведено до 16, а также добавлен маршрут Иу (Китай) – Лондон (19 суток в пути). Тогда же, в 2016 г., впервые был организован полносоставный рефрижераторный поезд по маршруту Херне (Германия) – Ланчжоу (КНР), где заказчиками на перевозку выступили производители элитных сортов вин из Франции. По состоянию на 2017 г., пропускная способность перехода Достык составила 5 контейнерных поездов, а перехода Алтынколь – 3 контейнерных поезда в сутки.

Кроме ЖД маршрутов казахстанские перевозчики активно используют мультимодальные варианты доставок грузов, несмотря на то, что это может увеличить количество пересечений границ. Среди новых продуктов КТЖ, к примеру, «Rail-Air» (вместо привычного «Sea-Air») из Юго-Восточной Азии через Дубай, позволяющий организовать доставку из КНР в Европу за 7–8 суток (с вовлечением железнодорожного и авиатранспорта). В 2016 г. через территорию Казахстана этим маршрутом были организованы отправки в Амстердам, Стамбул и Москву [13, с. 5–7].

Стремительному росту объема транзита через казахстанскую территорию способствовало не только его удачное географическое положение и активное участие республики во всех региональных интеграционных инициативах, но и реализация мер государственной политики, направленной на превращение Казахстана в мощный транспортно-логистический хаб. К мерам господдержки, в частности, относится государственная программа по субсидированию ставки вознаграждения¹⁹ при покупке в лизинг или кредит подвижного состава, Единая программа «Дорожная Карта Бизнеса 2020»²⁰, налоговые льготы для малого и среднего бизнеса, участвующего в развитии транспортно-логистических и почтовых проектов. Для наращивания транзитного потенциала программы государственной поддержки распространились и на расширение проходимости погранпереходов и увеличение парка фитинговых платформ. В рамках государственных мер к 2020 г. планируется увеличить парк этих платформ до 7500 (на начало 2017 г. – 1000 фитинговых платформ в оперировании)²¹.

¹⁹ Госпрограмма индустриально-инновационного развития РК на 2015–2019 гг. www.primeminister.kz (дата обращения 24.04.2018).

²⁰ Фонд развития предпринимательства «ДАМУ». Условия субсидирования проектов в рамках Единой программы «Дорожная Карта Бизнеса 2020». damu.kz/programmi/detail.php?ELEMENT_ID=4654 (дата обращения 24.04.2018).

²¹ Логистика контейнерных перевозок. Эфир программы «Транспорт и логистика» Atameken Business channel. 12.04.2017. abctv.kz/ru/tv/logistika-konteynerykh-perevozok-2510 (дата обращения 24.04.2018).

Сейчас у Казахстана появились технические возможности направлять грузопотоки не только в ЕС, но и в страны Центральной Азии (ЦА), Турцию, на Ближний Восток (через Иран). Это стало возможным в первую очередь благодаря строительству Сухого порта на базе СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота», который был завершен и передан в коммерческую эксплуатацию в 2015 г. В 2017 г. было подписано инвестиционное соглашение между КТЖ и китайскими COSCO Shipping и Портом Ляньюньгань, которые приобрели 49% доли участия в Сухом порту (ТОО «KTZE-Khorgos Gateway») ²².

Сухой порт находится в технологической связке с двумя казахстано-китайскими ЖД переходами (Достык и Алтынколь), а также с транзитной автомагистралью «Западная Европа – Западный Китай». В ноябре 2017 г. было открыто движение по вторым путям на отрезке «Алматы – Шу» ²³ [32], что позволило увеличить пропускную способность участка на пути китайского транзита в страны ЦА в 2,5 раза. Строится обводная ЖД ветка в обход станции Алматы, которая также позволит увеличить скорость прохождения транзитных грузов через эту станцию.

Как уже отмечено, преимущество грузоперевозок именно через Казахстан обеспечивается стремительным развитием его транспортной логистики и инфраструктуры, а также и тем, что грузы могут далее транспортироваться в страны ЦА, Южного Кавказа или направляться в Европу альтернативными способами, к примеру, по активно развивающемуся сейчас Мультимодальному контейнерному Транскаспийскому международному транспортному маршруту (ТМТМ).

ТМТМ, или Middle Corridor ²⁴, предложенный когда-то ТРАСЕКА, пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в страны Европы. Еще в 2016 г. эксперты выражали сомнения в реалистичности и, самое главное, в удобстве этого маршрута, тем более что паромное сообщение в цепочке доставок и недостроенная транскавказская ЖД «Баку – Тбилиси – Карс» делали маршрут неконкурентоспособным [см., например: 14]. Тем не менее ЖД была запущена в октябре 2017 г., и с тех пор

²² Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Справка о ходе реализации Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015–2019 гг. 27.03.2018. dep-tranzit.mid.gov.kz/ru/pages/spravka-o-hode-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-infrastrukturnogo-razvitiya-nurly-zhol-na (дата обращения 24.04.2018).

²³ «КТЖ» построило по программе «Нұрлы жол» вторые пути на линии Алматы – Шу. 27.11.2017. tengrinews.kz/kazakhstan_news/ktj-postroilo-programme-nurly-jol-vtoryie-puti-linii-331973 (дата обращения 24.04.2018).

²⁴ Соглашение о его создании подписано в ноябре 2013 г. *Источник*: ТМТМ. Маршрут. titr.kz/ru/marshrut.

транзитный коридор развивается особенно динамично, несмотря на то, что его пропускная способность, безусловно, несравнима с объемом перевозок по коридорам ЕАЭС. В сентябре 2017 г. было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве между ТМТМ и портом Ляньюньгань (КНР) ²⁵, в феврале 2018 г. к ТМТМ присоединилась Турция ²⁶, а в апреле 2018 г. стартовало регулярное фидерное контейнерное сообщение между Казахстаном и Азербайджаном ²⁷. В самом Ляньюньгане успешно функционирует совместный казахстанско-китайский транспортно-логистический терминал, 49% которого принадлежит КТЖ.

Кроме этого, в 2014 г. была запущена ЖД «Казахстан – Туркменистан – Иран», которая является частью континентального коридора «Север – Юг». За три года этой ЖД было перевезено более 3,3 млн т. Планируется, что к 2022 г. дорога выйдет на проектную мощность 15 млн т ²⁸. Поддержкой этого направления, на наш взгляд, также является и открытие в 2017 г. моста на границе Азербайджана и Ирана и тестовый запуск участка ЖД «Астара (Азербайджан) – Астара (Иран)» в феврале 2018 г., которые также являются частью коридора «Север – Юг». Учитывая тот транзитный потенциал, которым сейчас располагает Казахстан, по этим ЖД также могут отправляться контейнеризированные транзитные грузы. Тем более что в 2016 г. КТЖ организовала контейнерные поезда по транскаспийскому направлению и маршруту «Север – Юг». К 2020 г. Казахстан планирует нарастить объем контейнерных перевозок по транскаспийскому маршруту как минимум до 300 тыс. ДФЭ. Для привлечения транзитных и внешнеторговых грузов по этому направлению применяются еди-

²⁵ Порт Ляньюньгань и Транскаспийский международный транспортный маршрут подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве. 28.09.2017. titr.kz/ru/press-tsentr/novosti/48-port-lyanyungan-i-transkaspiskij-mezhdunarodnyj-transportnyj-marshrut-podpisali-soglashenie-o-strategicheskom-sotrudnichestve (дата обращения 24.04.2018).

²⁶ Турецкие железные дороги вступили в ассоциацию «Транскаспийский международный транспортный маршрут». 16.02.2018. titr.kz/ru/press-tsentr/novosti/62-turetskie-zheleznye-dorogi-vstupili-v-assotsiatsiyu-transkaspiskij-mezhdunarodnyj-transportnyj-marshrut (дата обращения 24.04.2018).

²⁷ Регулярное фидерное контейнерное сообщение запущено на Каспийском море по Транскаспийскому Международному Транспортному Маршруту (Middle Corridor). 06.04.2018. titr.kz/ru/press-tsentr/novosti/66-regulyarnoe-fidernoe-kontejnerno-soobshchenie-zapushcheno-na-kaspijskom-more-po-transkaspiskomu-mezhdunarodnomu-transportnomu-marshrutu-middle-corridor (дата обращения 24.04.2018).

²⁸ Объем перевозок по железной дороге Казахстан – Туркменистан – Иран должен увеличиться. 06.12.2017. abctv.kz/ru/last/obem-perevozok-po-zheleznoj-doroge-kazahstan-turkmenistan-i (дата обращения 24.04.2018).

ные железнодорожные тарифы и согласованные технологии организации движения²⁹.

Таким образом, несмотря на кажущуюся готовность ЕАЭС отвечать на внешние вызовы, а также на некоторые положительные тенденции последнего времени, в процессе развития транспортного пространства между странами ЕАЭС нарастает конкуренция и объективные противоречия. В настоящее время лидером по уровню развития транспортно-логистической инфраструктуры и объемам транзита является Казахстан. Руководством республики осуществлены значительные инвестиции в строительство физической транспортной и логистической инфраструктуры, инсталлирован ряд мер политики, стимулирующих частный бизнес к развитию подвижного состава, разработке и оптимизации транзитных маршрутов, включая мультимодальные, не ограничивающие логистику только лишь сухопутным транспортом. Все это, а также удачное географическое положение и многовекторность в реализации внешней политики, позволили Казахстану стать лидером транзита в ЕАЭС на данном этапе и сохранять в ближайшие годы инерцию лидерства в вопросах организации, оперирования и управления перевозками и транзитом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисоволик Я.Д., Кузнецов А.С., Бердигулова А.Р., Чернов Н.А. Специальный доклад «Экономическая география стран Евразии». Макрообзор ЕАБР. 2017. С. 51–55.
2. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018.
3. Ларин О.Н. Перспективы интеграции транспортных систем Евразийского экономического союза // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 152–170.
4. Асаул М.А. Развитие интеграции в сфере транспорта и инфраструктуры в Евразийском экономическом союзе // Фундаментальные исследования. 2016. № 2–1. С. 120–124.
5. Андреев В.К., Андреев С.В. Перспективы и этапы формирования единого транспортного пространства в ЕАЭС и СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 2 (11). С. 50–59.
6. Эмирова А.Е., Эмиров Н.Д. Перспективы транспортной системы России в формировании единого транспортного пространства Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 288–292.
7. Зуенко И.Ю., Зубань С.В. Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции // Таможенная политика России на Дальнем востоке. 2017. № 2(79). С. 5–24.

²⁹ В Баку состоялась церемония встречи поезда Nomad express сообщением через Китай и Казахстан. 03.08.2015. tengrinews.kz/money/baku-sostoyalas-tseremoniya-vstrechi-poezda-Nomad-express-278700 (дата обращения 24.04.2018).

8. Байбикова Э.Р., Забоев А.И. Евразийская экономическая интеграция на железнодорожном транспорте: современное состояние, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 4 (25). С. 79–96.
9. К единому транспортному пространству ЕАЭС / Доклад эксперта. Евразийский Межправительственный Совет. 2017.
10. Нурахметов Е. Нам предстоит сформировать единое транспортное пространство (интервью). 26.02.2018. www.rzd-partner.ru/logistics/interview/nam-predstoitsformirovat-edinoe-transportnoe-prostranstvo (дата обращения 24.04.2018).
11. Отчет акционерного общества «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» за 2015 год.
12. ЖД инфраструктура и транзит (Интервью с руководителем управления сопровождения инфраструктурных проектов и мобилизационной работы Комитета транспорта МИР РК А. Мешитбаевым). Эфир программы «Транспорт и логистика» Atameken Business channel. 06.03.2018. abctv.kz/ru/tv/zhd-infrastruktura-i-tranzit (дата обращения 24.04.2018).
13. Отчет акционерного общества «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» за 2016 год.
14. Зуенко И. Как пройдет китайский Шелковый путь и кто на нем заработает. 21.04.2016. carnegie.ru/commentary/63395 (дата обращения 24.04.2018).

ABOUT THE AUTHOR

Madina Oktamovna Turaeva – Doctor of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
m.o.turaeva@gma

NEW REALITIES OF THE EURASIAN TRANSPORT SPACE: KAZAKHSTAN TRANSIT

The article examines the Eurasian transit development trends. Despite the seeming willingness of the EAEU to respond to external transport challenges, competition and objective contradictions are growing among the participating countries. Kazakhstan has become regional leader in terms of the transportation and logistics infrastructure development and of the volume of transit. The author presents data on investments in physical infrastructure, as well as on a set of measures of stimulating state policy, which significantly increased Kazakhstan's transit potential. It will retain leadership in the organization, operation and management of transportation and of nearest transit

Keywords: EAEU, transit, container shipping, Kazakhstan, Dry port (Khorogos), Trans-Caspian transport route, logistics.

JEL: F20, O14, R41, R48.

М.Н. ТОШМАТОВ

кандидат экономических наук, и.о. профессора,
проректор по учебной работе и управления качеством образования
Технологического университета Таджикистана

Н.Т. МИРЗОРАХИМОВ

аспирант Технологического университета Таджикистана

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

В статье рассматривается актуальность и необходимость формирования и развития инновационной экономики, выявлены наиболее значимые факторы и предпосылки, которые могут дать импульс к повышению инновационной активности Республики Таджикистан.

Ключевые слова: фактор, предпосылка, инновация, инновационная экономика, конкурентоспособность страны, инновационное развитие.

JEL: O300.

В условиях интенсивно изменяющихся геополитической, геоэкономической и технологической картин современного мира перед экономикой Республики Таджикистан стоит задача перехода от аграрно-индустриального к инновационному типу развития на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны, что является одним из базовых принципов будущего устойчивого развития. Это актуально для стран с высоким уровнем роста населения, в т. ч. для Республики Таджикистан.

Национальной стратегией развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. определены три ключевые задачи: во-первых, достичь уровня социально-экономического развития, сопоставимого со странами сегмента со средним уровнем дохода; во-вторых, обеспечить устойчивость развития путем диверсификации и повышения конкурентоспособности национальной экономики; в-третьих, расширить и укрепить средний класс [5, с. 14].

Необходимость и важность формирования инновационной экономики в Республике Таджикистан диктуется современным состоянием ее экономики: низкой конкурентоспособностью национальной экономики, сопровождающейся отсталостью технологической базы и низким уровнем инновационной активности; высоким износом основных фондов (более 70%); низкой долей внутренних накопленных инвестиций; снижением доли промышленности в структуре ВВП; низким качеством и неэффективным использованием человеческого капитала; недостаточностью связи рынка труда и системы образования; отсутствием механизма «принуждения» к инновациям и коммерциализации результатов научных исследований и опытно-конструкторской деятельности и т. п. Макроэкономические показатели Республики Таджикистан отражены в таблице 1.

Таблица 1

Макроэкономические показатели Республики Таджикистан 2009–2016 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП в текущих ценах, млрд сомони	20,6	24,7	30,1	36,2	40,5	45,6	48,4	54,5
Темп развития, %	103,9	106,5	107,4	107,5	107,4	106,7	106,0	106,9
Объем производства сельхозпродукции, млрд сомони	6,5	8,2	7,9	9,5	9,9	10,5	12,2	15,1
Темп развития, %	93,6	109,2	105,7	110,8	103,8	105,0	111,3	116,0
Объем производства сельхозпродукции, млрд сомони	8,8	9,4	14,9	16,5	16,8	21,0	21,6	22,2
Темп развития, %	110,5	106,8	107,9	110,4	107,6	104,5	103,2	105,2
Финансирование в основные инвестиции, млрд сомони	3,9	4,7	5,0	4,5	5,8	7,5	9,7	11,1
Уровень инфляции, %	5,0	9,8	9,3	6,4	3,7	7,4	5,1	6,1
Уровень безработицы, %	2,2	2,1	2,3	2,4	2,3	2,4	2,3	2,4
Расходная часть государственного бюджета, млрд сомони	5,7	6,7	8,5	9,1	11,6	13,2	15,7	18,4

Источник: www.prezident.tj/ru/taxonomy/term/5/156.

Для формирования инновационной экономики важное значение имеет исследование причин технологической отсталости национальной экономики и создание условий для активизации в ней инновационных процессов. Это потребует проведения глубокого теоретического

исследования предпосылок и факторов становления инновационной экономики, условий и причин, которые ускоряют инновационный процесс, начиная от научно-исследовательских разработок до производства готовой продукции.

Уровень развития инноваций формируется в результате взаимодействия многих факторов. По мнению О.С. Пчелинцева [1], их можно разделить на четыре группы:

- социально-экономические условия развития региона;
- инновационный потенциал;
- человеческий капитал;
- управленческий потенциал.

Согласно докладу Европейского банка развития и реконструкции, имеющиеся предпосылки подразделяются на шесть групп:

- качество институтов;
- макроэкономическая среда;
- функционирование рынков;
- доступ к технологиям;
- способность к освоению технологий;
- креативный потенциал [7].

На основе имеющихся научных исследований факторов и предпосылок формирования инновационной экономики можно утверждать, что каждая национальная экономика имеет свои специфические особенности, а успех ее инновационного развития зависит от многих факторов. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Политико-правовой фактор. В современных условиях на инновационное развитие страны большое влияние оказывает политико-правовой фактор, который включает в себя политическую ситуацию в стране, стабильность политического режима, инновационную политику государства, законодательные меры и нормативно-правовые акты, поощряющие инновационную деятельность.

На сегодняшний день в политико-правовой системе Республики Таджикистан уже созданы предпосылки и приняты нормативно-правовые акты, необходимые для формирования и инновационного развития экономики: Закон Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности»; Закон Республики Таджикистан «О технологическом парке»; Закон Республики Таджикистан «О свободных экономических зонах в Республике Таджикистан»; Программа инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 гг., а также законы, программы, стратегии в области предпринимательства, науки и образования. Кроме вышеперечисленных в целях привлечения инвестиций в экономику страны был создан Консультативный совет по улучшению инвестиционного климата при Президенте Республики Таджикистан, призванный обеспечивать разработку рекомендаций и предложений для Президента Республики

Таджикистан и иных государственных органов по вопросам улучшения бизнес-среды и инвестиционного климата в Республике Таджикистан, необходимых для ускорения социально-экономического развития страны. Согласно Закону Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности», основной целью государственной инновационной политики является повышение эффективности производства, обеспечение конкурентоспособности продукции отечественных производителей на основе инноваций, обеспечивающих устойчивый экономический рост и достижение стратегических целей страны [4].

Природно-климатический фактор. Природно-климатические факторы имеют важное значение. Таджикистан является горной страной, обладающей большим запасом полезных ископаемых, освоение которых считается одним из основных условий для развития национальной экономики. Страна располагает значительным запасом природных ресурсов: серебра, золота, железа, свинца, сурьмы, угля, поваренной соли, драгоценных камней, нефти, газа и т. д., а также большим запасом неминерального сырья для производства строительных материалов. В республике обнаружены и изучаются более 400 месторождений с запасом 30 различных видов сырья: известняка, гранита, гранодиорита, мрамора, мраморного известняка, алебастра, кварцевого песка. На территории Таджикистана сосредоточено около 22% общих потенциальных запасов угля Центральной Азии. Добыча угля может сыграть заметную роль в снижении дефицита энергетики и в сотрудничестве с инвесторами обеспечить энергетическую независимость страны. С повышением спроса на уголь в различных отраслях республики, его добыча была доведена в 2017 г. до 1,74 млн т¹.

В области экологически чистых возобновляемых источников энергии Таджикистан обладает огромными возможностями. В части использования солнечной энергии республика имеет огромный потенциал. Количество солнечных дней в Таджикистане колеблется от 250 до 300 дней в году, и использование энергии солнца является одним из важных источников энергии будущего. По потенциальным запасам гидроэнергоресурсов страна занимает первое место в мире по удельным запасам на единицу территории, но эти запасы сегодня используются только на 3,5–4%. Ледники занимают около 8% территории страны. Также насчитывается 947 рек длиной более 10 км и общей протяженностью 28 000 км, более 25 000 рек и водостоков общей протяженностью 90 000 км [2]. Перспективы освоения относительно дешевой и экологически чистой электроэнергии в стране огромные. В республике имеется более 80 уже обследованных створов, пригодных для строительства крупных ГЭС [3].

¹ www.ent.tj.

Правительство страны принимает специальные меры для достижения одной из главных стратегических целей – энергетической независимости. В этот период в сфере энергетики с привлечением иностранных инвестиций был реализован ряд инвестиционных проектов. В эту сферу из всех источников финансирования уже направлено 1 861,8 млн долл. США². С целью планомерного развития энергетической отрасли в годы независимости в стране построены и сданы в эксплуатацию гидроэнергетические сооружения, ряд мелких и крупных гидроэлектростанций, высоковольтные линии электропередачи и мощные энергетические подстанции. В последние годы начата реализация регионального проекта передачи электроэнергии CASA-1000, восстановление и продолжение строительства гидроэлектростанции «Рогун». В результате этих мероприятий производственная мощность и экспортные возможности страны увеличились в разы. Строительство и совершенствование инфраструктуры передачи электроэнергии создали новые возможности для экономики. Рациональное использование огромного гидроэнергетического потенциала Республики Таджикистан и реализация важнейших для страны проектов в области гидроэлектроэнергетики будет отвечать не только интересам развития нашей республики, но и стран региона, что в итоге даст толчок инновационному росту экономики всего региона.

Социально-демографический фактор. Большую роль в осуществлении перехода экономики на устойчивый путь развития играют социально-демографические факторы, которые, в свою очередь, зависят от структуры общества, от культуры, образования, обычаев, традиций, производственных отношений, социальной инфраструктуры и т. д. Первопричиной развития любой территории является ее население, которое создает предпосылки для развития в стране разнообразных видов экономической деятельности и обеспечивает территорию трудовыми ресурсами.

Согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, численность постоянного населения Таджикистана составляет 8742,8 тыс. человек (в 2016 г.), а трудовые ресурсы – 4 859 тыс. человек. Уровень официально зарегистрированной безработицы к численности рабочей силы составил 2,4%. Средняя продолжительность жизни граждан – 73,5 года. Демографическая ситуация и социальная защита населения, в частности сфера образования и здравоохранения, находятся в центре постоянного внимания Правительства Республики Таджикистан. В 2017 г. из государственного бюджета было выделено на образование – 18,03%, на здравоохранение – 7,25%, социальное страхование и соцзащиту – 16,36%, культурномассовые и оздоровительные меро-

приятия – 4,14%. За счет всех источников финансирования завершено строительство общеобразовательных учреждений для 184 719 учеников, дошкольных учреждений – на 2 373 мест, больниц – на 2 953 коек, клиник – для единовременного принятия 8 389 больных³. В последние годы в результате проведения необходимых реформ ситуация в данных сферах существенно улучшилась.

Материально-техническая база сферы науки и техники. Материально-техническая база науки является важной составляющей в инновационном развитии страны, так как она определяет возможности проведения научных исследований и разработок, а также их результативность. Она включает парк машин, механизмов, аппаратов, приборов, лаборатории, оснащенные экспериментальным оборудованием, технологические процессы, производственные сооружения. На сегодняшний день Академия наук Республики Таджикистан объединяет 16 научно-исследовательских институтов и ряд других научных учреждений, ведущих исследования в области естественных, технических и общественных наук. Научные учреждения объединены в 3 отделения: Отделение физико-математических, химических, геологических и технических наук; Отделение биологических и медицинских наук и Отделение общественных наук. Также в стране имеется 39 (с учетом филиалов) учреждений высшего профессионального образования. Многие разработки вышеназванных учреждений нашли практическое применение в важнейших отраслях народного хозяйства, внедрение которых позволило получать новые материалы, лекарственные препараты, повышать урожайность сельскохозяйственных культур и т. д.

Финансово-экономический фактор. Последовательным осуществлением реформ в важнейших отраслях экономики посредством реализации программ и стратегий по экономическому развитию Правительство заложило благоприятную основу для развития экономики страны. Государственная политика в сфере экономики была направлена на всестороннюю поддержку частного сектора. В законодательстве, регулирующем предпринимательскую и инвестиционную деятельность, предусмотрены льготы в приоритетных сферах экономики. Так, например, был принят новый Налоговый кодекс, в котором налоги сокращены с 21 вида до 9. Была проведена реформа системы лицензирования, в рамках которой число лицензий было сокращено с 650 до 74. За последние 15 лет ВВП на душу населения вырос в 19,6 раз (в текущих ценах), по сравнению с 2000 г. Объем доходной части государственного бюджета вырос в 55,3 раза. Внешнеторговый оборот в 1991 г. составлял всего 131,1 млн долл. США и за 25 лет государственной независимости вырос в 33,0 раза – до 4325,5 млн долл. США.

² www.prezident.tj.

³ www.prezident.tj.

Если в 1995 г. объем кредитного финансирования в экономике составлял 9,1 млн сомони, то только в 2015 г. объем выданных кредитов достиг 12,5 млрд сомони, 42% которых составляют микрокредиты⁴.

Одним из важнейших факторов перехода к инновационному типу экономики Республики Таджикистан является обеспечение ее конкурентоспособности. В этом аспекте важное значение имеют анализ существующих международных рейтингов и разработка мероприятий, направленных на повышение конкурентоспособности национальной экономики. В этих целях нами проанализировано место Республики Таджикистан по нескольким международным агентствам по рейтинговым оценкам. Согласно Индексу глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index), Республика Таджикистан занимает 79 строчку (см. табл. 2). Всемирный экономический форум (ВЭФ) готовит ежегодный доклад, в котором учитываются 113 переменных, детально характеризующих конкурентоспособность стран мира. Все переменные объединены в 12 контрольных показателей, по трем из которых Таджикистан находится в первой половине списка: «Качество институтов» (42); «Эффективность рынка труда» (34); «Инновационный потенциал» (47). По остальным показателям Республика Таджикистан занимает нижние строки рейтинга: «Инфраструктура» (99); «Макроэкономическая стабильность» (103); «Здоровье и начальное образование» (73); «Высшее образование и профессиональная подготовка» (76); «Эффективность рынка товаров и услуг» (68); «Развитость финансового рынка» (105); «Уровень технологического развития» (114); «Размер внутреннего рынка» (118); «Конкурентоспособность компаний» (75).

Правительство республики уделяет особое внимание вопросу инвестирования в экономику, принимает конкретные меры по созданию благоприятных условий для инновационного развития. Так, на территории Таджикистана правительством созданы четыре свободных экономических зоны – «Сугд», «Дангара», «Ишкашим», «Пяндж», где иностранному бизнесу предоставляются различные льготы и преференции. Только в течение 10 последних лет в стране реализованы более 90 государственных инвестиционных проектов на общую сумму 12 млрд сомони. В настоящее время осуществляются 63 новых проекта на общую сумму более 19 млрд сомони. В 2006–2015 гг. в республике за счет всех источников финансирования были введены в оборот основные фонды объемом 28,3 млрд сомони, в том числе за счет государственного финансирования – 9,3 млрд сомони, был освоен объем инвестиций на сумму 48,6 млрд сомони, в том числе за счет государственного финансирования – 18,3 млрд сомони. В течение 1991–2015 гг. в различные сферы экономики Республики

⁴ www.prezident.tj.

Таблица 2

Рейтинг глобальной конкурентоспособности, 2017–2018 гг.

№	Страна	Место в рейтинге	Индекс
1	Швейцария	1	5,9
2	США	2	5,9
3	Сингапур	3	5,7
4	Россия	38	4,6
5	Казахстан	57	4,3
6	Таджикистан	79	4,1
7	Украина	81	4,1
8	Кыргызстан	102	3,9

Источник: составлено автором по данным: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2017–2018.

Таджикистан инвестированы иностранные инвестиции на общую сумму 8 112,1 млн долл. США, в частности, прямые инвестиции на общую сумму 3 562,4 млн долл. США, что составляет 44% от общего объема иностранных инвестиций⁵.

Информационно-коммуникационный фактор. Характерной чертой инновационной экономики является большое количество актуальной и важной информации. Информационно-коммуникационные факторы способствуют быстрому принятию управленческих решений. Благодаря новым информационно-коммуникационным технологиям и инновациям становится возможным распространение информации на большую аудиторию, что способствует повышению эффективности бизнес-процессов. За последние годы достигнут заметный прогресс в развитии информационной инфраструктуры Республики Таджикистан. В Интернете создаются страницы государственных и коммерческих структур. Каналы, передающие национальные программы по радио, телевидению и связи, полностью перешли на цифровые технологии, что обеспечивает беспрепятственный доступ населения всех регионов страны к современным информационным услугам. В период 2005–2015 гг. в Республике Таджикистан расширилась сеть электрической связи, увеличился объем обслуживания и количество пользователей. Количество интернет-абонентов в 2005 г. составляло 6 7134 человек, в 2010 г. – 1,3 млн человек, в настоящее время – 2,9 млн человек⁶.

⁵ www.prezident.tj.

⁶ Там же.

Научно-образовательный фактор. На сегодняшний день модернизация и инновационное развитие экономики в значительной степени определяются накопленным и реализованным человеческим капиталом. Наука и знания всегда были важными факторами экономического развития. Образование улучшает качество, повышает уровень знаний человека, а высшее образование способствует формированию высококвалифицированных специалистов, труд которых оказывает значительное влияние на темпы экономического роста. Согласно статистическим данным, в Республике Таджикистан функционирует 3 874 учреждения общего образования, численность учащихся которых составляет 1 837,8 тыс., 62 учреждения начального профессионального образования, где за 2016–2017 гг. выпущено 15,5 тыс. специалистов, 67 учреждений среднего профессионального образования, где за 2016–2017 гг. выпущено 14,0 тыс., 39 учреждений высшего профессионального образования, где за 2016–2017 гг. выпущено 33,2 тыс. специалистов, численность преподавательского персонала составляет 10 010, в том числе 2 590 кандидатов наук и 603 докторов наук. В Республике работает 16 научно-исследовательских институтов. Сегодня образование находится в центре внимания правительства. Об этом свидетельствуют государственные расходы, которые за 2017 г. составили 3 140,0 млн сомони, или 5,8% к ВВП страны. В современном мире увеличивается значение образования и науки, как важнейшего фактора формирования инновационной экономики. От того, насколько успешно будет развиваться система образования и науки Республики Таджикистан, зависит перспективное развитие экономики страны.

Таким образом, для обеспечения более высоких темпов экономического развития, для эффективной реализации инновационной политики и обеспечения конкурентоспособности экономики Республики Таджикистан необходимо: создание экономических условий для реализации инновационных программ и проектов; государственное финансирование инновационной деятельности; широкое привлечение инвестиций в инновационную сферу; развитие предпринимательства и коммерциализация инновационных проектов; формирование и развитие эффективных механизмов государственно-частного партнерства; создание механизма мотивации предприятий к осуществлению инновационной деятельности; создание технопарков, стартап-центров для инновационного развития; устранение административных барьеров; улучшение правовой среды и защиты авторских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности» от 16.04.2012 года № 822.
2. Национальная Стратегия Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 01 декабря 2016 года. № 636. Политика поддержки инноваций. ЕБРР // Доклад о переходном процессе за 2014 год.
3. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. С. 89.
4. Валамат-заде Т. Энергетика Таджикистана: настоящее и ближайшее будущее // Центральная Азия и Кавказ: журнал социально-политических исследований. Швеция, 2008. № 1 (55).
5. Petrov G. Tajikistan's Energy Projects: Past, Present, and Future, Central Asia and the Caucasus // Journal of Social and Political Studies. Sweden, 2004. № 5(29). P. 93–103.

ABOUT THE AUTHORS

Mahmud Negmatovich Toshmatov – Candidate of Economic Sciences, Acting Professor, Vice-Rector for Academic work and Quality Management at the Technological University of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan. makhmud@mail.ru

Nematjon Tohirovich Mirzorahimov – Post-Graduate Student of the Technological University of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan. nemat@list.ru

PREREQUISITES AND FACTORS OF FORMATION OF INNOVATIVE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

In this article the urgency and necessity of formation and development of innovative economy are considered, the most significant factors and prerequisites, which can give an impulse to an increase of innovative activity of the Republic of Tajikistan, are revealed.

Keywords: factor, prerequisite, innovation, innovative economy, country's competitiveness, innovative development.

JEL: O300.

В.А. КОЗЛОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры демографии
Института демографии Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

В статье рассматриваются особенности демографического поведения (рождаемости и смертности) у русских в постсоветских странах с наиболее многочисленной русскоязычной диаспорой и наличием надежных статистических данных – в Казахстане, Кыргызстане, Латвии и Эстонии. Проведен анализ факторов, определяющих динамику численности русской диаспоры в этих странах. Показано, что различия между русским населением и титульными национальностями в естественной убыли вызваны как особенностями возрастной структуры, так и более низкой продолжительностью жизни русских и интенсивностью рождений. Рассмотрены социальные и экономические причины демографических проблем русской диаспоры в сравнении с ситуацией в России.

Ключевые слова: русская диаспора, естественный прирост, рождаемость, страны постсоветского пространства.

JEL: J11, J15.

Русские составляют существенную долю от населения разных стран, являющихся ранее республиками бывшего СССР². Оценки их численности можно осуществлять, прежде всего, по данным переписей населения (см. табл. 1). Также в ряде стран, где текущий учет демографических событий позволяет вести их разработку по национальности, можно найти оценки и по годам между переписями, но точность их во

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект №16-23-19003 «Особенности формирования семей у русских, проживающих в зарубежных странах, по сравнению с представителями титульных национальностей», Международный конкурс в рамках проекта ERA.Net RUS Plus 220RUS_FAM).

² В данной работе как объект исследования выделено не русскоязычное или славянское, а русское по самоопределению население. Его демографическое поведение рассмотрено в сравнении с самосохранительным, определяющим смертность, и репродуктивным, определяющим рождаемость, поведением населения титульных национальностей.

многих случаях оставляет желать лучшего (показатели по отдельным странам представлены в табл. 2).

На изменение численности населения той или иной национальности влияют как естественные факторы (рождаемость и смертность), так и особенности миграции и ассимиляции (а также изменения самоопределения). Миграция (репатриация – возвращение в Россию) была особенно сильна среди русскоязычного населения в странах Центральной Азии. Наиболее существенное влияние ассимиляция оказывает на изменение численности диаспор в странах, родственных друг другу по языку и культуре. Например, в России, на Украине и в Белоруссии наблюдается достаточно быстрая смена идентификации людьми, заметно усилившаяся после обретения независимости. Так, после 1991 г. в России наблюдается очень быстрое сокращение численности и доли этнических украинцев и белорусов, которое во многом происходит именно за счет ассимиляции и смены национальной идентичности, особенно среди молодежи. Заметим, что, по данным переписи 1989 г. численность украинцев в России составляла около 4,36 млн человек, а белорусов – 1,2 млн, по данным переписи 2002 г. соответственно – 2,94 млн и 808 тыс., а по переписи 2010 г. – 1,93 млн и 521 тыс. человек. По этой же причине может сокращаться доля русских в Белоруссии и на Украине (см. табл. 1). Во многом из-за ожидаемого большого влияния ассимиляции на изменение численности населения и невозможности достоверно оценить данный процесс в статье обе упомянутые славянские страны бывшего СССР не рассматриваются.

Анализ демографического поведения русской диаспоры будет проведен на примере двух стран Прибалтики (Латвия и Эстония) с большой долей русских в составе населения и двух стран Центральной Азии – Казахстана, где доля русских также велика, и Кыргызстана. При этом Кыргызстан включен в выборку, с одной стороны, за «былые заслуги» (пятая по размеру русская диаспора в 1989 г.), а с другой стороны, методом исключения, так как мы не рассматриваем славянские республики, а по Молдове данные по русскому населению полностью недоступны из-за отсутствия в официальной статистике материалов по ПМР³. Отметим, что и в данных странах возможна ассимиляция, например, через механизмы принятия титульной национальности детьми в смешанных парах. Это характерно и для

³ Отметим, наличие ряда интересных работ отечественных и зарубежных специалистов, проведенных по странам за пределами нашего выбора: по движению населения в Молдове, с детальным изучением ее этнического состава и динамики естественного и миграционного движения отдельных национальностей [2], а также по особенностям рождаемости и смертности в зависимости от национальности в Литве [7; 8] – еще одной Прибалтийской республике, где, правда, в настоящий момент численность населения русских довольно невелика.

Таблица 1

Доля русских в населении стран, ранее являвшихся республиками СССР (по переписи 1989 г. и последним доступным переписным данным)

Страна	Перепись 1989 г., %	Последние доступные данные	
		доля, %	источник
Латвия	34,0	26,9	перепись 2009 г.
Эстония	30,3	25,2	перепись 2011 г.
Казахстан	37,8	23,7	перепись 2009 г.
Украина	22,1	17,5	перепись 2001 г.
Молдавия	13,0	8,7	перепись 2004 г. (без учета ПМР*)
Белоруссия	13,2	8,3	перепись 2009 г.
Киргизия	21,5	7,8	перепись 2009 г.
Литва	9,4	5,8	перепись 2011 г.
Азербайджан	5,6	1,2	перепись 2009 г.
Грузия	6,3	0,6	перепись 2014 г. (без учета Абхазии и Ю. Осетии)
Армения	1,6	0,4	перепись 2011 г.
Таджикистан	7,6	0,3	перепись 2010 г.
Туркмения	9,5	н-д	данные переписи 2012 г. неизвестны
Узбекистан	8,3	н-д	не проводилось переписи с 1989 г.

*ПМР – Приднестровская Молдавская Республика.

Источники: данные за 1989 г. с сайта Демоскоп Weekly. www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6 (дата обращения 11 марта 2018 г.); данные по странам бывшего СССР. Национальные статистические органы (официальные сайты – доступная информация).

Прибалтики (например, в Латвии, по последним доступным данным на 2016 г., только 53% детей, у которых оба родителя русские, а 47% рождены в смешанных браках русских с представителями других национальностей), и для Казахстана, где существуют, хотя и не в таком большом количестве, смешанные семьи между русскими и представителями основной национальности республики [1]. Кроме того, текущая статистика показывает, что, несмотря на более низкую долю русских в активном репродуктивном возрасте по сравнению с казахами, их доля в смешанных браках очень велика.

Во всех вошедших в выборку странах до сих пор в явном виде на сокращение численности русских влияет миграция. Так, с 2011 г. по 2015 г., по официальной статистике, Кыргызстан потерял из-за отрицательного миграционного баланса 26 тыс. русских, Латвия за 2014–2016 гг. – более 9 тыс. Хотя из обеих стран уезжало и титульное

население. Причем в Латвии (в относительных числах) процесс проходил быстрее, а в Кыргызстане менее интенсивно, так как трудовая миграция в расчет не бралась. Казахстан с 2010 г. по 2014 г. терял в миграционном обмене от 13,5 до 18 тыс. русских в год (при положительном сальдо миграции казахов из других стран, что способствовало более интенсивному снижению доли русских).

Отметим, что демографическая ситуация в рассматриваемых республиках существенным образом различается. Например, в Латвии, несмотря на относительно высокую по постсоветским, но сравнительно небольшую по европейским меркам продолжительность жизни – около 70 лет у мужчин и 79 лет у женщин по состоянию на 2015 г., а также сравнительно высокую рождаемость – в 2016 г. примерно на уровне 1,74 ребенка на женщину, численность населения сократилась до отметки ниже 2 млн человек. Население здесь сокращается как за счет естественной убыли, так и за счет эмиграции. В Эстонии население находится примерно на уровне 1,3 млн человек. В стране наблюдается небольшая естественная убыль (при рождаемости в 1,6 и продолжительности жизни мужчин – 73,2 и женщин – 82,2 года). Однако за счет того, что негативные тенденции в миграции, которые наблюдались в 2010-е годы, в 2015 и 2016 гг. сменились на позитивные, в стране население медленно, но растет. В Казахстане наблюдается рост численности населения за счет стабильного естественного прироста (около 1,4% в год), которое превысило в 2017 г. 18 млн человек. При этом рождаемость в 2016 г. находилась на очень высоком уровне – 2,8 ребенка на женщину, а продолжительность жизни сравнима с Россией – 67,5 лет у мужчин и 76,4 – у женщин. Миграционный прирост в Казахстане в последние годы был отрицательным, хотя и незначительным по величине. В Кыргызстане численность населения, по официальной статистике, превысила 6 млн человек. Рождаемость в стране составляет примерно 3,2 ребенка на женщину, продолжительность жизни – 66,4 и 74,3 лет для мужчин и женщин соответственно. Миграционный прирост отрицательный, причем высока вероятность его серьезного недоучета.

Анализируя изменения доли русских в населении, отметим ее небольшое уменьшение в Прибалтике и значительное сокращение в Казахстане и Кыргызстане. Учитывая различия в демографическом развитии республик, такая динамика представляется логичной. Принимая во внимание сложившиеся демографические тенденции, можно ожидать, что доля русских в общей численности населения будет убывать и дальше.

Следует также упомянуть относительно неоднородное распределение русских по территориям республик. Высокую концентрацию русского населения можно отметить в столицах, хотя сейчас его доля

Таблица 2

**Динамика доли русских в численности населения
(по данным текущего учета 2009–2017 гг., %)**

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кыргызстан	7,8	7,50	7,20	6,90	6,60	6,40	6,20	6,10	
Казахстан	23,7	23,29	22,83	22,35	21,89	21,47	21,05	20,61	20,20
Эстония			25,20	25,30	25,22	25,39	25,15	25,10	25,10
Латвия	26,9	26,88	26,82	26,50	26,21	25,99	25,80	25,60	25,40

Источник: Национальные статистические органы; Statistics Estonia. www.stat.ee/population; Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. stat.gov.kz; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. www.stat.kg/ru/statistics; Central Statistical Bureau of Latvia. www.csb.gov.lv/en.

снижается. Особенно заметно это снижение в стремительно урбанизирующихся за счет местного населения Кыргызстане и в Казахстане, где идет стягивание населения к обеим столицам. Так, в 1989 г. русские составляли примерно 56% населения Бишкека (бывший Фрунзе), в 1999 г. уже около 33%, в 2009 г. – 23%, а в 2016 г., по оценкам, менее 18% (в абсолютных цифрах сокращение составило примерно 2 раза: с 345 до 170 тыс. человек). Доля русских в населении Алматы в 1989 г. составляла 59%, к 1999 г. она сократилось до 45%, а к началу 2010 г. – до 33% (в абсолютных цифрах сокращение составило около 200 тыс. человек). Возможно, относительно невысокое сокращение доли русского населения в Алматы связано с медленным ростом его населения в целом, так как город утратил столичный статус. В Латвии и Эстонии сокращение численности русских в столицах происходило на фоне сокращения общей численности населения Риги и Таллина (во многом за счет эмиграции, в том числе и коренного населения). Так, в Риге доля русских в 2017 г. по сравнению с 1989 г. упала с 47 до 37%, но в абсолютных цифрах сокращение было сравнимо с сокращением в Алматы – около 200 тыс. (с 430 до 238 тыс. человек). В Таллине сокращение было еще менее заметным: с 41,5 до 37% (примерно на 50 тыс. – с 207 до 157 тыс. человек)⁴. Отметим, что большая доля русских, часто превышающая долю титульного населения, наблюдается на северо-востоке Эстонии, севере Казахстана и юго-востоке Латвии (по границе с Россией).

⁴ Высокая доля русских в населении столиц в позднесоветский период была характерна и для других центральноазиатских и прибалтийских республик. Так, по переписи населения 1989 г., доля русских в населении Ташкента составляла 34%, Душанбе и Ашхабада – около 32%, Вильнюса – 20%.

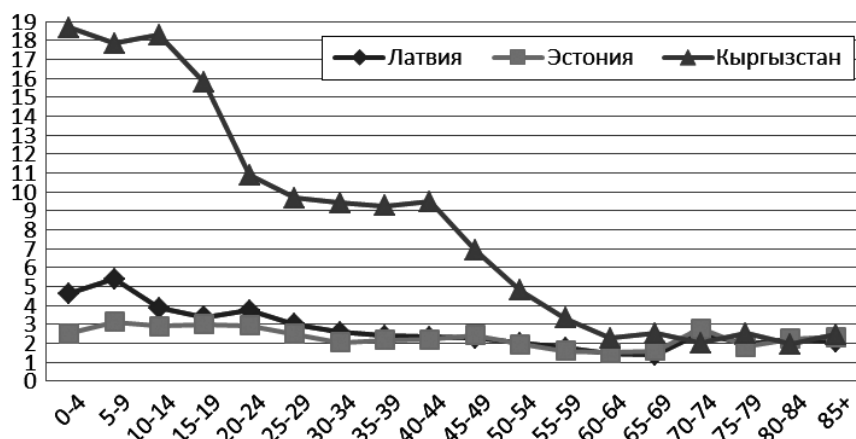
Во всех рассматриваемых странах русское население демонстрирует естественную убыль. Как известно, естественное движение населения, определяемое количеством родившихся и умерших, может зависеть не только непосредственно от интенсивности процессов рождаемости и смертности (для точности определяемых суммарным коэффициентом рождаемости⁵ и ожидаемой продолжительностью жизни), но и от возрастной структуры населения (при прочих равных условиях у пожилого населения выше смертность и ниже рождаемость).

В условиях отсутствия притока молодого населения после распада СССР в возрастной структуре русских в странах, ранее являвшихся республиками СССР, стала увеличиваться доля старших возрастных групп. Например, в Казахстане среди населения в возрасте 65 лет и старше находится 13% русских и 4,3% казахов. И естественно, что у русских при такой возрастной структуре будет наблюдаться более высокая смертность и низкая рождаемость. Отметим, что в Казахстане рассчитывались демографические показатели, очищенные от влияния возрастной структуры, но в других республиках они недоступны за все периоды наблюдения.

Такая же ситуация отмечается и в трех других рассматриваемых странах (особенно это видно на примере Кыргызстана) (см. рис. 1). И если в странах Центральной Азии различия в возрастном составе были не в пользу русских уже в советский период, то относительно быстрое старение русской диаспоры в Прибалтике началось с 1990-х годов [14].

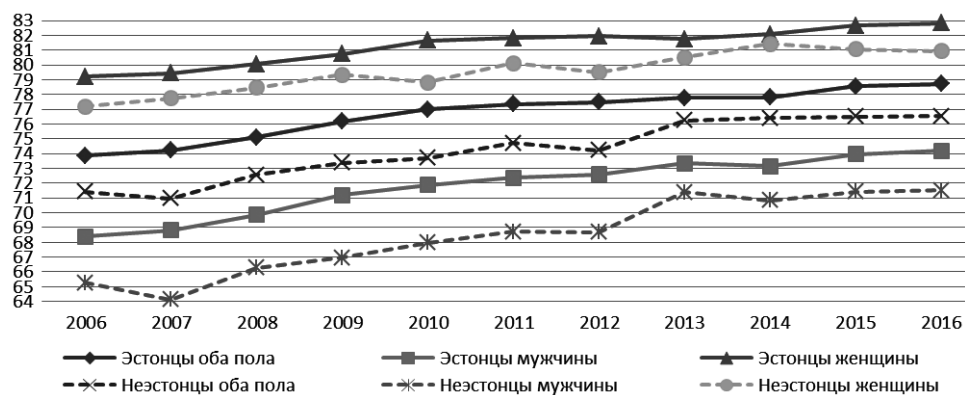
Косвенные признаки указывают на то, что даже с учетом возрастной структуры населения, число рождений на женщину у русского населения по сравнению с титульным населением ниже, а смертность среди взрослого населения выше. Так, в Латвии доля русских среди всех рождений составляет около 16% (до недавнего времени было менее 12%), а среди всех смертей около 31%. Однако различия могут быть не столь существенными из-за большого числа рождений в смешанных браках. В Эстонии в 2016 г. рождаемость у эстонцев составила 1,68 против 1,66 у прочего населения. При этом данный разрыв существенно ниже наблюдаемого в начале и середине 1990-х годов, когда превышение доходило до 25–45%. Однако нельзя точно сказать, каков вклад именно русских в эту разницу. По данным переписи населения 2011 г., в реальных поколениях рождаемость у эстонцев превышает итоговую рождаемость русских во всех случаях, кроме самых пожилых поколений (начала 1930-х годов рождения). Так, к возрасту 45–49 лет итоговая рождаемость эстонцев приближается к замещению поколения (2,03), а у русских находится примерно на уровне 1,55 (у русских в России,

⁵ Количество детей, рожденных женщиной в течение ее жизни.

Источник: Расчеты автора по данным национальных статистических органов; Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. stat.gov.kz; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. www.stat.kg/ru/statistics; Central Statistical Bureau of Latvia. www.csb.gov.lv/en.

Рис. 1. Количество представителей титульной национальности на одного русского (в Эстонии – неэстонца – особенность учета текущего населения. Также, кроме русских в состав «неэстонцев» в значительном количестве входят украинцы, белорусы, финны, латыши, евреи, немцы) в разных возрастных группах

Источник: Statistics Estonia. www.stat.ee/population.

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни в Эстонии

по переписи 2010 г., – 1,68). Причем даже среди эстонок с высоким уровнем образования итоговая численность рожденных детей выше, начиная с поколений начала 1930-х годов. Что касается продолжительности жизни, то с 2009 г. по 2016 г. разрыв между неэстонцами и эстонцами колебался от 3,3 до 1,4 лет, но неизменно в пользу последних (см.

рис. 2). Логично предположить, что показатель продолжительности жизни русских находится примерно на уровне продолжительности жизни неэстонцев в целом.

В Кыргызстане разница между численностью русских и кыргызов в активном репродуктивном возрасте составляет 9–10 раз, но в численности родившихся русских примерно 2–3%, а кыргызов – 75%. Таким образом, разница в рождаемости может составлять до 2 раз (разрыв между общими коэффициентами рождаемости составляет 2,7 раза, но следует заметить, что среди кыргызов выше доля женщин репродуктивного возраста). Итоговые цифры рождаемости реальных поколений, рассчитанные по данным переписи, подтверждают эти цифры: у кыргызок к выходу из репродуктивного возраста (достижению 45–49 лет) рождаемость была на уровне 3,8, а у русских в 2 раза ниже – 1,9 (что выше, чем у русских в России, но все же не обеспечивает воспроизводства населения). Причем различия видны во всех образовательных группах. Например, русские с высшим образованием в среднем имеют 1,5 детей на женщину, а кыргызки – 2,4. Что касается смертности, то здесь различия в общем коэффициенте составляют примерно такую же величину, что и различия в рождаемости. При этом расчеты продолжительности жизни по национальности показывают, что у русских в Кыргызстане она в среднем ниже, чем у кыргызов и у населения России [5; 6].

В Казахстане, по данным статистики, текущая рождаемость казахов примерно на 85% выше рождаемости русских (русские представляют собой единственный крупный этнос с уровнем рождаемости, не обеспечивающим простого воспроизводства и не поднимавшимся выше 1,6 за период с 2000 г. по 2010 г.). На селе эти различия доходят почти до 2 раз, в городе – около 70–75%. Продолжительность жизни в Казахстане возрастает примерно в равной степени у русских и у казахов. Однако разница сохраняется на уровне примерно 5% в пользу казахов.

Оценивая возможные причины менее благоприятного демографического положения русского населения, в первую очередь стоит заметить, что титульные национальности находились с русскими на разных этапах демографического перехода. Так, в Латвии и Эстонии местное население демонстрировало более или менее стабильную рождаемость в реальных поколениях с 1920-х годов [9]. В то же время русские первоначально демонстрировали чуть более высокие показатели рождаемости в реальных поколениях. Но затем их репродуктивное поведение повторило путь, которым пошли большинство народов в России, – сокращение числа детей на одну женщину в реальных поколениях до количества, существенно более низкого, чем необходимо для простого воспроизводства населения (и ниже, чем у народов Северной Европы, включая латышей и эстонцев) [12]. Также к особенностям

репродуктивного поведения русского населения относятся более ранние браки, меньшая доля рождений в незарегистрированных браках, большая вероятность родить первого ребенка, но существенно более низкая вероятность (даже для смешанных союзов) рождения вторых и третьих детей (во многом эти очередности и определяют разрыв в современной рождаемости в пользу народов Прибалтики) [11; 12].

Еще более существенные различия по этапам демографического перехода наблюдаются у русских и титульных национальностей стран Центральной Азии, несмотря на рост периодного индикатора в 2000-х годах и более высокие по сравнению с русскими в России показатели реальной рождаемости. Очищенные от влияния возрастной структуры показатели демонстрировали в прошлом разницу примерно в 3 раза, сейчас – примерно в 2 раза [13].

Что касается влияния экономического кризиса и этнической напряженности, то, по косвенным оценкам, это могло привести к откладыванию рождения в первую очередь второго и последующих детей на более поздний срок среди русского населения Казахстана и Кыргызстана [2; 3]. Однако в итоге на реальных поколениях это существенным образом не сказалось (вряд ли стоит ожидать от русских в упомянутых странах рождаемости на уровне выше 2 детей на женщину). Судя по сближению рождаемости титульного населения Эстонии и неэстонцев, а также латышей и русских, подобный экономический и политический шок, вызвавший изменение календаря рождений, затронул и Прибалтику. Но здесь разница в рождаемости невелика и потрясения были не столь существенны, чтобы можно было сделать однозначные выводы.

Много вопросов остается и по селективности миграции. Например, не так просто определить, чем отличаются по своим репродуктивным установкам и поведению русские, покинувшие республики, и оставшиеся в них. Если предположить, что остались более приспособленные и ассимилированные, то справедливо считать, что уровни рождаемости среди них и у коренного населения будут сближаться. Если же исходить из того, что остались в основном маргинальные группы русского населения – неактивные, те, кому некуда ехать, нет подходящего образования, навыков и профессии, то предположения о росте рождаемости и большей ассимиляции могут оказаться неверными.

«Парадокс низкой продолжительности жизни» русского населения в странах Прибалтики и Центральной Азии исследователи связывают с традиционно более высоким потреблением алкоголя по сравнению с титульным населением всех рассматриваемых бывших республик СССР [5; 6; 10]. Тем не менее важным вопросом является причина избыточного потребления алкоголя. Если в случае с Центральной Азией можно говорить о культурных и религиозных различиях, кото-

рые определяли за счет употребления алкоголя более высокую смертность русского населения еще с 1970-х годов, то в случае с Прибалтикой различия до распада СССР были не столь очевидными. Скорее в этих странах социально-экономический кризис в большей степени затронул русских и русскоязычных, так как они были заняты в основном на крупных государственных предприятиях, остановившихся из-за экономических проблем. Многие не знали местного языка и не могли интегрироваться в изменяющийся социум. Это вело к увеличению стресса и, как следствие, злоупотреблению алкоголем и росту смертности, особенно среди трудоспособного населения.

Подытоживая, отметим, что, несмотря на все еще относительно большое представительство русского и родившегося в России населения в странах бывшего СССР, в перспективе оно будет только сокращаться. И хотя в настоящий момент «шоковые» факторы, имевшие место в 1990-е годы, практически нивелированы – даже простого воспроизводства русской диаспоры ожидать не приходится. В странах Прибалтики это приводит к очень медленному сокращению ее доли в общем составе населения, а в стремительно растущей по численности населения Центральной Азии русские в демографическом плане быстро превращаются во все менее заметное меньшинство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов В.А., Айгозина Г.К. Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических расстояний. 2017. Демоскоп Weekly № 733–734. www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php.
2. Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя ... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012.
3. Agadjanian V. Post-Soviet demographic paradoxes: Ethnic differences in marriage and fertility in Kazakhstan // Sociological Forum. Springer Netherlands, 1999. Т. 14. № 3. С. 425–446.
4. Agadjanian V., Dommaraju P., Nedoluzhko L. Economic fortunes, ethnic divides, and marriage and fertility in Central Asia: Kazakhstan and Kyrgyzstan compared // Journal of Population Research. 2013. Т. 30. № 3. С. 197–211.
5. Duthé G. et al. Adult mortality patterns in the former Soviet Union's southern tier: Armenia and Georgia in comparative perspective // Demographic Research. 2017. Т. 36. С. 589–608.
6. Guillot M., Gavrilova N., Pudrovska T. Understanding the "Russian mortality paradox" in Central Asia: evidence from Kyrgyzstan // Demography. 2011. Т. 48. № 3. С. 1081–1104.
7. Jasilioniene A., Stankuniene V., Jasilionis D. Census-linked study on ethnic fertility differentials in Lithuania // Studies of Transition States and Societies. 2014. Т. 6. № 2.
8. Jasilionis D. et al. Ethnic mortality differentials in Lithuania: contradictory evidence from census-linked and unlinked mortality estimates // J Epidemiol Community Health. 2012. Т. 66. № 6. С. e7–e7.

9. Katus K. Post-transitional fertility: case of Estonia. Estonian Interuniversity Population Research Centre, 1997.
10. Leinsalu M., Vägerö D., Kunst A. E. Increasing ethnic differences in mortality in Estonia after the collapse of the Soviet Union // Journal of Epidemiology & Community Health. 2004. T. 58. № 7. С. 583–589.
11. Mitrofanova E. (2017). Becoming an Adult in France, Estonia and Russia. HSE Preprints Series: Sociology, WP BRP 78/SOC/2017. wp.hse.ru/prepfr_SOC.
12. Puur A., Rahnu L., Abuladze L., Sakkeus L., & Zakharov S. Childbearing among first-and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // Demographic Research. 2017. 36. P. 1209–1254.
13. Spoorenberg T. After fertility's nadir? Ethnic differentials in parity-specific behaviours in Kyrgyzstan // Journal of biosocial science. 2017. T. 49. № S1. С. S62–S73.
14. Zvidriņš P., & Bērziņš A. Dynamics of ethnic structures in the Baltic States // Humanities and social sciences Latvia. Vol. 23. Issue 1. (Spring-Summer 2015). dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/31158/Zvidrins_Berzins_Hum_Soc_2015_1.pdf?sequence=1.

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Alexandrovich Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Demography Department of the Institute of Demography of the National Research University “Higher School of Economics”. vakozlov@hse.ru

DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE RUSSIAN DIASPORA IN THE BALTIC COUNTRIES AND IN CENTRAL ASIA

The paper is focused on the features of the demographic behavior (fertility and mortality) among the Russians in Post-Soviet countries with the largest Russian-speaking diasporas and availability of a reliable statistical data – in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia and Estonia. The analysis of the factors, determining the dynamics of the number of the Russian diaspora in these countries, was analyzed. It was shown that the differences between the Russian population and the titular nationalities in natural decline are caused both by the features of the age structure, and by the lower life expectancy of the Russians and by the intensity of births. The social and economic reasons for the demographic problems of the Russian diaspora were considered, in comparison with the situation in Russia.

Keywords: *Russian diaspora, natural increase, post-Soviet countries.*

JEL: J11, J15.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.В. АНЧИШКИНА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОСОБОГО ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Под контрактными отношениями понимается особый институт российской экономики, в котором стороной договора выступают публично-правовые образования, а целью сделки является обеспечение нужд государства и общества. Выявляются фундаментальные отличия договоров и контрактов, на основе чего делается вывод о самостоятельности контрактных отношений как класса явлений и закономерностей. Описываются ключевые параметры контрактных отношений в сегменте G2G государственных закупок, в котором взаимодействия идут на принципах «государство для государства». Особый режим контрактации приводит к возникновению финансово-экономических рисков и прямых потерь для бюджетной системы, оценка которых дана по результатам эмпирических исследований. В отсутствие развернутой теории контрактных отношений и адекватного ей регулирования стихийно складывающиеся коммерческие обмены публично-правовых образований между собой снижают конкурентоспособность экономики в целом.

Ключевые слова: *контрактные отношения, контракт, договор, госзакупки, конкуренция, цена, публично-правовые образования, заказчик, поставщик, бюджетная система.*

JEL: C13, D43, D44, D73, D74, D86, H41, H57, H61, K12, L13, P35.

Контрактные отношения как предмет анализа

На современном этапе в российской научной литературе и на практике содержательно применяют понятийный аппарат, созданный в рамках основополагающих институциональных теорий, уравнивая между собой категории контракта и договора [21, с. 91]. При этом встречаются самые разные определения контракта: как свободной и согласованной договоренности (сделки) сторон; как добровольного соглашения (договора) между самостоятельными агентами; как

соглашения (договора) об обмене пучками прав собственности, которое является результатом свободного и осознанного выбора индивидов в рамках, заданных институтами [9, с. 50; 13, с. 285; 15, с. 144]. Справедливо констатируется, что посредством контракта осуществляется передача прав собственности на блага, а потому контракт — это соглашение, договор, устанавливающий гражданские права и обязанности сторон и оговаривающий сроки действия соглашения [17, с. 197; 18, с. 229]. Как следствие, под контрактными отношениями понимаются отношения, возникающие между двумя и более сторонами при осуществлении условий контракта (договора).

В целом контрактные и договорные отношения интерпретируются как эквивалентные понятия. Характеристики, заимствованные от более общего понятия, каким является договор, применяются к контракту, вследствие чего на контрактную систему экстраполируются представления, сложившиеся в отношении гражданско-правовых договоров, инструментов обеспечения устойчивости хозяйственного оборота, а также сутобо рыночных взаимодействий фирмы на этапах жизненного цикла договора. На наш взгляд, одна из причин экстраполяции кроется в автоматическом переводе на русский язык английского термина *contract*¹. Контракт и связанные с ним понятия (контрактные отношения, контрактные обязательства) имеют устоявшиеся значения в англоязычной правовой и экономической литературе. Речь идет о целом семействе объектов: *contractor* (поставщик), *contracting authority* (заказчик), *contracting officer* (закупщик, контрактный управляющий, сотрудник контрактной службы), *contracting parties* (контрагенты) и иные. Русскоязычный понятийный аппарат требует сопоставления базового английского термина *contract* с несколькими понятиями, такими как договор, соглашение, сделка, трансакция и, естественно, контракт. Применительно к российской системе права и управления экономикой рассматривать перечисленные понятия как синонимы нельзя.

Важно и другое. В российских экономических реалиях имеют место объективные существенные различия между контрактом и договором, закрепленные в системе права. Особенности контрактов положены в основу контрактной системы, правоотношения в которой регулируются Федеральным законом № 44-ФЗ². Финансовая емкость рынков,

на которые распространяются контрактные отношения, составляет 5,5–6,3 трлн руб. (без учета контрактов, связанных с государственной тайной). Такие же правила поэлементно вводятся для субъектов, подпадающих под регулирование Федерального закона № 223-ФЗ³. Здесь речь идет об объемах в 18,9–23,1 трлн руб. (без учета договоров, связанных с государственной и коммерческой тайной).

Объективно наблюдаемые явления и закономерности требуют правильной оценки. Не ставя под сомнения справедливость рассмотрения контракта и контрактных отношений через призму более высокого института, каким является договор, обратим внимание на необходимость «движения внутрь» явления. Игнорирование аутентичности контрактных отношений может приводить к ошибкам в регулировании. Признание за контрактными отношениями самостоятельного предмета анализа – это не только исследовательский вызов, но и вполне прагматичный управленческий шаг в условиях российской экономики.

Кратко отметим родовые характеристики договора. Договор – один из главных и наиболее древних институтов имущественного оборота.

В юридической литературе цитируется идея, высказанная еще в XIX в., о том что «договор занимает девять десятых действующих кодексов, а когда-нибудь ему будут посвящены в кодексах все статьи – от первой до последней» [цитируется по: 5, с. 3]. Справедливо подчеркивается, что практически весь текст Гражданского кодекса решает задачу регулирования договоров [6]. Более половины его норм посвящено регулированию договоров, как посредством специальных статей о договорах, так и установлением правил о сделках и обязательствах.

Договор как категория права получил многоаспектное содержание, по поводу которого идут научные дискуссии, начавшиеся еще в советское время [5; 8; 10; 13]. Поиски новых правовых концепций, способных объяснить и помочь создать инструменты управления современными явлениями и тенденциями, порождающими вновь возникающие договорные модели, продолжают и сейчас [12; 19].

При всей сложности и многообразии договорных отношений, когда договоры заключаются между публично-правовыми образованиями и иными субъектами хозяйствования, договор уступает место контракту⁴ и контрактным отношениям. Пункт 8 ст. 3 Федерального

¹ Пример формирования определений контракта, контрактных отношений и связанных с ними понятий посредством прямого перевода английских терминов см.: economic-definition.com/Economic_and_legal_terminology/Dogovor_Contract_eto.html (дата обращения 28.03.2018).

² Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 №44-ФЗ.

³ Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 №223-ФЗ.

⁴ Законодательство РФ о контрактной системе под контрактом понимает гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетным учреждением, го-

закона №44-ФЗ определяет государственный контракт, муниципальный контракт как договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд.

Указанный специальный закон дает определение системе институтов, в которой реализуются контрактные отношения. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд включает совокупность участников⁵ и осуществляемые ими действия, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд (п. 1 ст. 3 Федерального закона № 44-ФЗ).

Придерживаясь устоявшейся терминологии законодательства РФ о контрактной системе, предлагаем под контрактными отношениями понимать особый сегмент договорных отношений, в котором стороной договора выступают публично-правовые образования, а целями заключения является обеспечение нужд государства и общества. В данном сегменте императивно установлена обязанность заключения сторонами государственного и муниципального контракта (далее – контракт). Признаками контракта являются: его сторона – публично-правовое образование, а также его предмет – обеспечение публичных нужд (нужд государства, общества, граждан).

Конечно, в целях реализации возложенных полномочий заказчик, в лице органа власти и иных уполномоченных организаций, заключает контракты для обеспечения собственных, ведомственных нужд.

государственным, муниципальным унитарными предприятиями, за исключением федеральных государственных унитарных предприятий, имеющих существенное значение для обеспечения прав и законных интересов граждан Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации по согласованию с Администрацией Президента Российской Федерации, либо иным юридическим лицом в соответствии с частями 1, 2.1, 4 и 5 статьи 15 Федерального закона №44-ФЗ.

⁵ В состав участников контрактной системы входят: федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», заказчики, участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок.

Однако и в этом случае ведомственные нужды подлежат бюджетированию как обеспечительная мера для достижения целей государства и общества, установленных в полномочиях органов власти.

Таким образом, контрактные отношения имеют самостоятельный предмет анализа. Видовым признаком контрактных отношений является взаимное установление, изменение или прекращение прав и обязанностей публично-правовых образований и иных экономических агентов, на которые стороны идут в целях обеспечения публичных интересов.

Контрактные отношения: видообразующие характеристики

Возникает вопрос о месте контрактов среди различных типов договоров. Первое, что хотелось бы зафиксировать, договор и контракт являются формой выражения различных интересов. Правовая наука разделяет комплексы норм на те, что призваны обеспечить интересы частных лиц (гражданское, семейное, торговое и иные отрасли права), и на те, которые обеспечивают общественный, публичный интерес (конституционное, уголовное, административное, бюджетное и другие отрасли права). Как ранее подчеркивалось, договором признается соглашение в части гражданских прав и обязанностей, контрактом – взаимодействие государства с иными участниками экономики в части публичных интересов, что регулируется как частным, так и публичным правом. Это существенно меняет функциональное предназначение контрактных отношений по сравнению с частными, гражданско-правовыми договорными отношениями, поскольку государство с помощью властных велений обеспечивает подчинение других субъектов государственным интересам.

Родовыми признаками договора является свобода договора (в установленных правом пределах), которой нет в контрактных отношениях. Контракт содержит обязательные нормы и положения, изменить которые поставщик не вправе. Заказчик, как сторона контракта, также не свободен в формировании условий контрактов. Законодательно установлено, что при разработке условий договора заказчики применяют типовые контракты, типовые условия контракта, единую методологию обоснования начальной (максимальной) цены контракта и унифицированное представление товара в каталоге товаров, работ, услуг, который ведут не заказчики, а уполномоченный орган на основании тех правил, которые устанавливает Правительство РФ.

Кроме того, договор предусматривает равенство сторон, симметрию их прав и обязанностей. Положения Гражданского кодекса о договорах защищают слабую сторону от произвола сильной стороны в целях сохранения устойчивости гражданского оборота.

Участие органов власти и уполномоченных ими организаций в контрактных отношениях происходит на неравных с их иными участниками началах. Заказчик является более сильной, доминирующей стороной контрактных отношений.

Во-первых, объем прав у заказчика больше, чем у поставщика. Контракт заключается на условиях заказчика (с учетом положенных заказчику пределов в определении условий контракта), которые он определил в документах закупки (п. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ)⁶. Ответственность заказчика, в частности бюджетная ответственность перед поставщиком, сравнительно мягче.

Во-вторых, государство само создает для себя правила игры на рынке. Законодательная ветвь власти принимает именно те правовые нормы, которые обеспечивают проведение избранной государством политики. Конкретизация законодательных норм в подзаконных актах создает дополнительные возможности выражения ведомственных интересов и позиций. Кроме того, в настоящее время стала применяться практика квази-методологического обеспечения. Регуляторы направляют письма, в которых излагают собственную позицию в отношении тех или иных вопросов контрактных отношений.

В-третьих, государство доминирует в контрактных отношениях в силу того, что представляет консолидированного заказчика, а не множество атомарных агентов. Административные технологии согласования закупочной политики, стандартизация и централизация, общая унификация государственного спроса завершается оформлением моно-структурного государственного заказчика и сложением рынка монополистического типа [1].

Таким образом, в контрактных отношениях заказчик – сильная сторона контракта, однако и он ограничен в правах на свободное волеизъявление.

Видообразующим признаком договора является то обстоятельство, что он носит характер соглашения сторон. В противоположность частному праву предписания публичного права не могут быть изменены простым соглашением сторон. Как уже говорилось, условия государственного контракта разрабатываются и определяются само-

стоятельно государственными заказчиками. Представляется, что такой подход противоречит смыслу договора как соглашения двух договаривающихся воль.

Даже в случае осуществления закупки у единственного поставщика, совместное определение условий публичного контракта, переговоры между заказчиком и единственным поставщиком после размещения извещения о закупке прямо запрещены Федеральным законом № 44-ФЗ.

Если договор – соглашение между сторонами договора и только стороны договора могут влиять на его условия, то формирование условий контракта, а также осуществление иных действий по развертыванию контрактных отношений осуществляет большее число участников, в том числе не являющихся сторонами контракта.

Ранее уже указывалось, что существенное влияние на условия контракта оказывают внешние для закупки уполномоченные органы и Правительство РФ. Граждане также могут влиять на условия контракта. В отношении закупок может проводиться общественное обсуждение, а в отдельных случаях такое общественное обсуждение является обязательным (ст. 20 Федерального закона № 44-ФЗ). По итогам общественного обсуждения могут быть внесены изменения в планы закупок, планы-графики, документацию о закупках или закупки могут быть отменены.

Предусмотрен общественный контроль за соблюдением законодательства РФ о контрактной системе (ст. 102 Федерального закона №44-ФЗ).

Иными словами, условия контракта, в отличие от условий договора, не могут быть сведены к свободному волеизъявлению сторон. В этой связи контракт является нечто большим, чем просто вид договора.

Вопросы правовой природы государственного контракта не получили решения в отечественной юридической науке. Авторы обращают внимание на дуализм контрактных отношений [20].

Как полагает А. Левушкин, несмотря на гражданско-правовую юридическую природу, государственный контракт имеет ряд особенностей, не позволяющих полностью отождествлять контракт с гражданско-правовым договором. Далее делается вывод о том, что «анализ научных точек зрения и действующего законодательства в сфере государственных закупок позволяет судить об институте поставки товаров для государственных нужд как о межотраслевом институте» [14, с. 194–202].

Установление контрактных отношений между органами власти и хозяйствующими субъектами может иметь различные цели, а не только осуществление госзакупок в соответствии с правилами контрактной системы РФ (Федеральный закон № 44-ФЗ). В числе публич-

⁶ Часть 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ определяет, что «Контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт, за исключением случаев, в которых в соответствии с настоящим Федеральным законом извещение об осуществлении закупки или приглашение принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документация о закупке, заявка, окончательное предложение не предусмотрены».

ных задач, решаемых посредством установления контрактных отношений, следующие:

- создание либо модернизация и (или) освоение производства промышленной продукции⁷;
- привлечение инвестиций в экономику⁸;
- обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям⁹;
- осуществление капитальных вложений¹⁰;
- продажа государственного и муниципального имущества¹¹;
- реструктурирование инвестиционных проектов, включающих полный цикл дорожных работ¹², иные.

Столь различные цели достигаются посредством исполнения взаимных контрактных обязательств государства и агентов экономики, что формирует общность контрактных отношений в отношении различных предметов контракта.

Таким образом, контрактные отношения наделены видообразующими признаками, отличными от видообразующих признаков договора в отношении свободы договора, равенства и согласованного волеизъявления сторон.

Возникает вопрос: при столь специфических признаках контрактных отношений может ли быть достигнута финансово-экономическая эффективность и построена равновесная модель, обеспечивающая реализацию интересов сторон контракта, а главное – обеспечение публичных интересов?

Теоретически эффективность по Парето предполагает неукоснительное соблюдение права собственности, свободу собственника принимать отвечающие его интересам решения и исключает принуждение хозяйствующего субъекта к совершению невыгодных для него дей-

ствий. Как справедливо указывает А. Некипелов [16], «сами интересы индивида при этом трактуются как узко эгоистические, ориентированные исключительно на максимизацию собственного потребления. В этом смысле понятие эффективности по Парето отражает понимание эффективности с позиций *экономического человека А. Смита*».

Государство не ищет эффективности, подобной той, которую ищет «экономический человек». Государство вступает в контрактные отношения, в том числе с целью компенсации «провалов рынка», связанных с асимметрией информации и невозможностью производства общественных благ посредством рыночных механизмов.

Однако государство расходует средства налогоплательщиков, и от заказчиков требуется гарантировать бюджетную эффективность контракта. Системы публичных закупок стран с развитой рыночной экономикой ориентированы на достижение наилучшего финансово-экономического результата (*best value for money*) и содержат специальные инструменты [2; 3].

Принцип эффективности использования бюджетных средств заложен в Бюджетный кодекс Российской Федерации (ст. 28) и означает необходимость достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Принцип эффективности установлен и в контрактной системе (ст. 12 Федерального закона № 44-ФЗ), но сформулирован крайне неопределенно – как необходимость достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд. Логично, что за пять лет работы законодательства РФ о контрактной системе принцип эффективности так и не был обеспечен инструментарием, оставшись абстрактной теоретической конструкцией.

В ситуации, когда правовая база контрактных отношений характеризуется фундаментальными особенностями, отличающими ее от гражданско-правовых, договорных отношений, а экономическая теория не дает развернутого понимания экономических последствий указанных обстоятельств, остается полагаться на практику. Анализ и интерпретация ключевых контрактных показателей, посчитанных по итогам эмпирических исследований¹³, поможет дать интерпретацию контрактным отношениям как особому институту российской экономики.

¹³ Исследование проведено в рамках совместного проекта Фонда «ЦСР» и РАНХиГС. Материалы представлены в аналитическом докладе «Анализ контрактных отношений и результатов функционирования контрактной системы в сегменте государственных закупок товаров, работ, услуг, поставляемых организациями сектора государственного управления (G2G-сектор госзакупок) / Под научным руководством О.В. Анчишкиной // Аналитический доклад. М.: ЦСР. 2018. www.csr.ru/issledovaniya.

⁷ П. 1. ст. 16 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

⁸ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁹ Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

¹⁰ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

¹¹ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

¹² Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2009 № 2146-р «Об утверждении программы деятельности Государственной компании «Российские автомобильные дороги» на долгосрочный период 2010–2020 гг.

Экономические параметры контрактных отношений (сегмент G2G госзакупок)

Традиционно контрактные отношения понимаются как Business to Government (B2G), Business to Public (B2P), или «бизнес для государства», «бизнес для общества». Однако в российской экономике сформировались сегменты, где экономическими агентами выступают только государственные организации. Этот сегмент будем определять как «государство для государства», или, по устоявшейся терминологии, Government to Government (G2G).

Контрактные отношения в секторе «государство для государства» затрагивают 95 тыс. организаций, из которых 73 тыс. заказывают и 22 тыс. поставляют продукцию в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд¹⁴.

В год в секторе G2G госзакупок заключается порядка 360–400 тыс. сделок стоимостью примерно 550–670 млрд руб. В сопоставлении с совокупным объемом госзаказа¹⁵ сектор «государство для государства» вовлекает 10–12% количества и 9–13% стоимости контрактов (см. табл. 1 и 2).

Размерность сделки влияет на ее характер. В G2G-сегменте и в целом в госзаказе 77–78% количества контрактов – маленькие с ценой до 500 тыс. руб. По стоимости на них приходится всего – 5–6% средств. Идет диссипация контрактных отношений на простые, краткосрочные, хаотичные взаимодействия, финансовые затраты на которые выше, чем цена единичного контракта.

В G2G секторе доля контрактов с ценой выше 100 млн руб. составляет 50% от стоимости и 0,15% от количества сделок. В портфеле G2G поставщиков сделки с ценой свыше 1 млрд руб. составляют 25% объема, а у частного бизнеса – 15%.

Характерная особенность контрактных отношений в секторе G2G – это крайне низкая конкуренция: 87% по количеству и 80% по стоимости G2G-контрактов заключаются либо с единственным поставщиком, либо по итогам несостоявшихся торгов (см. табл. 3).

Преобладают прямые закупки. 70% по количеству и 55% по стоимости G2G-контрактов заключаются с единственным поставщиком. Данные показатели в два раза выше, чем по госзаказу в целом (29%

¹⁴ Здесь и далее данные в среднем по году за период 2016–2017 гг. В иных случаях период наблюдений указан отдельно.

¹⁵ Госзакупки – это 3–3,3 млн сделок в год стоимостью 5,5–6,3 трлн руб. Детальные данные по госзакупкам представлены: Анчишкина О.В. и др. Госзакупки. Какой должна быть контрактная системы? / Доклад. М.: Центр стратегических разработок, 2017. www.csr.ru/news/nuzhno-li-kontraktnoj-sisteme-razvitie (дата обращения 15.02.2018).

Таблица 1

Структура контрактов по трем секторам

Категория поставщика	Стоимость контрактов, млн руб.	
	2016	2017
Частный сектор	3 551 267	4 120 633
Госсектор	667 900	551 242
Расширенный госсектор	1 114 372	1 402 958

Источник: здесь и далее расчеты О.В. Анчишкиной и М.А. Бонч-Осмоловского по данным Единой информационной системы в сфере закупок. zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html.

Таблица 2

Структура контрактов по трем секторам

Категория поставщика	Количество контрактов, ед.	
	2016	2017
Частный сектор	2 490 298	2 525 609
Госсектор	398 228	363 459
Расширенный госсектор	499 890	581 143

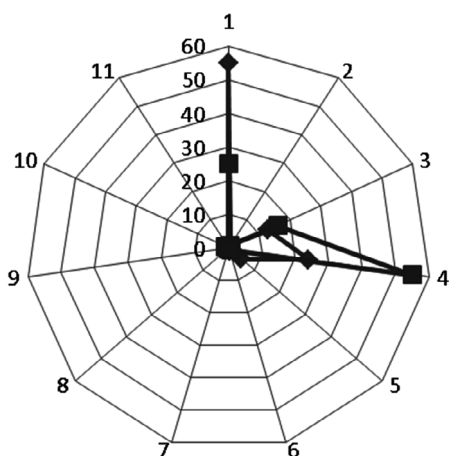
Таблица 3

Способы закупок G2G, 2017 г.

	Способ закупок	Количество контрактов, ед.	Сумма контрактов, млн руб.
1	Электронный аукцион	68 089	170 992
2	Запрос котировок	24 030	3 639
3	Открытый конкурс	4 231	65 922
4	Закупка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)	247 787	297 310
5	Конкурс с ограниченным участием	2 162	8 254
6	Запрос предложений	186	478
7	Закрытый аукцион	2	3
8	Закрытый двухэтапный конкурс	4	1
9	Закрытый конкурс	7	14
10	Закрытый конкурс с ограниченным участием	14	46
11	Способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), установленный Правительством Российской Федерации в соответствии со ст. 111 Федерального закона № 44-ФЗ	254	4 607

и 24% соответственно). Доля электронного аукциона в сегменте G2G – 21% по количеству и 25–30% по стоимости. Данные показатели в 2–3 раза ниже, чем по госзаказу, где они составляют 58% и 55–60% соответственно.

Диаграмма (см. рис. 1) показывает существенные особенности сектора G2G по сравнению с госзакупками в целом. Ряды диаграммы имеют тот же номер по порядку, что и ряды табл. 3.

Источник: здесь и далее расчеты О.В. Анчишкиной и М.А. Бонч-Осмоловского по данным Единой информационной системы в сфере закупок. zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html.

Рис. 1. Способы закупок G2G (количество контрактов по итогам способа определения поставщика, средний по году, 2016–2017 гг., в % к итогу)

Даже если конкурентные процедуры проводятся, то в секторе G2G они, скорее всего, не состоятся, т. е. пройдут при одном участнике. 54% электронных аукционов, по итогам которых контракт был присужден G2G-поставщику, оказались несостоявшимися. Стоимость несостоявшихся аукционных процедур составила 68% от стоимости всех проведенных в секторе аукционов.

В целом 58% по количеству и 55% по стоимости G2G-контрактов, размещаемых на торгах, заключаются по итогам несостоявшихся процедур. Процент несостоявшихся торгов среди контрактов с поставщиками госсектора на 32 п.п. больше, чем у частного сектора.

В табл. 4 даны результаты оценки количества и стоимости несостоявшихся торгов, по итогам которых контракт безальтернативно присужден G2G поставщику.

Известно, что при прямых закупках не работают основные рыночные инструменты. Закономерно, что по итогам электронных аукционов снижение начальной (максимальной) цены G2G-контрактов (далее –

НМЦК) в среднем на 5 п.п. меньше, чем для контрактов, заключенных с поставщиками частного сектора. Аналогичный показатель по итогам открытых конкурсов для G2G-контрактов оказался в среднем меньше на 3 п.п., а для запроса котировок – на 8 п.п. Ситуация в целом по госзаказу дана ниже (см. табл. 5).

В среднем финальная цена контракта, заключенного с поставщиком госсектора, оказывается на 8% выше, чем финальная цена контракта с поставщиком частного сектора.

Тот факт, что в сегменте G2G закупки идут в пределах свободных розничных цен, свидетельствует о том, что государство закупает на условиях домохозяйств, не используя свои естественные экономические конкурентные преимущества: крупный объем закупок, гарантированность и своевременность оплаты, устойчивый спрос, повсеместность поставок. То, что цены закупки отдельных предметов превышают рыночные, можно считать экономическим нонсенсом.

Проблема в том, что при всех выявленных финансово-экономических рисках и ограничениях, административная система активно занимается бизнесом.

Поставщики G2G-сегмента осуществляют коммерческую деятельность на 84 из 88 рынках государственных закупок¹⁶. Они не принимают участие лишь в четырех видах экономической деятельности: в поставках металлических руд и табачных изделий, а также не оказывают услуг в области добычи полезных ископаемых и проведения азартных игр.

G2G-поставщики доминируют в оказании государственным заказчикам почтовых и курьерских услуг (им принадлежит 90% рынка), консультаций по вопросам управления, услуг по связям с общественностью и информации, разработке стратегии маркетинга, совершенствованию административной работы, управлению цепями поставок, бюджетному контролю (по данным видам деятельности им принадлежит 66% рынка госзаказа). В сфере услуг по сбору и обработке сточных вод G2G-поставщики контролируют 76% рынка госзакупок, по утилизации отходов – 74%, по рекультивации и утилизации отходов – 68%. Половина информационной продукции производится «государством для государства».

¹⁶ Рынки классифицировались согласно кодам Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности – ОКПД2 (ОК 034-2014). При публикации сведений в ЕИС в 2017–2018 гг. для формирования идентификационного кода закупки (ИКЗ) в плане закупок, определения кода предмета закупки в планах-графиках, а также при размещении закупочной документации и отчетных документов заказчики должны пользоваться классификатор ОКПД2, согласно законодательству РФ о государственных и муниципальных закупках.

Таблица 4

Несостоявшиеся торги G2G, 2017 г.

Способы закупок	Количество несостоявшихся торгов, ед.	Стоимость несостоявшихся торгов, млн руб.
Электронный аукцион	38 792	110 798
Запрос котировок	18 060	2 743
Открытый конкурс	1 619	17 720
Конкурс с ограниченным участием	1 098	3 148
Запрос предложений	135	212

Таблица 5

Снижение НМЦК в целом по торгам

Тип поставщика	Снижение НМЦК, в %
Частный сектор	15
Госсектор	7
Расширенный госсектор	8

Кроме того, виды деятельности крупнейших заказчиков и крупнейших поставщиков сегмента G2G схожи. Предположительно, в ряде сфер экономики сформировались устойчивые государственные контрактные цепочки и альянсы. Они присутствуют в космической отрасли, в оборонно-промышленном комплексе, машиностроении, в сфере науки и в почтовой связи, а также в сфере предоставления услуг коммунальной инфраструктуры и электроэнергетики, услуг социальной сферы: науки, здравоохранения и образования. Статистические данные говорят о том, что государственные контрактные цепочки и альянсы сформировались также в традиционно рыночных областях: в гражданском и дорожном строительстве, услугах по содержанию дорожной инфраструктуры, в охранном бизнесе, обороте лекарств и медицинских изделий, торговом и финансовом посредничестве.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Особенности контрактных отношений в сегменте G2G госзакупок формируют существенные финансово-экономические риски, становятся ограничением для повышения конкурентоспособности российской экономики. В частности, имеют место бюджетные последствия. Рассмотрим два из описанных выше фак-

торов: более низкий уровень конкуренции и более низкий уровень снижения НМЦК в случаях, если контракт заключается с поставщиком из госсектора. В рамках исследования была сделана следующая прогностическая оценка. Были сопоставлены показатели сектора G2G и бизнес-сектора госзакупок. Если ориентироваться на реально сложившийся уровень конкуренции среди поставщиков частного сектора и на снижение НМЦК в пределах, свойственных частному бизнесу, то только за счет двух этих факторов экономия бюджета составила бы в секторе G2G 20–23 млрд руб., или порядка 3%. В целом по госзакупкам потенциал повышения эффективности расходования бюджетных средств благодаря оптимизации указанных факторов составляет 50–68 млрд руб., или 1% от общего объема ассигнований, направляемых в госзакупки.

Кроме того, имеют место необоснованные расходы бюджета на имитацию контрактных отношений в сложившихся государственных производственных цепочках. Одной из точек потерь являются квазиторги, по итогам которых контракты заключаются с единственным поставщиком. Имеют место финансовые потери при закупках у единственного поставщика (в части расходов на формальное планирование, содержание контрактных служб и иные). По нашим экспертным оценкам, необоснованные расходы заказчиков составили не менее 4,3–4,6 млрд руб. Однако аналогичные расходы несли и поставщики, которыми в сегменте G2G госзакупок также являются субъекты бюджетной системы Российской Федерации. Таким образом, имитация контрактных отношений в государственных производственных цепочках стоит бюджету не менее 10 млрд руб.

Тактика заключения контрактов организаций сектора госуправления между собой представляется плохой альтернативой последовательному развитию равновесных, конкурентных контрактных отношений. Стратегическим ориентиром их совершенствования должно быть создание эффективно работающей системы рыночных стимулов, а не замена контрактных отношений на административные отношения при сохранении внешней рыночной атрибутики. Несбалансированная замена свободы договора и добросовестной конкуренции административными заданиями и скрытыми альянсами негативно влияет на участников контрактных отношений и становится причиной моральных злоупотреблений (*moral hazard*) и негативного отбора (*adverse selection*). Конвергенция контрактных и административных отношений снижает качество государственного управления, предоставляя исполнителям фиктивные оправдания для завышенных цен и неоправданных трат, недопустимых при субординации и подчинении.

Недальновидно считать, что легче не втягиваться в кропотливую профессиональную работу с рынком, а заключить контракт со «сво-

ими» структурами. Подобные тактики не устраняют рыночных искажений, а только усиливают деформацию.

Полученные результаты говорят о необходимости разгосударствления контрактных отношений посредством усиления рыночных сигналов и договорных принципов взаимодействия [4]. Равновесные контрактные отношения вносят фундаментальный вклад в укрепление рыночных институтов и формирование внутренних драйверов экономического роста и технологического обновления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчишкина О.В. Сфера государственных закупок как объект экономического анализа // «ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика». 2011. № 1.
2. Анчишкина О.В. Постановка задач планирования государственных закупок в рамках федеральной контрактной системы: опыт США и российские реалии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 2.
3. Анчишкина О.В. Технологии и процедуры планирования государственных закупок в рамках федеральной контрактной системы: опыт ФКС США и российские реалии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 4.
4. Анчишкина О.В. Развитие основополагающих элементов контрактной системы закупок // Институт общественных закупок в современной российской экономике: Монография. Гл. 2 / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. М., 2016.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 2003.
6. Витрянский В.В. Гражданский кодекс о договоре // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1995. №10.
7. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: Промежуточные итоги. М.: Статут, 2016.
8. Гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. Т. 2. М.: Волтерс Клувер, 2004–2005.
9. Институциональная экономика : учебное пособие / С.С. Винокуров [и др.] / Под ред. В.А. Грошева, Л.А. Миэринь. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2014.
10. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юриздат, 1975.
11. Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010.
12. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Юриздат. 1950.
13. Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: Учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 285–401.
14. Левушкин А.Н. Поставка товаров для государственных нужд: проблемы правового регулирования и тенденции реформирования законодательства // Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Юстицинформ, 2017.
15. Малкина М.Ю., Логинова Т.П., Лядова Е.В. Институциональная экономика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015.
16. Некипелов А.Д. Общая теория рыночной экономики: Учебник / А.Д. Некипелов. М.: Магистр, 2017.

17. Одицова М.И. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: Изд. ГУ ВШЭ, 2007.
18. Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2004.
19. Предпринимательское право России: Учебник / В.С. Белых, Г.Э. Берсункаев, С.И. Виниченко (и др.) / Отв. ред. В.С. Белых. М.: Проспект, 2008.
20. Розовенко М.В. Дуализм правового регулирования поставки товаров для государственных нужд // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. №4.
21. Смотрицкая И.И., Черных С.И. Контрактная парадигма. Нобелевская премия по экономике-2016 // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. №6.

ABOUT THE AUTHOR

Olga Vladlenovna Anchishkina – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Project Manager of the Foundation “The Center for Strategic Research” “Contract System”, Moscow, Russia.anchishkina@gmail.com

ECONOMIC AND LEGAL FEATURES OF CONTRACTUAL RELATIONS AS A SPECIAL INSTITUTION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Contractual relations are understood as a special institution of the Russian economy, in which public legal entities are party to the treaty, and the purpose of the transaction is to ensure the needs of the state and society. The fundamental differences between treaties and contracts are revealed, on the basis of which a conclusion is made about the independence of contractual relations as a class of phenomena and regularities. The key parameters of contractual relations in the G2G segment of public procurement are described, in which the interactions are based on the principles "state for the state". A special regime of contracting leads to the emergence of financial and economic risks and to the direct losses for the budgetary system, the evaluation of which is based on the results of empirical studies. In the absence of a detailed theory of contractual relations and regulation, adequate to it, spontaneously emerging commercial exchanges of public and legal entities among themselves reduce the competitiveness of the economy as a whole.

Keywords: *contractual relations, contract, treaty, public procurement, competition, price, public legal entities, customer, supplier, budgetary system.*

JEL: C13, D43, D44, D73, D74, D86, H41, H57, H61, K12, L13, P35.

Н.М. РОЗАНОВА

доктор экономических наук, профессор, профессор департамента
теоретической экономики, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И.А. ВАРИВОДА

ООО «Пет Ритейл» РС «Бетховен»

**МЕНЕДЖМЕНТ В XXI ВЕКЕ: К ГИБКИМ ФОРМАМ
УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ**

Доминирующий тренд XXI в. – развитие цифровой экономики – ставит новые задачи перед менеджментом. Масштаб цифровизации показывает необходимость и возможность изменений управляющей системы фирмы во многих аспектах, в том числе в сфере организации офисной работы, чтобы рутинную и скучную офисную деятельность трансформировать в креативную коммуникацию нового поколения. В работе на основе обширного международного опыта в данной области рассматриваются «подводные камни», возникающие в процессе работы с виртуальными рабочими местами. Авторы показывают объективную необходимость проведения ИТ-реформ в компании, дающих дополнительную свободу персоналу и постоянный доступ к оперативным данным ее руководства. В работе описываются особенности преобразования инфраструктурных элементов организации в связи с введением открытого учета и «мобилизации» сотрудников.

Ключевые слова: организация бизнеса, бизнес-модель, мобильная инфраструктура, менеджмент.

JEL: M1.

XXI в. стал веком цифровой экономики, масштабы которой растут с каждым годом. В настоящее время доля цифровой экономики достигает 10,9% ВВП США, 10,0% ВВП Китая, 8,2% совокупного продукта Евросоюза. По оценкам экспертов, к 2025 г. цифровизация обеспечит от 20 до 35% роста ВВП большинства стран мира [1].

Современные технологические тенденции, связанные с цифровой экономикой, такие как мобильные решения и социальные сети, облачные вычисления и анализ больших данных, виртуализация, интернет вещей и 3D-печать, предлагают принципиально новый спектр бизнес-возможностей, несут в себе креативный потенциал для создания инновационных бизнес-моделей, которые ведут к кардинальной трансформации экосистемы современного бизнеса.

Сегодняшний житель мегаполиса не расстается со своим мобильным телефоном, а в эпоху цифрового мира не сможет обходиться без смартфона. По данным статистики, уже в 2013 г. мобильными устройствами в России пользовались 98% населения, а мобильным интернетом – 23% [2]. В 2014 г. 68% всех пользователей интернета хотя бы раз в месяц выходили в сеть с помощью мобильных устройств, прирост интернет-пользователей мобильных устройств составляет 12% в год в среднем по России. Заметно растет доля крупного, «планшетного», оборудования, а стоимость интернет-доступа резко сокращается [3].

Масштаб цифровой экономики вызывает необходимость кардинальных изменений во многих сферах деятельности, в том числе в области менеджмента. Авторами было проведено исследование с целью раскрыть возможные «подводные камни», возникающие в процессе перехода на ИТ-технологии и работы с виртуальными рабочими местами в рамках среднестатистического российского предприятия. Была рассмотрена объективная необходимость проведения ИТ-реформ в компании, дающих дополнительную свободу персоналу и постоянный доступ к оперативным данным ее руководства. Есть ли положительный финансовый результат? Или мы встречаемся с неотвратимыми фундаментальными проблемами ведения бизнеса вне зависимости от сегмента рынка или направления?

Основные тенденции мировой практики

Мировая практика демонстрирует ярко выраженную тенденцию к повышению степени гибкости офисной работы сотрудников, в первую очередь за счет развития мобильных форм. Это тенденция зародилась в области разработки ИТ-продуктов. Так, многие кейс-стадий [4] показывают возможность и необходимость принятия распределенных решений вне офиса. Мобильный офис все более глубоко и во все более возрастающем масштабе воздействует на принятие компетентных решений в бизнесе [5]. Эмпирические исследования по США и Австралии показывают существенный рост масштабов мобильного офиса, в частности, в медицинском деле (услуги медицинского характера и медицинский бизнес) [6]. Мобильные приложения, мобильные инструменты и мобильные офисы активно применяются в образовательной сфере Турции [7].

Исследования проблем, связанных с возможностями и эффективностью использования мобильного офиса, можно сгруппировать по трем направлениям: (1) положительные эффекты мобильного офиса для бизнеса и экономики в целом; (2) ограничения и угрозы, связанные с внедрением мобильного офиса; (3) изменения в организационной структуре компании в связи с активным использованием мобильного офиса.

Исследователи оценивают последствия внедрения мобильного офиса в целом как конструктивные и позитивные. Мобильный офис позволяет повышать эффективность аутсорсинга, особенно в международном бизнесе [8], прогресс в ИК-технологиях – развивать компетентный аутсорсинг (knowledge process outsourcing) [9; 10; 11], аутсорсинг на основе интенсивного использования профессиональных знаний (юриспруденция, аудит, финансовые услуги). В условиях мобильного офиса каждый менеджер и каждый сотрудник компании становится предпринимателем – приобретает черты и модели поведения предпринимателя, его креативность повышается [12].

Чем больше компаний используют мобильный офис, тем более креативной становится отрасль и экономика в целом [13; 14]. Процесс «мобилизации» офиса на основе информационных технологий становится главным драйвером цифровой экономики в глобализирующемся мире [15]. Мобильный офис расширяет спектр экономической деятельности компании за счет сокращения транзакционных издержек ведения бизнеса [16]. Он хорошо вписывается в социальные сети и играет роль посредника и канала распространения ценностей и повышения спроса на креативные продукты [17]. Таким образом формируется положительный внешний эффект от деятельности мобильного офиса: создаются новые рынки и новые продукты, а информация о них и их ценности как часть культурного кода сообщества распространяется по социальным сетям.

Мобильные коммуникации и мобильные инновации становятся главным конкурентным преимуществом современной организации [18]. К несомненным преимуществам мобильного офиса относятся: пространственная и временная свобода организации труда; гибкая коммуникация; более эффективная координация заданий и деятельности сотрудников; высокая социализация работника (семья, друзья и коллеги практически всегда остаются на связи, контакт с ними никогда не теряется даже при большой нагрузке на бизнес) [19].

Исследование работы фирм среднего размера в экономике США [20] показало, что мобилизация менеджеральной инфраструктуры, использование мобильных ИТ и мобильного офиса увеличивают производительность труда сотрудников, хотя и нелинейным образом. Эмпирические данные по экономике Канады [21] выявляют взаимосвязь между мобильной бизнес-стратегией фирмы, практикой гибкого менеджмента и прибылью компании. Мобильные структуры ускоряют внутренний рост фирмы.

«Мобилизация» – новый инструмент нематериальной мотивации сотрудников¹.

¹ ecm.ict-online.ru/analytics/a85123.

Еще несколько лет назад многие эксперты, говоря о мобильном офисе, упоминали проблему контроля и оценки работы сотрудников. Теперь эта задача решена. Современные ИК-технологии позволяют отслеживать не только пропущенные звонки, но и еще множество показателей эффективности работы персонала – от среднего времени разговора до уровня обслуживания клиентов. Вопреки опасениям, степень управляемости бизнеса только возрастает за счет подробных информационно-аналитических отчетов, отражающих полную картину взаимодействия сотрудников с клиентами [22].

Вторая группа проблем, связанных с работой мобильного офиса, – это сложности, с которыми сталкивается компания при использовании данного способа организации труда своих сотрудников. Основная угроза, возникающая при «мобилизации» предприятия, с точки зрения ее владельца, – безопасность конфиденциальных данных. Виртуальные рабочие места, удаленный доступ к хранилищу данных совместно с ERP-системой для своих новых сотрудников повышают риск корпоративного шпионажа [23].

Следующая из наиболее распространенных и серьезных проблем – сложность организации инфраструктуры ИТ-департаментов, сложность последующей оценки эффективности их внедрения, а вместе с тем и появление коррупционной составляющей.

Сдерживающим фактором может послужить необходимость использования высокопроизводительных каналов связи [24]. Например, во многих регионах России доступ к бесперебойным каналам до сих пор затруднен или имеет очень высокую стоимость [25]. По оценкам Snews Analytics, Россия находится на 38 месте по стоимости широкополосного подключения по отношению к ВВП на душу населения.

Третья группа исследователей изучает конкретные вопросы организации бизнеса в условиях мобильного офиса, новые возможности и новые формы, которые этот вариант открывает перед компаниями. Хорошие перспективы мобильного офиса не в последнюю очередь связаны с областью интернета вещей [26]. Цифровизация едва ли не любого объекта окружающего нас пространства (интернет вещей) позволяет выполнять офисные виды работ практически в любом месте и на любом устройстве.

Мобильный офис изменяет понятие «фирмы». Авторы Yi Jia Low, Yen-Chen Ho предлагают новый термин «многонациональная экономическая организация» (multinational economic organization) как более адекватный вариант описания бизнес-процессов современного типа с использованием мобильного офиса в условиях глобальной экономики [27]. Экономическая организация мобильного типа позволяет вырабатывать более эффективные и емкие мощности по интеграции различных видов знаний в рамках единой организационной структуры и объ-

единять новые производительные ресурсы быстрее в ответ на появляющиеся возможности для бизнеса в глобальной экономике [28].

Использование мобильного офиса раскрывает новые сферы взаимодействия людей, выявляет и углубляет новые социальные роли индивидов [29]. Мобильные инструменты становятся способами индивидуального самовыражения работника и формирования его идентичности не только в рамках работы и офисных заданий, но вне офиса [30; 31].

Эмпирические исследования [32] на большом числе данных различных компаний мира за период 1980–2015 гг. показывают, что эффективность мобильного офиса связана с эволюцией ИК-решений в инновационной экосистеме, которую опережающими темпами самостоятельно или вынуждено под действием конкурентных факторов окружающей среды развивает компания. Наибольшая эффективность достигается при совместной эволюции (совместном развитии, co-evolution) стратегического ИТ-менеджмента и инновационной экосистемы. В частности, технологическую базу для развития мобильного офиса и мобильных инструментов составляет бурно и быстро растущая область облачных программ (cloud computing) [33].

Перспективность мобильного офиса поддерживается многими странами на государственном уровне. Так, Министерство науки Южной Кореи считает, что создание стоимости на основе изменения организационных форм бизнеса в направлении гибкости и мобильности в XXI в. происходит в рамках экономической экосистемы и способствует развитию экономики знаний [34]. Китай поддерживает инновационные малые и средние предприятия, задействованные в том числе и в организации мобильного офиса [35].

Таким образом, мировой опыт наглядно демонстрирует тот факт, что мобильный офис становится формой развития компании, новой реальностью бизнеса в XXI в.

Технологическая база мобильного офиса

Тенденция развития полупроводниковых и сотовых сетей набирает стремительные обороты во всем мире. С удешевлением аппаратного оборудования и доступа в глобальную сеть появляются новые технологии, позволяющие оптимизировать расходы предприятий и добиться сверхэффективности. Многие товарные рынки перенасыщены продукцией различных производителей – необходимо искать новые пути дополнительной монетизации предприятия и формировать уникальное конкурентное преимущество.

Подобным конкурентным преимуществом может стать использование распределенных облачных ИТ-инфраструктур компании. По результатам исследования VMWare, в котором приняли участие около

1200 ИТ-специалистов мира, организации, ставящие в качестве приоритета «мобилизацию» бизнеса (как формирование мобильной среды для принятия решений), добиваются серьезных улучшений: повышается эффективность работы сотрудников компании, увеличивается ее способность создавать новые каналы получения прибыли, улучшается качество обслуживания клиентов и в целом увеличивается скорость реакции на изменение внешней среды [22].

Надо понимать, что «облако» не является революционной концепцией, возникшей только сегодня. Идея «облака» возвращена из разработок 1950-х годов. В то время владельцы огромных мэйнфреймов (как правило, академические учреждения) стремились максимально оптимизировать загрузку своих мощностей с целью получить максимальную эффективность и прибыль. Именно подобные идеи привели к возникновению «удаленного доступа» на временной основе, когда мощности работали бесперебойно, нивелируя таким образом возникшую проблему простаивания дорогостоящего оборудования. Следующим этапом заслуженно можно считать появление CRM-системы от Salesforce.com, предоставляемой по подписке в виде веб-сайта.

После примерно сорокалетнего периода планомерных разработок в области удаленных коммуникаций комплексный и революционный скачок произошел после запуска компанией Amazon своей платформы Amazon Web Services (AWS) и Elastic Computing Cloud (EC2) в 2006 г. На тот момент использование мощностей компании Amazon составляло около 10%, как и у многочисленных компьютерных инфраструктур того времени. Они совершили своего рода прорыв в решениях «облачных» инфраструктур, так как сумели не только оптимизировать собственные ресурсы, но и монетизировали ранее не востребованные ресурсы.

Примерно через год аналогичные услуги анонсировали прочие флагманы ИТ-индустрии: Google, Sun и IBM. Нечто иное, но в целом похожее, предложила компания Microsoft, развернувшая в 2008 г. целую операционную систему на базе облачных вычислений [36].

Следует также отметить и скорость развития «облачной» инфраструктуры как таковой. На основании последних отчетов International Data Corporation, рынок публичных облачных вычислений в ближайшие годы будет расти со скоростью 27,6% в год и к 2019 г. сможет достигнуть уровня в 80 млрд долл. Прогноз IDC близок к прогнозам компании Parallels, которая прогнозирует увеличение российского рынка облачных сервисов в течение пяти лет до 1,5 млрд долл.² Многие эксперты прогнозируют новую волну развития облачных технологий с простых одномерных моделей SaaS (Software as a Service)

² Задачи рабочей группы РАЭК по регулированию облачных вычислений. gaec.ru/rg/2552/#sel=

и PaaS (Platform as a Service) на более сложную многомерную модель IaaS (Infrastructure as a Service) [37]. Это одно из главных направлений развития технологии менеджмента на сегодняшний день. Рынок IaaS – один из самых быстрорастущих сегодня. По подсчетам компании Gartner, только 2015 г. принес рост выручки от внедрения подобной модели на 32% – до 16,2 млрд долл., а в 2016 г. увеличение темпов роста сегмента составило 38,4%.

Данные статистики свидетельствуют о том, что облачные решения в менеджменте – это тренд будущих лет, новый отраслевой стандарт. Но так ли все тут «безоблачно»?

С 2008–2009 гг. IT-рынок начал заполняться как лидирующими игроками рынка, так и нишевыми и узкоспециализированными программными продуктами. На сегодняшний день облачные ресурсы в совокупности с услугами IP-телефонии, рост которой составляет, по данным агентства J'son & Partners, около 74% (2016 г.) [22], предоставляют широкие возможности по «мобилизации» предприятий и получению дополнительного дохода. В то же время облачные вычисления таят как положительный эффект, так и отрицательный результат.

Облачные вычисления как основа мобильного офиса насчитывает три варианта.

Первый вариант **частного** «облака» – это пространство, развернутое на мощностях и территории компании, обслуживаемое и контролируемое ее сотрудниками [38, с. 409]. Но данная архитектура необязательна – возможно использование либо внешних центров обработки данных (ЦОД), либо совместно с привлечением аутсорсинговых компаний. В качестве одного из отличных от других видов преимуществ следует выделить высокий уровень безопасности и высокую степень контроля. Тем не менее высокие издержки капитализации и затраты на последующее обслуживание оборудования могут существенным образом увеличить совокупные затраты самой организации.

Публичные облачные архитектуры характеризуются предоставлением услуг клиенту поставщиком. Пользователи данных схем не имеют возможности управлять или обслуживать его ресурсы – вся ответственность возложена на владельца, поставщика услуг. Поставщик облачных услуг принимает на себя обязанность по установке, управлению, предоставлению и обслуживанию программного обеспечения, инфраструктуры приложений или физической инфраструктуры. Платеж осуществляется только за те ресурсы, которые использовал клиент. Это один из самых легких и доступных по цене вариантов развертывания ресурсов с большими возможностями масштабирования. Но конфигурации использования, как правило, стандартны, и клиент не может их преобразовать под свои требования. Также недостатком можно считать значительно меньший, по сравнению с частным серви-

сом, уровень безопасности, что говорит о нежелательном их использовании для важных и конфиденциальных данных.

Гибридные облачные решения – это своего рода синергия публичных ресурсов и собственной, частной инфраструктуры. Данный вид архитектуры популярен в организациях, имеющих ярко выраженные сезонные всплески, требующие высоких вычислительных мощностей, или организации с высокими стандартами внутренней безопасности. Подобные решения позволяют предоставлять необходимый удаленный виртуальный доступ сотрудникам, экстренно выделять ресурсы для обеспечения сезонности или для нового проекта, при этом оставлять в сохранности данные, к примеру, по платежам, внутри корпоративной сети. Один из наиболее важных недостатков – очень высокая сложность создания подобной инфраструктуры и последующее ее обслуживание.

Преимущества распределенной инфраструктуры можно показать на следующем примере. Одним из классических преимуществ облачных архитектур называют относительно низкую стоимость ее внедрения и эксплуатации – сокращение капитальных издержек (CAPEX). Но, как показывает практика, это не всегда так. В зависимости от варианта используемой модели IaaS, PaaS, SaaS, публичного или частного характера, продиктованными требованиями отрасли, предпочтениями учредителей, производственными процессами и т. п., сокращение капитальных издержек не всегда происходит. Например, при организации частного облака компания вынуждена создавать собственный ЦОД и укомплектовывать центр дорогостоящим оборудованием. Сокращение издержек также происходит за счет более дешевых клиентских компьютеров. В большинстве случаев, в разрезе среднего и малого предпринимательства, удастся достигнуть в среднем от 30 до 70% экономии.

Таким образом, виртуализация представляет собой ведущую технологическую базу современного менеджмента.

Российские перспективы

По результатам исследования Coleman & Parkers, около 50% опрошенных руководителей российских компаний считают отсутствие гибкости ИТ-инфраструктуры препятствием для решения бизнес-задач [39].

Преобладающими вариантами «облачных» отраслей экономики в России являются: отрасль информационных технологий и финансовые структуры (25% использования гибких технологий в стране), компании ритэйла (21%), телекоммуникационные компании (13%). Среднестатистический рост прибыли данных организаций составляет 30%. Эти архитектуры используются в основном в гибридных формах из-за высокой степени общего недоверия к сервисам. Покупки облач-

ных услуг носят избирательный характер. Наблюдается определенный рост в сегменте DaaS (Data as a Service). Когнитивные технологии, объединяющие определенные алгоритмы вычисления и информационные технологии, позволяют работать с большими массивами неструктурированных данных [40]. Таков основной тренд текущего времени.

На основании прогноза IDC, клиентами облачных сервисов будут в основном крупные компании России – продажи спрогнозированы на уровне 80 млрд долл. к 2019 г. Доля средних и мелких по объему организаций будет превышать 40%. Компании сектора B2B или B2C сегмента активно используют облачные схемы в РФ [41]. Также «облачные» технологии заняли прочные позиции в образовательных учреждениях в концепции электронного кампуса.

Наиболее сложным остается оценка повышения уровня мотивации в компании и эффективности работы персонала, благодаря использованию новейших программных разработок, сокращению времени обработки запроса, повышению качества обслуживания и росту управляемости бизнеса. Более того, лояльное отношение к своим сотрудникам, профессиональная детерминация критериев оценки работы и системы премирования, установление в рамках некоторых отделов свободного посещения и уменьшение размеров офисного помещения ведут к росту дохода фирмы в долгосрочной перспективе.

Агрегация вариантов использования и формирования оптимальных, шаблонных решений имеют положительный финансовый результат. Для большинства компаний стандартизированные инструменты, такие как CRM, от любого продавца облачного ИТ-продукта в полной мере удовлетворяют текущие потребности бизнеса и оставляют технологический задел на будущее.

Углубленный анализ проблем «мобилизации» корпоративного сегмента позволяет сделать вывод, что организация подобной ИТ-архитектуры положительно сказывается на финансовых показателях компании и во многих случаях ведет к структурным изменениям в организации.

Также доверительные продукты, какими в первую очередь являются облачные сервисы в рамках ИТ-инфраструктуры, основное свое развитие получили в США (69% мирового рынка). Российские корпоративные потребители с осторожностью относятся к подобным решениям из-за ряда проблем. В качестве потенциальных угроз можно выделить следующие: слабая или отсутствующая законодательная база; малая распространенность скоростного стабильного доступа в Интернет; не до конца решенные вопросы безопасности данных; сложная методика оценки эффективности внедрения облачных ИТ-решений.

Во многих странах уже действует ряд законных и подзаконных актов, контролирующих облачные вычисления и всевозможную вир-

туализацию. Одна из наиболее масштабных программ действует в США – она была реализована в рамках ИТ-реформы, проведенной администрацией Б. Обамы. Среди основных задач реформы выделялись такие, как: снижение затрат, повышение прозрачности и эффективности государственных ИТ-расходов. Евросоюз, в свою очередь, готовится к формированию собственной облачной стратегии [42].

В России сформирован законопроект, отражающий требования к облачным инфраструктурам для государственных органов [43]. Переход на использование подобного рода ресурсов затруднен по нескольким причинам. В силу обострившихся в последнее время отношений России со многими странами мира, а особенно с США, правительство РФ не готово к использованию зарубежных ЦОД, а российские представители не способны на регулярной основе предоставлять требуемый уровень качества, стабильности, надежности и конфиденциальности данных. Между тем переход к новой модели ИТ в госорганах свидетельствует о возможностях экономии государственного бюджета и о повышении прозрачности государственных расходов, что является позитивным сигналом с антикоррупционной точки зрения [44].

Для коммерческого значения использования облачных технологий наиболее важны положения Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (Федерального закона, ограничивающего и регламентирующего условия передачи и использования персональных данных), которые напрямую не препятствуют использованию облачных технологий, но осложняют в ряде случаев архитектуру ИТ-системы предприятия. Более того, требования регуляторов к поставщикам облачных услуг временами достаточно жесткие и трудновыполнимые (к примеру, применение сертифицированных криптосредств, требования регуляторов к обеспечению безопасности и криптошифрованию) [45].

Что же касается защиты потребителя услуг по коммерческим контрактам, то в большинстве своем взаимоотношения регламентируются основным арбитражным законодательством. В России существует ряд требований по заключению контрактов на предоставление облачных услуг, и в основном эти требования регламентируют порядок предоставления отчетности для правильного обоснования расходов и списания налогооблагаемой базы. Однако безопасность потребителя облачных услуг, как и поставщика, остается делом самого контрагента по договору, что, в свою очередь, снижает уровень доверия к технологии в целом.

Применение «мобилизации» наиболее выгодно в сегменте среднего и малого предпринимательства. Стоимость владения говорит о том, что минимизация капитальных и операционных издержек позволяет снизить барьеры входа на рынок, что актуально для начального этапа

бизнеса, и повысить скорость реакций на внешнее окружение, благодаря максимально актуальному ПО. Стоимость миграции для среднего и крупного предприятия может нивелировать дополнительное преимущество по издержкам, из-за скопившейся аппаратной базы, но тем не менее использование распределенной инфраструктуры в средней и крупной организации в формате гибридной схемы позволяет использовать преимущества «мобилизации», сохранить высокий уровень безопасности, повысить лояльность сотрудников и учредителей бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровая Россия: новая реальность. Доклад. Июль 2017. Digital McKinsey. www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf.
2. Морозова А. Сайт в облаке // Российская Газета. 2013. 917(39). rg.ru/2013/10/08/telefoni.html.
3. Ежегодная аналитическая сводка Яндекс.Исследования – Развитие интернета в России. yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015.
4. Arnot D., Lizama F., Song Y. Patterns of business intelligence systems use in organizations // *Decision Support Systems*. 2017. Vol. 97. P. 58–68.
5. Alkhurajji A., Liu S., Oderanti F., Annansingh F., Pan J. Knowledge network modelling to support decision-making for strategic intervention in IT project-oriented change management // *Journal of Decision systems*. 2014. Vol. 23. No. 3. P. 285–302.
6. Zhang Y., Li X. Uses of information and communication technologies in HIV self-management // *International Journal of Information Management*. 2017. Vol. 37. P. 75–83.
7. Koc T., Turan A., Okursoy A. Acceptance and usage of a mobile information system in higher education: an empirical study with structural equation modeling // *The International Journal of Management Education*. 2016. Vol. 14. P. 286–300.
8. Gerbi M., McIvor R., Loane S., Humphrey P. A multi-theory approach to understanding the business process outsourcing decision // *Journal of World Business*. 2015. Vol. 50. P. 505–518.
9. McIvor R. *Global services outsourcing*. N.Y.: Cambridge University Press, 2010.
10. McIvor R. What is the right outsourcing strategy for your process? // *European Management Journal*. 2008. V. 26. P. 24–34.
11. Currie W., Michell V., Abanish O. Knowledge process outsourcing in financial services: the vendor perspective // *European Management Journal*. 2008. Vol. 26. P. 94–104.
12. Crecente-Romero F., Gimenez-Baldazo M., Rivera-Galicia L. Subjective perception of entrepreneurship. Differences among countries // *Journal of Business Research*. 2016. V. 69. P. 5158–5162.
13. Sung T. The creative economy in global competition // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 96. P. 89–91.
14. Howkins J. *The creative economy: how people make money from ideas*. L: Penguin, 2001.
15. Pearson K., Saunders C. *Strategic Management of Information*. Singapore: John Wily and Sons, 2013.
16. Kogut B. The network as knowledge: generative rules and the emergence of structure // *Strategic Management Journal*. 2000. Vol. 21. P. 405–425.
17. Sung T. The creative economy in global competition // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 96. P. 89–91.
18. Manfredi S., Nappo F. The implementation of intellectual property strategies inside the organization // *International Journal of Mathematical Models and Methods in Applied Sciences*. 2012. V. 6. No. 1. P. 53–62.
19. Pereira S., Quornian L. Intellectual property and patent prospecting as a basis for knowledge and innovation // *RAI Revista de Administracao e Inovacao*. 2017. Article in Press. [dx.doi.org/10.1016/j.rai.2017.07.006](https://doi.org/10.1016/j.rai.2017.07.006).
20. Aral S., Brynjolfsson E., Van Alstyne M. Information, technology and information worker productivity: task level evidence. NBER Working Paper. WP 13172. June 2007. www.nber.org/papers/w13172.
21. Yang M., Kueng L., Hong B. Business strategy and the management of firms. NBER Working Paper. January 2015. WP 20846. www.nber.org/papers/w20846.
22. Козьяков Д. Современный мобильный офис: технологические возможности и вопрос возврата инвестиций // *Технологии и средства связи*. 2015. No. 6. С. 46–47.
23. SAP ERP. Построение эффективной системы управления / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
24. Завгородний В.И. Оценка расходов на управление информационными рисками // *Проблемы теории и практики управления*. 2006. № 4. С. 82–88.
25. Ермак С. Летели Облака, Летели Кирпичи // *Эксперт Online*. 2011. expert.ru/ural/2011/44/leteli-oblaka-leteli-kirpichi.
26. Ng I., Wakenshaw S. The internet-of-things: review and research directions // *International Journal in Marketing*. 2017. Vol. 34. P. 3–21.
27. Yi Jia Low K., Yen-Chen Ho E. A knowledge-based theory of the multinational economic organization // *Long Range Planning*. 2016. Vol. 49. P. 641–647.
28. Teece D. A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise // *Journal of International Business*. 2014. Vol. 45. P. 8–37.
29. Kakihara M., Sorensen C. Expanding the “mobility” concept // *ACM SIGGROUP Bulletin*. 2001. V. 22. No. 3. P. 33–37.
30. Jarvenpaa S., Lang K. Managing the paradoxes of mobile technology // *Information Systems Management*. 2005. V. 22. No. 4. P. 7–23.
31. Lyytinen K., Youngjin Y. Ubiquitous computing // *Communications of the ACM*. 2002. Vol.45. No. 12. P. 63–96.
32. Holgersson M., Granstrand O., Bogers M. The evolution of intellectual property strategy in innovation ecosystems: uncovering complementary and substitute appropriability regimes // *Long Range Planning*. 2017. Article in press. [dx.doi.org/10.1016/j.lrp.2017.08.007](https://doi.org/10.1016/j.lrp.2017.08.007). P. 1–17.
33. Bayramusta M., Aslihan Nasir V. A fad or future of IT? A comprehensive literature review on the cloud computing research // *International Journal of Information Management*. 2016. Vol. 36. P. 635–644.
34. Ministry of Science. ICT. Future Planning. 2015. Creative economy. english.msip.go.kr/english/msipContents/contents.do?mId=MjY3.
35. Wonglimpiyarat J. New economics of innovation: strategies to support high-tech SMEs // *Journal of High Technology Management Research*. 2015. Vol. 26. P. 186–195.
36. Глонасцова А. История развития облачных технологий. От Amazon до Wialon. 2011. blog.gurtam.com/2011/10/history-of-cloud-computing-from-amazon-to-wialon.
37. Соколов М. Белогривые на старте // *Российская газета*. 2015. No. 6952(84).

38. Экономическая информатика: Введение в экономический анализ информационных систем: Учебник. М.: ИНФРА-М. 2005.
39. Пуляевский Г. Дорога в «Облака» // Эксперт Online. 2011. expert.ru/2011/09/30/doroga-v-oblaka.
40. Воронина. Ю. Когнитивные системы помогут победить конкурентов // Российская газета. 2016. 20 апреля. rg.ru/2016/04/20/budushchee-biznes-tehnologij-zakognitivnymi-sistemami.html.
41. Соколов М. Рынок публичных облаков к 2019-у году увеличится втрое // Российская Газета. № 6952(84). rg.ru/2016/04/20/prognoz-rynok-publicnyh-oblakov-k-2019-godu-velichitsia-vtroe.html.
42. Литвиненко Ю.А. Облачные сервисы для бизнеса: от сокращения капитальных затрат к мгновенному выделению ресурсов // Журнал школы ИТ-менеджмента АНХ при правительстве РФ. 2011. Май. journal.itmane.ru/node/487.
43. Закон обяжет строить облака на территории России // RTCloud. 2016. rtcloud.ru/zakon-obyazhet-stroit-oblaka-dlya-gosorganov-na-territorii-rossii.
44. Носов Н. Проблемы перехода к облачным технологиям в государственных организациях // PC Week. 2015. №1 (878).
45. Технология облачных вычислений // Мир Телекома. 2014. № 31. mirtelecoma.ru/magazine/elektronnaya-versiya/31.

ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda M. Rozanova – Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of Theoretical Economics, National Re-search University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Ivan A. Varivoda – Manager of the Open Company Pet Retail Beethoven, Moscow, Russia

MANAGEMENT IN THE XXII CENTURY: TO FLEXIBLE FORMS OF MANAGEMENT AND ORGANIZATION

The dominant trend of the XXI century, namely, development of the digital economy, , poses new tasks before management. Digitalization scale and speed clearly demonstrate necessity and possibility of radical changes in a firm’s managerial system in many aspects,, including in the sphere of organization of office worki so that previously routine and boring office activities could be transformed into creative office communication of a new generation. The paper, based on extensive international experience, considers “the pitfalls ” or the feasible obstacles, that arise in the process of work with virtual jobs. The authors show the objective necessity of conducting the IT reforms in a company that provides additional freedom to its personnel and unceasing permanent access to operational data of the company’s management. In the paper, specific features of infrastructure transformation of an organization are described, in connection with the introduction of open accounting and the mobilization of staff.

Keywords: *Business administration, business model, mobile infrastructure, management.*

JEL: M1.

Л.Н. СВИРИНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра исследований проблем государственного управления
Института экономики РАН

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматриваются вопросы становления и развития института «резерва управленческих кадров» на федеральном уровне, целью функционирования которого является создание подготовленного к управлению в изменяющихся условиях состава государственных служащих, обеспечение непрерывности и преемственности государственного управления. Предлагается использование механизма формирования государственного заказа на подготовку управленческих кадров с целевой ориентацией части из них в федеральный кадровый резерв. Проводится оценка новых подходов к совершенствованию организации работы с кадровым резервом.

Ключевые слова: *кадровый резерв государственной службы, федеральный резерв управленческих кадров, государственный заказ на подготовку резерва кадров для государственного управления.*

JEL: M12.

Повышение эффективности государственного управления является одной из приоритетных задач современной России. Ее решение требует формирования высокопрофессиональных управляющих команд, в первую очередь из числа лиц, входящих в резерв управленческих кадров. Важным элементом в механизме отбора, подготовки и рационального использования управленческих кадров выступает институт кадрового резерва. Главная задача создания кадрового резерва заключается в том, чтобы выявить наиболее перспективных специалистов, обладающих качествами, которые более всего необходимы для данной профессиональной деятельности.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25.08.2008 N 1252 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров»¹ в России запущена Программа формирования резерва управленче-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2008 №1252. www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93778.

ских кадров. То есть в масштабах страны в целом, и отдельного субъекта Российской Федерации в частности, появляется институт «резерва управленческих кадров». Причем этот институт направлен на кадровое обеспечение не только государственного и муниципального управления, но и на развитие профессионального управления бизнесом в его самом широком смысле. В Российской Федерации установлена многоуровневая система формирования кадрового резерва на гражданской службе с выделением следующих видов кадровых резервов: президентский резерв управленческих кадров, федеральный кадровый резерв; кадровый резерв федерального государственного органа; кадровый резерв субъекта Российской Федерации; кадровый резерв государственного органа субъекта Российской Федерации.

Работа по формированию резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента Российской Федерации, осуществляется во исполнение Перечня поручений Президента Российской Федерации от 1 августа 2008 г. № Пр-1573². Право рекомендовать кандидатов в президентский резерв было предоставлено должностным лицам Администрации Президента, членам Правительства, руководителям иных федеральных государственных органов и высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации.

В обновленный (10 января 2018 г.) и одобренный В. Путиным состав Президентского резерва управленческих кадров вошли 143 человека – представители федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления, иных организаций. На основе федерального кадрового резерва, кадрового резерва субъектов Российской Федерации, кадрового резерва федеральных государственных органов и кадрового резерва государственных органов субъектов Российской Федерации федеральным государственным органом по управлению государственной службой формируется Сводный кадровый резерв Российской Федерации для замещения вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации. Более пристальное внимание в настоящей статье уделяется анализу становления института федерального кадрового резерва.

Федеральный резерв управленческих кадров

Федеральный резерв управленческих кадров состоит из трех уровней: высший уровень резерва — руководящий состав государственных органов федерального и регионального уровней, а также государственных корпораций и организаций; базовый уровень резерва — руководители

среднего уровня государственных органов федерального и регионального уровней, а также государственных корпораций и организаций; перспективный уровень резерва — государственные гражданские служащие, а также сотрудники государственных корпораций и организаций в возрасте до 35 лет. По состоянию на 12 июля 2017 г. количество лиц, включенных в федеральный резерв управленческих кадров, составлял 1959 человек: 389 резервистов в высшем уровне резерва; 700 резервистов в базовом уровне резерва; 870 резервистов в перспективном уровне резерва.

В соответствии с Перечнем поручений Президента Российской Федерации от 1 августа 2008 г. № Пр-1573 реализуется Федеральная программа «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010–2018 годы)» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 636-р)³.

Результаты реализации Федеральной программы объединены в пять блоков: 1) создание условий профессиональной коммуникации и обмена успешным управленческим опытом между участниками Программы (показатель результативности – количество очных и дистанционных коммуникационных мероприятий); 2) создание условий для отработки на практике полученных знаний и навыков (показатель результативности – количество зарубежных стажировок); 3) повышение уровня навыков и знаний участников программы в сфере управления (показатель результативности – не менее 10% прироста управленческих знаний у участников программы); 4) внедрение современных методов обучения (показатель результативности – количество сквозных проектных работ, объем индивидуального консультирования, использование информационных технологий); 5) реализация мероприятий по профессиональному развитию участников Программы в соответствии с их индивидуальными планами развития.

С точки зрения главного приоритета кадровой политики – формирования профессионально подготовленного кадрового состава – все большую актуальность приобретают аттестационные и адаптационные программы для лиц, впервые поступающих на госслужбу, стажерские программы для молодых специалистов, наставнические формы обучения. Подготовка и переподготовка федерального резерва управленческих кадров включает также обучение, организованное по модульному принципу, проектно-аналитические сессии, коммуникационные мероприятия, зарубежные стажировки, а также встречи участников программы с представителями политического и экономического сообщества. Координатором федеральной программы является Аппарат Правительства Российской Федерации, государственным заказчиком – Министерство труда и социальной защиты РФ, испол-

² Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации. gossluzhba.gov.ru/Rezerv.

³ docs.cntd.ru/document/902213137.

нителю реализации Программы – образовательные, научные и иные организации, определяемые в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Поэтапная реализация программы для высшего резерва управленческих кадров осуществляется в РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации с 2010 г. В рамках реализации I этапа программы (2010–2011 гг.) на базе РАНХ и ГС состоялось обучение 20 человек пилотной группы высшего уровня резерва управленческих кадров. По итогам реализации II этапа программы (2012–2015 гг.) успешно завершили обучение участники четырех потоков лиц, включенных в резерв управленческих кадров (всего 838 человек). В рамках реализации III этапа программы (2016–2018 гг.) запланировано обучение трех потоков лиц, включенных в резерв управленческих кадров (480 человек). Кроме того, предусмотрено дополнительное участие в программе новой категории слушателей – участников отдельных мероприятий программы из числа лиц, включенных в резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента Российской Федерации. 29 мая 2017 г. в президентской академии состоялось официальное открытие федеральной программы «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров высшего уровня (2010–2018 гг.)» для шестого потока слушателей⁴. Следует отметить тот факт, что на повышение качества подготовки резервистов высшего уровня по этой программе несомненно скажется организация процесса обучения в рамках проектной работы. Это означает, что учебные проекты слушателей должны быть ориентированы на решение конкретных актуальных задач, которые могут возникнуть перед органами исполнительной и законодательной власти.

Федеральная программа «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010–2015 г.)» базового и перспективного уровней резерва управленческих кадров реализуется также Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова при координирующей роли Аппарата Правительства Российской Федерации. Заказчиком является Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Ведущую роль в реализации программы играет факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Программа нацелена на создание новой системы работы с резервом управленческих кадров, включающей подготовку и переподготовку, а также дальнейшее привлечение в систему государственного управления наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва.

Участниками программы стали молодые сотрудники и руководители структурных подразделений федеральных и региональных орга-

нов исполнительной власти, а также корпораций с государственным участием — всего свыше двухсот человек из более чем пятидесяти регионов России. Программа подготовки и переподготовки резерва управленческих кадров, реализуемая факультетом государственного управления МГУ, является образовательным проектом самого высокого уровня. В ней используются новейшие образовательные технологии, инновационная система лекций, проектные и тренинговые форматы, а также зарубежные стажировки в ведущих мировых центрах подготовки управленческих кадров. 14 мая 2014 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялось открытие обучения третьего потока федеральной программы «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010–2015 гг.)» базового и перспективного уровней резерва. Успех реализации программы для третьего потока во многом, на наш взгляд, предопределен возможностью использования в ходе двух предыдущих потоков опыта по реализации программы полученного. По их результатам был проведен мониторинг, который показал, что из 385 представителей резерва, завершивших обучение, уже треть получили повышение по службе⁵.

Механизм формирования государственного заказа на подготовку управленческих кадров

В настоящее время в рамках реализации перспективного направления централизованной подготовки гражданских служащих федерального уровня по приоритетным направлениям через государственные задания ведущим вузам страны целесообразно, на наш взгляд, осуществлять формирование заказа на подготовку управленческих кадров с целевой ориентацией включения части из них в федеральный кадровый резерв по востребованным видам профессиональной деятельности [1, с. 32–33]. Государственный заказ представляет задание российского правительства на календарный год на профессиональную переподготовку и повышение квалификации государственных служащих федеральным органам исполнительной власти, являющимся государственным заказчиком в пределах предусмотренных в федеральном бюджете средств на эти цели. Он рассчитывается на основе прогнозируемой численности государственных служащих, которых предстоит обучить, и экономических нормативов. Численность государственных служащих указывается с распределением по должностным категориям, направлениям, видам, формам и срокам обучения. Экономические нормативы для определения стоимости обучения даны по группам должностей и видам обучения государственных слу-

⁴ hspa.ranepa.ru/post/news/356.

⁵ ruskiymir.livejournal.com/509537.html.

жащих. В государственном заказе содержатся сведения о численности обучаемых государственных служащих, объеме средств, необходимых для оплаты обучения, финансирования научно-методического, учебно-методического, информационно-аналитического сопровождения государственного заказа.

Механизм взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по государственному заказу следующий. Они представляют заявки на финансирование за счет средств федерального бюджета профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Заявки должны быть сформированы в соответствии с расчетом потребности в обучении кадров на календарный год. Федеральные органы исполнительной власти размещают государственный заказ в образовательных учреждениях, которые имеют лицензию на осуществление дополнительного профессионального образования. Заявки представляются в Министерство труда и социального развития Российской Федерации, которое готовит проект государственного заказа. Затем оно вносит проект на рассмотрение Межведомственной комиссии по профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных служащих федеральных органов исполнительной власти. После рекомендации комиссии Минтруд России представляет проект государственного заказа и предложения по объемам его финансирования в Правительство Российской Федерации. Государственный заказ утверждается Правительством Российской Федерации. Средства на исполнение государственного заказа выделяет Министерство финансов Российской Федерации. После выделения средств Минтруд России возмещает федеральным органам исполнительной власти затраты на обучение государственных служащих в соответствии с договорами, которые они заключили с образовательными учреждениями. Минтруд России является также государственным заказчиком работ и услуг по научно-методическому, учебно-методическому, информационно-аналитическому сопровождению государственного заказа. Минтруд России совместно с Министерством образования Российской Федерации по согласованию с Минфином России разрабатывает и утверждает экономические нормативы для определения стоимости обучения государственных и муниципальных служащих. Значительное место в этой работе принадлежит Межведомственной комиссии по профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных и муниципальных служащих федеральных органов исполнительной власти. Она координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти по подготовке и реализации государственного заказа на профессиональную переподготовку и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих.

Новые подходы к формированию федерального кадрового резерва

Несмотря на то что комплексная кадровая технология «институт кадрового резерва» неоспоримо имеет преимущества по сравнению с традиционной формой «вращения» руководящих кадров на основе института заместительства, в современных условиях необходимо не только прочное закрепление ее позиций, но и дальнейшее совершенствование подходов к организации работы с кадровым резервом. Резервы управленческих кадров в нашей стране как институт подбора и подготовки управленцев существует достаточно давно. Есть Президентский резерв, есть Федеральный резерв управленческих кадров. Во всех субъектах РФ сформированы резервы управленческих кадров регионального уровня. Однако изучение существующей практики показало, что эти виды резервов формируются по-разному. Заметна также недостаточная востребованность включенных в резервы с точки зрения назначения на должности. По мнению экспертов Президентской академии, необходимо изменить данную ситуацию, прежде всего в следующих направлениях совершенствования базовых принципов формирования резерва управленческих кадров [3]:

- использование ресурсного подхода как к оценке, так и к подготовке лиц, включенных в резерв (четкое определение основных преимуществ резервиста, его личностно-профессиональных качеств, которые обеспечат прорыв и выход на новый уровень развития);
- преодоление разрозненности существующих резервов как по уровням, так и сформированных в разных регионах за счет использования единой методологии работы с резервом;
- повышение востребованности резервиста за счет правильного включения его в работу команд первых лиц.

В ближайшее время в России планируется формирование федерального кадрового резерва, в который войдут государственные гражданские служащие, а также лица, желающие поступить на госслужбу по всей России. Предполагается, что будущий реестр объединит кадровые резервы, которые формируются различными ведомствами. Соответствующий указ президента, утверждающий положение о системе формирования кадрового резерва, уже подготовлен Министерством труда. Это будет межотраслевой кадровый резерв, который объединит кадры из резервов различных федеральных ведомств и позволит находящимся в списке людям претендовать на работу в других структурах. Резерв будет сформирован по группам должностей и направлениям деятельности. Участие в конкурсе на попадание в кадровый резерв может принять любой желающий. Для этого необходимо будет предоставить личное заявление, анкету, копию паспорта, документы

об образовании и квалификации, а также копию трудовой книжки. При проведении конкурса комиссия оценивает кандидатов на основании представленных ими документов и результатов конкурсных процедур, включая индивидуальное собеседование, анкетирование, проведение групповых дискуссий, написание реферата или тестирование по вопросам, связанным с выполнением должностных обязанностей по должностям федеральной гражданской службы. Наличие сопоставимых результатов оценки позволит, на наш взгляд, более активно обмениваться лучшими управленческими кадрами между субъектами РФ и федеральными органами власти, сделает самих резервистов более мобильными и востребованными. Функционирование федерального кадрового резерва будет осуществляться с использованием информационной системы. Через указанную систему желающие также смогут подать необходимые документы для участия в конкурсе на включение в федеральный кадровый резерв.

По одному из вариантов создания единого центра по подбору кандидатов на вакантные должности гражданской службы обсуждается возможность его формирования на базе РАНХ и ГС, которая уже сейчас располагает огромной базой данных для такого сравнения. В базе несколько тысяч руководителей сферы государственного управления разного уровня. По другому варианту на высшем уровне активно обсуждается вопрос создания в России нового федерального органа, который будет отвечать за развитие системы государственной службы. Пока не определено, в какой организационно-правовой форме будет создан федеральный орган (будет ли это министерство или агентство) и кому будет подчиняться: правительству или администрации главы государства. Предполагается, что в его функции войдут вопросы по развитию системы государственной службы, подбор и создание кадрового резерва, формирование требований и обучение госслужащих и т. д. На сегодняшний день эти обязанности разделены между администрацией президента, аппаратом правительства и несколькими ведомствами. В действующем законодательстве уже есть положение о федеральном государственном органе по управлению госслужбой, но каждый раз, когда возникает необходимость этот орган определить, выходит указ президента, в котором эти функции поручаются конкретному ведомству.

Общего подхода среди российских специалистов к данной проблеме нет. По их мнению, этот вопрос всегда будет дискуссионным, потому что есть разные модели в различных странах. Например, во Франции такой специально выделенный объединенный государственный орган существует. Его учредителем выступает государство и профсоюз государственных служащих. Он занимается подбором кадров для республиканской и территориальной службы, их развитием, различными назначениями и т. д.

Интересный опыт подготовки кадрового резерва накоплен в Японии, где особое внимание уделяется деятельности Школы государственного управления и промышленного менеджмента. Выпускники этой школы, как показывает практика, становятся политическими и экономическими лидерами Японии. То есть приоритетной задачей является подготовка лиц, состоящих в резерве кадров, которые должны занять высшие должности в государстве в долгосрочной перспективе.

В Соединенных Штатах Америки основным органом, занимающимся резервом кадров для государственной службы является Служба управления персоналом, в которой функционирует Центр системы оценки кадров и должностных обязанностей, занимающийся не только оценкой персонала при приеме на работу, но и дальнейшим продвижением служащих на новые управленческие должности. Повышением квалификации государственных служащих, зачисленных в кадровый резерв, занимаются также Вашингтонский институт управления, Институт государственной политики, Профессиональный институт Американской ассоциации управления.

В Великобритании работа с кадровым резервом на государственной службе осуществляется по программе «Быстрый поток». Данная программа способствует быстрой кадровой рокировке из кадрового резерва на вакантную должность и наоборот. Принцип программы: успешные кандидаты в рамках программы в течение нескольких лет после поступления на службу активно переводятся из департамента в департамент в целях приобретения опыта. Через пять лет кандидаты выходят из программы, и их карьера в дальнейшем строится в соответствии с общими принципами управления персоналом в государственных учреждениях [3].

Аргументация российских экспертов по отношению выбора той или иной западной модели управления резервом кадров для государственной службы из единого центра или разделенных институтов носит двоякий характер: по их утверждению, с одной стороны, легче иметь весь набор информации, стандартов и технологий в одном месте, но, с другой стороны, управлять этой одной структурой будет тяжелее. Появление нового органа, с их точки зрения, ставит под сомнение правомерность существования дублирующих кадровых служб, работающих сейчас в Администрации Президента РФ, Аппарате Правительства РФ, и в Минтруде⁶, которые сегодня являются основными точками, где осуществляется полный спектр деятельности по кадровому обеспечению. Таким образом, сторонники другого подхода придерживаются мнения о том, что реформирование должно идти не в направлении структурных преобразований, а по пути повышению эффективности кадрового управления тех структур, которые ответственны в настоящее время за формирование федерального кадрового резерва.

⁶ В России появится Федеральный орган по развитию госслужбы. iz.ru/news/582949.

Программа «Лидеры России»

В 2017 г. в первый раз в истории России Администрацией Президента был запущен Всероссийский конкурс «Лидеры России» для отбора квалифицированных управленцев с перспективой работы в государственных органах, министерствах, государственных корпорациях (специальная программа развития кадрового управленческого резерва). Аналогов этого конкурса по масштабности и уровню отбора ни в нашей стране, ни за рубежом не существует. По сути, это не конкурс на кадровый резерв – он не был нацелен на замещение каких-то должностей, а преследовал своей целью выработку системы отбора перспективных управленцев, руководителей нового поколения и дальнейшую поддержку их профессионального роста. То есть изначально сформулированная организаторами цель проекта не преследовала трудоустройство конкретных людей, а предполагала оказание финалистам помощи в росте квалификации и дальнейшем их участии в формировании кадрового резерва для государства. В начале февраля 2018 г. только 300 человек из 200 тыс. участников вышли в финал. Именно они составят золотой фонд кадрового резерва страны – это настоящая и будущая управленческая элита.

Победители конкурса, получившие грант на сумму 1 млн руб. (вознаграждение рассчитывалось из примерной стоимости обучения по программе «Мастер делового администрирования» – MBA, Master of business administration), смогут использовать эти средства для дальнейшего обучения в течение года в любом лицензированном образовательном учреждении РФ⁷. По информации пресс-службы проекта «Лидеры России» 45 участников конкурса были назначены на высокие должности в Администрацию Президента РФ, в федеральные и региональные органы исполнительной власти, государственные и частные корпорации. Администрация Президента предполагает ежегодное проведение Всероссийского конкурса «Лидеры России», целями которого являются поиск перспективных руководителей нового поколения и дальнейшая поддержка их профессионального роста.

Заключение

Результат проведенного анализа показывает, что вопросам подготовки и повышения квалификации руководителей высшего звена и перспективных кадров на выдвижение (резерва управленческих кадров) у нас в стране в последнее время уделяется больше внимания, однако говорить о систематической, целенаправлен-

ной и эффективной работе в этом направлении пока рано. В этой связи государственная кадровая политика в части формирования сводного федерального резерва управленческих кадров из единого органа, на наш взгляд, не может быть пока реализована без упора на стандартизацию, без предварительного определения на единой методической основе общих принципов, направлений подбора кадров по профессиональным, нравственным и иным качествам. Необходимость работы в этом направлении позволит осуществлять отбор по сопоставимым результатам оценки наиболее перспективных резервистов для систематического обновления государственного аппарата и рационального использования имеющегося кадрового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспертная дискуссия «Кадровый вектор развития государственного управления в современной России» // Государственная служба. 2015. № 1 (93).
2. Новый подход к формированию резерва управленческих кадров в Калининградской области. РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/novyj-podhod-k-formirovaniyu-rezervov-upravlencheskih-kadrov-v-kaliningradskoj-oblasti.
3. Стукало М.Г. Зарубежный опыт организации работы с кадровым резервом на государственной (публичной) службе // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 247–249. moluch.ru/archive/185/47434/ (дата обращения 06.02.2018).
4. Сороко А.В. Федеральный резерв управленческих кадров как элемент системы управления кадровым потенциалом органов государственной власти // Государственная служба. 2011. № 3. С.25–29.

ABOUT THE AUTHOR

Ljudmila Nikolaevna Svirina – Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate, Center for Public Administration Studies of the Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (the RAS) Moscow, Russia. ludasvirina@mail.ru

ON THE ISSUE ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF THE FEDERAL RESERVE OF MANAGERIAL STAFF FOR THE PUBLIC SERVICE

The article deals with the formation and development of the "managerial reserve" institute at the federal level, the purpose of which is to create a composition of civil servants, prepared for management in changing conditions, to ensure continuity and succession of state administration. The use of the mechanism for the formation of a state order for the training of managerial personnel with a targeted orientation of some of them to the federal personnel reserve, is proposed. An assessment of new approaches to improving the organization of work with the personnel reserve, is being carried out.

Key words: *personnel reserve of public service, federal reserve of managerial personnel, state order for preparation of personnel reserve for public administration.*

JEL: M12.

⁷ Конкурс «Лидеры России». Досье. tass.ru/info/4937487.

И.С. БОРИСОВА

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики
Негосударственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Институт экономики»

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА С ПРЕОБЛАДАНИЕМ ОТДЕЛЬНОГО ВИДА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены особенности управления устойчивым развитием экономики региона, в котором преобладает какой-либо отдельный вид хозяйственной деятельности. Разработана методика выявления данной ситуации в конкретном регионе и построена системно-структурная модель административного управления социально-экономическими отношениями в экономике таких регионов. Проведены расчеты индекса устойчивости развития Липецкой области и преобладающего вида хозяйственной деятельности за 2013 г. и 2015 г. Выявлены административные барьеры ведения бизнеса в экономике Липецкой области в 2012–2015 гг. Проанализирован разрыв между удельными объемами инвестиций по видам хозяйственной деятельности в Липецкой области. Предложена схема механизма управления устойчивым развитием экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экономика региона, преобладающий вид хозяйственной деятельности, управление устойчивым развитием, модель управления.

JEL: R13, R38, R58.

Исполнительные органы государственной власти, призванные управлять социально-экономическим развитием, должны располагать необходимым набором способов влияния на экономику региона, а также иметь соответствующие инструменты для передачи управляющих воздействий всем элементам региональной экономической системы. Целью современного этапа социально-экономического развития нашей страны является обеспечение устойчивого развития российской экономики, при всем разнообразии природно-климатических условий, разных уровнях развития регионов и их особенностях, сохранившихся с советских времен. В данной статье мы рассмотрим формирование механизма управления устойчивым развитием экономики региона, в котором преобладает отдельный вид хозяйственной деятельности.

Прежде всего, по нашему мнению, следует конкретизировать термины «устойчивое развитие» и «преобладающий вид хозяйственной деятельности в экономике региона». Как показывает анализ литературы, термин «устойчивое развитие» имеет большое количество дефиниций, однако он отражает стратегическую цель, а не конкретное направление для практических действий, в том числе и на региональном уровне [1]. Так, А.Д. Урсул трактует данное определение следующим образом: «...управляемое системно-сбалансированное социоприродное развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и безопасное неопределенно долгое существование цивилизации...» [2], а М.А. Кувшинов – как «...целенаправленный процесс управления социально-экономической системой муниципального образования, обеспечивающий устойчивость связей, элементов и структуры системы в целом в направлениях роста уровня и качества жизни населения в рамках баланса с окружающей средой. Устойчивое развитие носит динамический характер, оно представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями» [3]. М.О. Подпругин устойчивое развитие региона понимает как «комплексный процесс, ведущий к решению проблем населения на региональном уровне, к повышению условий жизни жителей региона путем достижения сбалансированности социально-экономического и экологического развития, осуществляемого на основе рационального использования всего ресурсного потенциала региона, включая географические особенности региона, а также особенности экономики, инфраструктуры, промышленности и потенциальных возможностей отдельных городов, относящихся к данному региону» [4], а А.В. Цвигилевич – как «...процесс, ориентированный на постоянное сохранение динамического равновесия посредством целенаправленного использования имеющегося потенциала и условий внешней среды» [5]. Автор данной статьи под «устойчивым развитием экономики региона» понимает стабильность итоговых параметров развития экологических, социальных и экономических показателей экономики региона в среднесрочной перспективе.

Сущность такого социально-экономического явления, как преобладание отдельного вида хозяйственной деятельности (ПВХД) в экономике региона, состоит в том, что совокупность хозяйствующих субъектов и отдельных производств, использующих схожие ресурсы в рамках идентичных производственных процессов, технологий и производимой продукции для удовлетворения близких потребностей, превалирует в экономике региона по структуре и количеству потребляемых ресурсов,

Таблица 1

Сравнение моноотраслевого города и региона с преобладающим видом хозяйственной деятельности как объектов управления развитием

Фактор	Моногород	Регион с ПВХД
Интенсивность экономического влияния преобладающего вида деятельности	Влияние по всей совокупности социально-экономических и экологических параметров	Влияние по отдельным социально-экономическим и экологическим параметрам
Масштаб доминирующей отрасли	Одно предприятие, вокруг которого построен город, как источник воспроизводства рабочей силы	Несколько предприятий, территориально распределенных по региону, являющихся только элементом экономической инфраструктуры
Зависимость от основного ресурса	Высокая, создание моногорода напрямую вызвано близостью определенного вида ресурсов	Источником ресурсов являются внутренние и внешние поставщики
Структура сбыта	Подавляющий объем продукции (более 97%) вывозится за пределы города	Значимая доля производимой продукции (до 15%) реализуется в регионе
Источники снабжения предметами жизнеобеспечения	Продукты питания, предметы быта производятся вне города	Значительная часть предметов потребления производится в регионе

Источник: разработано и дополнено автором по: [13].

Для решения проблем, связанных с обеспечением устойчивого, пропорционального и сбалансированного развития моноотраслевых городов в экономике региона, проведен анализ существующих исследований, результаты которого сведены в табл. 2.

На основании вышеприведенного анализа мы полагаем, что явление «преобладания» недостаточно исследовано, а для региона, развитие которого зависит от ПВХД, можно лишь частично использовать методы и инструменты, применяемые для моногородов. Особенности таких регионов требуют создания новых специальных инструментов управления развитием.

Адаптируя существующие подходы к управлению развитием экономики региона, а также учитывая особенности устойчивого развития регионов, включающих ПВХД, автором установлено, что для выявления ПВХД в экономике конкретного региона целесообразно использовать систему показателей, представленных в табл. 3, в которой для всех показателей приведены доступные в настоящее время источники объективных данных.

административным возможностям, а также по объему выпуска однородного продукта. По мнению автора, явление преобладания возникает в экономике региона по следующим причинам: 1) в связи с наличием на территории уникального ресурса, что обуславливает возможность и необходимость его разработки в объеме, существенно превышающем потребности экономики региона; 2) в связи с изменением глобальной конъюнктуры рынков и возникновением новых технологий, продуктов и способов производства; 3) из-за появления новых видов ресурсов и возможностей их использования в хозяйственной деятельности.

Проблема отраслевого дисбаланса наблюдается не только на региональном уровне, но и на национальном и местном уровнях. На местном уровне данное явление существует в формате градообразующих предприятий, эффективность деятельности которых оказывает решающее влияние на судьбу целых городов. На региональном уровне были осуществлены достаточно успешные попытки экономического районирования и создания территориальных производственных комплексов. Однако в результате рыночных преобразований в национальной экономике реализация данных программ и проектов значительно осложнена по следующим причинам: во-первых, из-за создания трехуровневой налоговой и бюджетной системы, в которой регионы являются самостоятельным уровнем (объектом) со своими полномочиями и ресурсами; во-вторых, в связи с упразднением системы командно-административного управления экономическими связями, сокращением полномочий единых центров управления, перестройкой инструментария управления предприятиями; в-третьих, в связи с появлением частной собственности и, соответственно, нескольких групп заинтересованных сторон в деятельности не только отдельных предприятий, но и целых видов хозяйственной деятельности.

В процессе анализа существующих отечественных и зарубежных публикаций по рассматриваемой проблеме выявлено, что наибольшее распространение для обозначения территорий, имеющих отраслевой дисбаланс развития, получил термин «моноотраслевой» город или «моногород» [7]. Для обозначения конкретных отраслевых признаков моноотраслевые города включались в группы, четко привязанные к доминирующему продукту или сектору. Данная парадигма анализа наиболее ярко представлена в работах целого ряда российских и зарубежных авторов¹. По нашему мнению, задача развития моноотраслевых городов несколько отличается от рассматриваемой проблемы устойчивого развития экономики региона в условиях преобладания отдельного вида хозяйственной деятельности. В частности, наиболее важные различия моногорода и региона с ПВХД представлены в табл. 1.

¹ См. табл. 2.

Таблица 2

Окончание табл. 2

Анализ существующих исследований проблем, связанных с обеспечением устойчивого, пропорционального и сбалансированного развития моноотраслевых городов

Концептуальные положения и основные направления исследования	Советские/российские авторы	Зарубежные авторы
1. Концептуальная и научно-методическая основа теории устойчивого развития экономики регионов	И.Р. Айзенберг, А.Р. Ахметшина, Г.Х. Батов, Т.В. Бегун, Т.И. Безнадежных, А.М. Букреев, А.Ю. Гончаров, Д.В. Горев, А.Г. Гранберг, Г.В. Гутман, В.И. Данилов-Данильян, В.В. Жукова, М.А. Кузнецова, О.П. Литовка	Б. Алкот, К. Азарт, А. Бартлетт, Х. Боссель, Х. Дейли, Р. Карсон
2. Устойчивое экономическое развитие моноотраслевого города	А.А. Мироедов, В.В. Насонов, О.С. Пчелинцев, Б.Г. Преображенский, Н.В. Сироткина, А.О. Скопин, С.В. Смолев, Г.Н. Сухорукова, А.И. Татаркин, А.А. Токарев, А.Д. Урсул, Т.В. Ускова, Д.С. Хайруллов, О.К. Цапиева / Т.В. Бегун, А.В. Карева, Р.А. Кулян, К.Е. Трусова, И.Д. Тургель, Е.Л. Цай	Д. Медоуз, М. Мейфилд, Д. Норт, Э. Пестель, А. Печчеи, Дж. Рипли, Д. Рирс, Т. Саати
3. Социально-экономическое развитие моноотраслевых городов	А.И. Бедрий, Н.Ю. Гарифуллина, И.Н. Ильина, И.В. Манаева, М.А. Овакимян, С.А. Пыткина, С.Н. Растворцева, Н.С. Самофеев, А.Ю. Устинов, Н.В. Смирнова, Л.А. Шильдт, М.А. Шкалей	Т. Адамс, А. Вергара, Х. Грин, О. Диниус
4. Качественные / количественные факторы и критерии отнесения города к моноотраслевой территории	Л.В. Воронина, С.Н. Гончаренко, А.В. Кармакулова, Т.А. Коновалова, А.А. Лемяскин, Н.В. Невейкина, А.А. Проворова, С.Г. Пьянкова, И.Д. Тургель, К.А. Устинова	М.Л. Аллистер, Д. Бритт, Х. Грин, Д. Дигнард, О. Диниус, Л. Карлсон, Б. Левип, Д. Лидбитер, Д. Магилл, М. Маккалистер

Концептуальные положения и основные направления исследования	Советские/российские авторы	Зарубежные авторы
5. Проблемы и перспективы развития моноотраслевых городов	С.А. Барабанова, Е.В. Варавин, М.О. Гладких, М.А. Гуреева, И.Ш. Давыдова, Л.К. Иванова, М.В. Козлова, Л.И. Крючкина, В.Я. Любовный, А.М. Малышкина, А.Н. Маслова, Н.Ю. Микрюков, И.О. Москаленко, Н.Е. Поповичева, И.С. Самборецкий, В.Г. Тимирязова, И.Д. Тургель	А. Вергара, Х. Грин, О. Диниус, Л. Карлсон, Р. Лукас, Ч. Лэндри, Г. Стэндинг
6. Модернизация экономики моноотраслевых регионов	К.А. Гулин, М.А. Каминский, И.В. Кривоногов, М.В. Кунцман, Г.В. Кутергина, А.В. Лапин, И.В. Макиева, А.Г. Полякова, А.Н. Ряховская, А.И. Сайко, М.С. Саргиджян, В.О. Шаронов, Н.А. Черемко, К.О. Щербакова	Ю. Альбер, П. Андрас, Р. Бендикс, С. Блэк, В. Запф, П. Винер, Э. Дюркгейм, Э. Тоффлер, С. Хантингтон, Р. Шулер

Источник: составлено автором по: [14].

Для каждого показателя необходимо использовать свою величину порогового значения. Выбор и фиксация порогового значения каждого показателя необходимы для проведения фильтрации, позволяющей отсекалть регионы, в которых по конкретному показателю действительно наблюдается преобладание отдельного вида хозяйственной деятельности. Если в процессе фильтрации количество регионов, прошедших фильтрацию, превышает 10% от общего количества рассматриваемых регионов, то величина порогового значения повышается на 5%. Схематически данный процесс представлен на рис. 1.

Фильтрация осуществляется путем сравнения значения показателя для конкретного региона с пороговым значением по определенному алгоритму, как показано на рис. 2.

В схеме используются два обозначения *n* и *ptr*. Соответственно «*n*» означает сквозной номер показателя (всего их 5), «*ptr*» означает положительный результат фильтрации. Если значение показателя региона превышает пороговое, то в регионе по данному признаку наблюдается преобладание отдельного вида хозяйственной деятельности. Если регион прошел фильтрацию не менее чем по половине фильтров (мы

Таблица 3

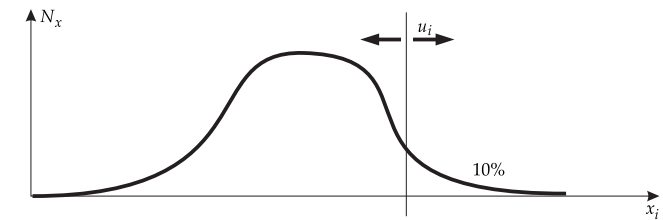
Система показателей для выявления преобладающего вида хозяйственной деятельности в экономике региона

Наименование показателя	Источник исходных данных
<i>Показатели первого этапа фильтрации</i>	
1. Удельный вес вида хозяйственной деятельности в валовом региональном продукте	Таблица 10.4 «Отраслевая структура валовой добавленной стоимости»
2. Доля налогов и сборов, уплачиваемых в консолидированный бюджет РФ по видам хозяйственной деятельности	Отчет по форме 1-НОМ по состоянию на 01.10.2015 в разрезе субъектов Российской Федерации.
3. Доля инвестиций в основной капитал по видам хозяйственной деятельности	Таблица 23.7 «Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности»
4. Доля занятых в различных видах хозяйственной деятельности региона	Таблица 3.7 «Распределение средней численности занятых в экономике по видам экономической деятельности»
5. Доля выручки организаций в разрезе отдельных видов хозяйственной деятельности	Таблица 12.7 «Оборот организаций по видам экономической деятельности в 2014 г.»
<i>Показатели второго этапа фильтрации</i>	
6.1. Структура объема произведенной (отгруженной) продукции, завершённых работ, оказанных услуг по виду хозяйственной деятельности (i – конкретный вид хозяйственной деятельности)	В зависимости от вида хозяйственной деятельности рассматриваются таблицы 13.6, 13.7, 13.8, 14.3, 15.1, 16.4, 17.2
<i>Показатели третьего этапа фильтрации</i>	
Структура производства по виду хозяйственной деятельности	Официальные данные программ регионального развития, отчеты региональных органов власти в сфере экономики и социальной политики. Результаты исследований по региональной экономике.

Источник: разработано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. Суммы налогов и сборов, уплачиваемых в консолидированный бюджет РФ. www.nalog.ru/rn08/related_activities/statistics_and_analytics/forms/5768677.

предлагаем использовать 3 фильтра), то его экономика развивается с ПВХД.

В соответствии с рассмотренной сущностью ПВХД в экономике региона целесообразно оценивать силу его влияния на потенциал роста других видов хозяйственной деятельности и экономики реги-

Источник: адаптировано и построено автором по: [15].

Рис. 1. Механизм установления порогового значения для фильтрации.

Источник: разработано автором.

Рис. 2. Алгоритм фильтрации регионов для выявления преобладания отдельного вида хозяйственной деятельности в экономике конкретного региона.

она в целом. Поэтому для формирования механизма управления устойчивым развитием целесообразно построить систему отбора действенных методов воздействия на субъекты экономики региона, а также обосновать ограничения использования установленных методов и критерии оценки эффективности их применения. Результатом формирования механизма управления устойчивым развитием экономики региона является специальная система отношений между всеми заинтересованными сторонами в экономике региона, позволяющая при наличии заданного объема ресурсов обеспечить достижение целей устойчивого социально-экономического развития экономики области. Указанная система отношений включает в себя следующие элементы [16].

А. Цели управления устойчивым развитием экономики региона – желаемые количественные и качественные ориентиры будущего состояния экономики региона через заданный период времени.

Б. Критерии управления устойчивым развитием экономики региона – правила, на основании которых принимаются решения и контролируется достижение поставленных целей устойчивого развития.

В. Факторы управления устойчивым развитием – элементы экономики региона и хозяйственные связи между ее участниками, на которые осуществляется воздействие для достижения целей устойчивого развития.

Г. Методы воздействия на факторы управления устойчивым развитием экономики региона – технологии и инструменты, используемые участниками экономики региона для достижения поставленных целей устойчивого развития.

Д. Ресурсы управления устойчивым развитием экономики региона – различные виды ресурсов экономики региона, за счет использования которых реализуется выбранный метод управления и обеспечивается достижение поставленных целей устойчивого развития.

Расширяя данный подход, необходимо учитывать, что исполнительные органы государственной власти области в соответствии с действующим законодательством имеют широкий арсенал инструментов воздействия на социально-экономические отношения между субъектами экономики региона. Одна из возможных интерпретаций системно-структурной модели административного управления социально-экономическими отношениями в регионе представлена на рис. 3.

Как видно из рис. 3, в административном управлении используются различные институты, представляющие собой правила устойчивых отношений в конкретной сфере, формы, инструменты, технологии, а также ресурсы, оказывающие влияние на устойчивое развитие экономики области и позволяющие установить характер управления в экономике региона. Методика количественного измерения устойчи-

Источник: составлено и дополнено автором по: [17].

Рис. 3. Системно-структурная модель административного управления социально-экономическими отношениями в экономике региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности

вости управления развитием экономики региона предложена в работе Н.П. Голубецкой, В.И. Бовкун и О.Н. Макарова. В основу методологии положено «правило Хартвика» [18], суть которого сводится к тому, что регион с экономикой, в значительной степени зависящей от преобладающего вида хозяйственной деятельности, должен реинвестировать

часть доходов от ПВХД в сохранение постоянства реального потребления в других видах хозяйственной деятельности. Чтобы оценить влияние преобладающего вида хозяйственной деятельности «Обрабатывающие производства» на устойчивость развития экономики Липецкой области, необходимо рассчитать индекс устойчивости и индекс устойчивости развития ПВХД за 2013 и 2015 гг. по предложенной методике. Исходные данные для расчета представлены в табл. 4.

Таблица 4

Исходные данные для расчета степени износа технологического капитала Липецкой области и ПВХД «Обрабатывающие производства»

Показатель Субъект	Стоимость основных средств, млн руб.		Износ основных средств, %		Удельный вес полностью изношенных основных средств, %	
	2013	2015	2013	2015	2013	2015
Липецкая область	879 524,0	1 066 160,0	49,2	52,6	12,3	14,6
ПВХД	219 812,0	299 438,0	41,1	46,7	10,8	14,7

Источник: составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. – 900 с. (Показатели за 2013 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. (Показатели 2015 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8.)

Из табл. 4 видно, что средняя степень износа основных средств в ПВХД ниже, чем в целом по Липецкой области. Аналогичная ситуация и с показателем удельного веса полностью изношенных основных средств, за исключением результатов 2015 г. Однако анализ данных табл. 5 свидетельствует о том, что в преобладающем виде хозяйственной деятельности степень износа технологического капитала возросла сильнее, чем в целом по Липецкой области.

Таким образом, целевой ориентир для устойчивого развития экономики региона автором выбран правильно, что приводит к росту удельного веса нового оборудования в других видах хозяйственной деятельности Липецкой области. На основании анализа степени износа природного капитала (см. табл. 6), автор делает вывод, что темпы роста износа природного капитала в Липецкой области (1,3) приблизительно соответствуют темпам роста износа природного капитала в преобладающем виде хозяйственной деятельности (1,31). Поэтому с точки зрения экологической устойчивости экономика Липецкой области развивается сбалансированно.

Таблица 5

Степень износа технологического капитала в Липецкой области и в преобладающем виде хозяйственной деятельности «Обрабатывающие производства»

Субъект	2013 г., млн руб.	2015 г., млн руб.	2015 г. / 2013 г.
Липецкая область	53 225,3	81 876,8	1,54
ПВХД	9 757,0	20 556,1	2,11

Источник: рассчитано автором.

Таблица 6

Показатели степени износа природного капитала Липецкой области и преобладающего вида хозяйственной деятельности «Обрабатывающие производства»

Показатель Субъект	Текущие затраты на охрану окружающей среды, млн руб.		Размер использованных природных ресурсов, млн руб.		Износ природного капитала, млн руб.	
	2013	2015	2013	2015	2013	2015
Липецкая область	2 606,0	2 725,4	46 386,8	61 049,0	48 992,8	63 774,4
ПВХД	1 244,4	1 441,1	21 528,3	28 390,3	22 772,7	29 831,5

Источник: рассчитано автором по: Основные показатели охраны окружающей среды www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578.

С учетом приведенных данных необходимо рассчитать индекс устойчивости развития рассматриваемых субъектов. Результаты расчета представлены в табл. 7 и 8.

На основании сопоставления значений индексов устойчивости развития рассматриваемых субъектов анализа выявлено, что индекс устойчивости развития Липецкой области снизился на 1,23%, тогда как индекс устойчивости развития ПВХД «Обрабатывающие производства» – только на 0,05%. Таким образом, выбранное приоритетное направление развития экономики региона – «гармонизация» – является целесообразным.

С учетом рассмотренных элементов формируется механизм управления устойчивым развитием экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности. В процессе его создания, а также для обеспечения эффективной реализации программы устойчивого развития экономики региона с ПВХД, необходимо внедрить соответствующий механизм, преобразующий инновационную актив-

Таблица 7

Расчет индекса устойчивости развития Липецкой области и преобладающего вида хозяйственной деятельности за 2013 г.

Показатель Субъект	Степень износа технологического капитала	Степень износа природного капитала	Валовый региональный продукт	Индекс устойчивости развития
Липецкая область	53 225,3	48 992,8	315 685,4	0,3238
ПВХД	9 757,0	22 772,7	106 386,0	0,3058

Источник: рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. (Показатели за 2013 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. (Показатели 2015 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8).

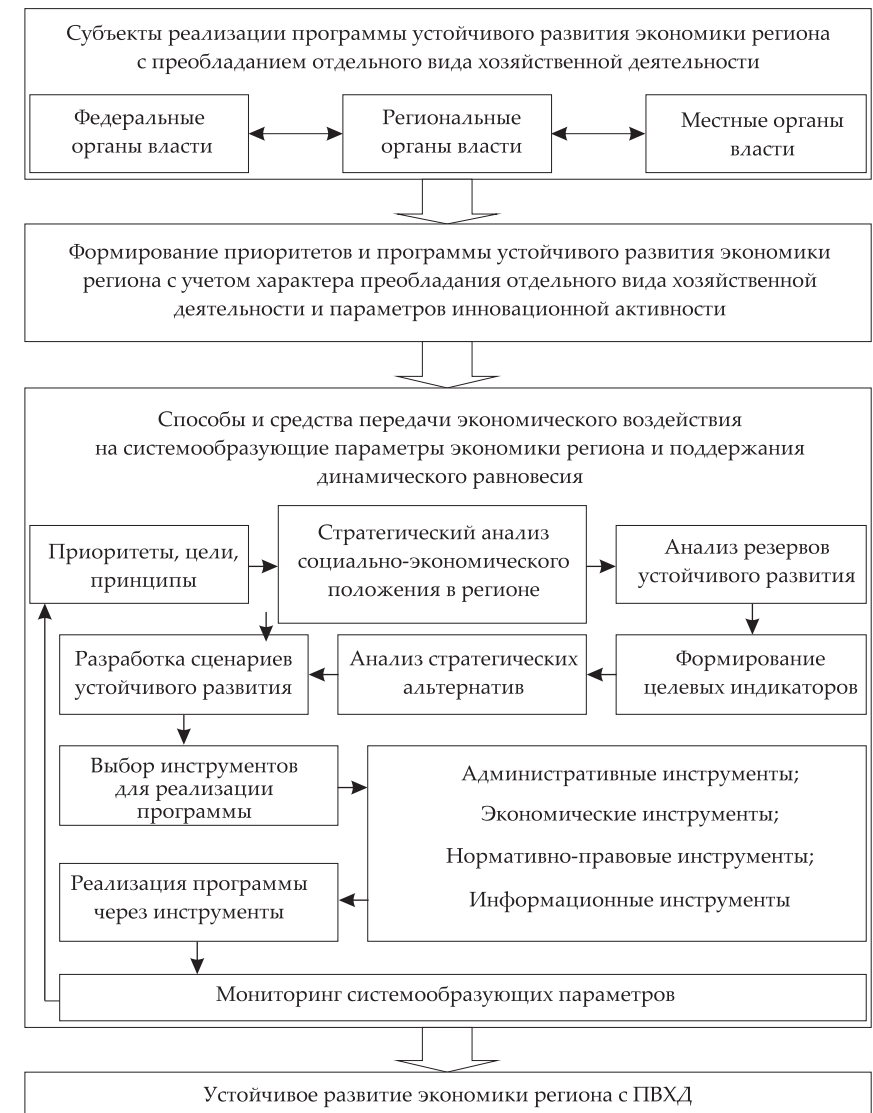
Таблица 8

Расчет индекса устойчивости развития Липецкой области и преобладающего вида хозяйственной деятельности за 2015 г.

Показатель Субъект	Степень износа технологического капитала	Степень износа природного капитала	Валовый региональный продукт	Индекс устойчивости развития
Липецкая область	81 876,8	63 774,4	455 428,2	0,3198
ПВХД	20 556,1	29 831,5	164 865,0	0,3056

Источник: рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. (Показатели за 2013 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. (Показатели 2015 г. таблицы 11.4, 11.7, 11.8).

ность в устойчивое развитие посредством передачи экономического воздействия на системообразующие параметры экономики региона и поддерживающий динамическое равновесие в процессе перехода на новую стадию развития (см. рис. 4). Такой подход решает сразу несколько основных проблем управления устойчивым развитием экономики региона с ПВХД: во-первых, устраняет административные противоречия между различными видами хозяйственной деятельности; во-вторых, трансформирует существующее между видами хозяйственной деятельности соперничество за каждый ресурс в конкурентное русло борьбы, заставляя их повышать эффективность решения экономических задач; в-третьих, обеспечивает приемлемый уровень

Источник: составлено автором по: [19; 20].

Рис. 4. Схема механизма управления устойчивым развитием экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности

стратегической устойчивости экономики региона за счет сокращения непродуктивного потребления наиболее дефицитных ресурсов.

Поэтому предложенный автором механизм позволит реализовать программы устойчивого развития экономики региона с преобладанием отдельного вида хозяйственной деятельности, а также разработать методику определения возможностей использования ПВХД для развития экономики региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бегун Т.В.* Устойчивое развитие: определение, концепция и факторы в контексте моногородов [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 158–163.
2. *Урсул А.Д.* Устойчивое развитие: концептуальная модель / А. Д. Урсул // Национальные интересы. 2005. № 1.
3. *Кувшинов М.А.* Понятие управления устойчивым развитием социально-экономической системы муниципального образования [Текст] / М. А. Кувшинов // Молодой ученый. 2011. № 7. Т.1. С. 86–91.
4. *Подпругин М.О.* Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы / М.О. Подпругин // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. №24. С. 214–221.
5. *Цвикилевич А.В.* Совершенствование управления развитием муниципального образования / А. В. Цвикилевич. М: Академия естествознания, 2006.
6. *Ускова Т.В.* Моногород: управление развитием / Т.В. Ускова, А.Н. Нестеров, Л.Г. Иогман, Н.Ю. Литвинова, С.Н. Ткачук. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.
7. *Зайнутдинов Р.Р.* Антикризисное развитие моноотраслевых регионов России: монография / Р.Р. Зайнутдинов. М.: Мир науки, 2015.
8. *Тургель И.Д.* Моноспециализированный город: теория и практика стратегического управления социально-экономическим развитием / И.Д. Тургель. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2001.
9. *Аниммица Е.Г.* Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Аниммица, В.С. Бочко, Э.В. Пешина / Под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010.
10. *Кузнецова О.В.* Особенности и проблемы федеральной поддержки моногородов / О. В. Кузнецова // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 3. С. 53–63.
11. *Крысин Н.И.* Управление развитием монопрофильного города: проблемы, опыт, тенденции (социологический аспект): автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Н. И. Крысин. Тюменский гос. нефтегазовый ун-т. Тюмень, 2001.
12. *Коновалова Т.А.* Монопромышленные города стратегического значения: типы и особенности функционирования / Т. А. Коновалова // Регионоведение. 2013. № 3. С. 234–239.
13. *Безродная Н.И.* Закономерности и проблемы функционирования и развития экономики региона: теоретический и прикладной аспекты исследования / Н.И. Безродная / Под науч. ред. проф. С.Ю. Авакова. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2004. .
14. *Розенберг Г.С.* Мифы и реальность «устойчивого развития» [Текст] / Г.С. Розенберг, С.А. Черникова, Г.П. Краснощеков, Ю.М. Крылов, Д.Б. Гелашвили // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 130–154.
15. *Никишина Ю.Н.* Методика оценки пороговых значений индикаторов риска предприятий / Ю.Н. Никишина // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии: Труды 3-й международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001.
16. *Окрепилов В.В.* Исследование проблемы формирования системы показателей оценки уровня устойчивого развития территорий / В.В. Окрепилов // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития Всероссийского научного семинара. 2014. С. 14–20.
17. *Сущность механизма управления* infomanagement.ru/lekciya/Sushchnost_mekhanizma_upravleniya.
18. *Макаров О.Н., Бовкун В.И.* // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2005. № 4 (26). С. 53–65.
19. *Шедько Ю.Н.* Совокупность механизмов управления устойчивым развитием регионов / Ю.Н. Шедько // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 8 (44). С. 92–97.
20. *Локтев А.В.* Устойчивое развитие экономики региона: основные условия и механизмы обеспечения / А.В. Локтев, В.И. Меньщикова // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 115–122.

ABOUT THE AUTHOR

Irina Sergeevna Borisova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics of the Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Institute of Economics", Moscow, Russia. gotika00@mail

ON THE ISSUE ABOUT THE MODEL OF MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION'S ECONOMY WITH THE PREDOMINANCE OF A SEPARATE TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY

In the article, the features of management of steady development of the region's economy, in which any separate kind of economic activity prevails, are considered. A methodology for identifying this situation in a specific region was developed and a system-structural model of the administrative management of socio-economic relations in the economy of such regions, was constructed. The calculations of the sustainability index of development of the Lipetsk region and the prevailing type of economic activity for the years 2013 and 2015, were carried out. The administrative barriers to doing business in the economy of the Lipetsk region during the period from 2012 through 2015, were revealed. The gap between the specific volumes of investments, by kinds of economic activity in the Lipetsk region, was analyzed. The scheme of the mechanism for managing the sustainable development of the region's economy with the predominance of a separate type of economic activity was proposed.

Key words: regional economy, prevailing type of economic activity, management of sustainable development, management model.

Jel: R13, R38, R58.

А.И. АРХИПОВдоктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЭ РАН**Л.А. КОРМИШКИНА**доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической
экономики и экономической безопасности Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарева**Л.П. КОРОЛЕВА**кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики
и экономической безопасности Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева**ОЦЕНКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ¹**

В статье анализируется динамика показателей природоохранных расходов и инвестиций, в том числе в сфере обращения с отходами за период 2000–2016 гг., который показал существенное отставание их объема от темпов экономического роста в России. Выявлена тенденция сокращения объема бюджетного финансирования экологических инвестиций при растущем доминировании в структуре источников собственных средств субъектов хозяйствования (88%). Построены регрессионные модели ресурсного потенциала экологических инвестиций, отражающие их зависимость от объема бюджетных и собственных средств, направленных на инвестиции в основной капитал. Предложено два основных направления развития ресурсного потенциала экологических инвестиций: совершенствование экологических налогов и сборов, а также расширение практики применения государственно-частной формы финансирования «зеленых» проектов.

Ключевые слова: экологические инвестиции, ресурсный потенциал, источники финансирования, циркулярная экономика, рециклинг отходов, экологические налоги, государственно-частное партнерство.

JEL: O44, E22, G31, H23.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-02-00394-ОГН «Развитие теории и методологии исследования рециклинга как особого фактора экономического роста в неоиндустриальной экономике».

В последние десятилетия научное сообщество уделяет пристальное внимание проблемам экологической макроэкономики, в рамках которой происходит существенная модификация источников и факторов роста экономики. Все большее число ученых во всем мире осознает необходимость разрешения противоречия между объективной потребностью в наращивании экономического потенциала, обеспечивающего удовлетворение возрастающих материальных потребностей, и чрезмерным увеличением хозяйственной нагрузки на природные комплексы, которое сопровождается, с одной стороны, сокращением невозпроизводимых природных ресурсов, а с другой – загрязнением окружающей среды и ухудшением экологической обстановки [1; 2].

Дискуссия по поводу взаимосвязи между темпами экономического роста и состоянием окружающей среды имеет долгую историю. Многие зарубежные ученые признают существование проблемы «пределов роста» по причине ограниченности природных ресурсов [3; 4; 5; 6] и обосновывают необходимость увеличения экологических инвестиций при росте ВВП. При этом предлагаются разные пропорции данной зависимости. Так, исходя из исследования, проведенного по 35 развитым и развивающимся странам, был сделан вывод, что именно «зеленые инвестиции», обеспечиваемые надежной финансовой системой с низкими процентными ставками при высоких ценах на топливо, стали ключевым фактором развития энергетического сектора и стимулирования экономического роста. Установлено, что прирост ВВП на 1% должен вызвать прирост инвестиций на 4% [7]. Оценка по данным 20 регионов мира в течение 1972–2006 гг. показала, что ускоренная декарбонизация экономики возможна при объеме дополнительных «экологических» инвестиций в размере около 0,7% ВВП, при условии применения прочих, традиционных для развитых стран инструментов экологической политики [8].

В условиях, когда экологический аспект жизнедеятельности, связанный с отношением общества к природе, приобрел императивное значение, требуется новый концептуальный подход к экономическому развитию. Такому требованию, на наш взгляд, отвечает неоиндустриальная парадигма современного развития, разработанная российской экономической школой, основанная на фундаментальных законах природы и общества и интегрирующая достижения не только гуманитарных, но и естественных наук [9].

С позиций неоиндустриальной парадигмы рост ВВП в современной России, обусловленный инфляцией нефтедолларов и сырьевой направленностью нашей экономики, ведет к истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды и разрушает единство биологической и экономической систем, добывающих и обрабатывающих секторов промышленности, краткосрочных и долгосрочных государственных интересов, накопления и потребления. В означен-

ном качестве положительная динамика ВВП прямо указывает на рост экономики без ее развития, усиливая проявления так называемых геосферных пределов роста, и в конечном итоге формирует системную отсталость национальной экономики [10].

Для долгосрочного устойчивого экономического развития необходим переход к экологическому типу воспроизводства и циркулярной экономике, что требует повышения удельного веса экологических инвестиций в общем объеме инвестиций инновационного типа. Приоритетными направлениями таких инвестиций являются:

1) повышение эффективности использования ресурсов, что приводит к их экономии (например, эффективное использование энергии, сокращение отходов, их переработка);

2) замена традиционных технологий чистыми или низкоуглеродными технологиями (например, возобновляемые источники энергии);

3) формирование самостоятельного сегмента рынка инновационных технологий в сфере промышленного воспроизводства сырья по широкому спектру направлений.

Высокая роль экологических инвестиций в формировании циркулярной экономики требует развития механизмов их финансирования. В зарубежной теории и практике новым инструментам «зеленого финансирования» уделяется много внимания [11]. В достижении поставленных целей по декарбонизации экономики мировым сообществом признается высокая роль государственно-частного партнерства и бюджетных инвестиций. В ЕС было выделено 308 млн евро в структурные фонды на 2007–2013 гг., предназначенные для финансирования проектов по возобновляемым источникам энергии [12]. Функционируют внебюджетные фонды, созданные для финансирования экологических проектов [13; 14]. В ряде исследований подчеркивается важность собственных средств субъектов хозяйствования в финансировании экологических инвестиций. Так, по данным группы крупнейших производителей ветряных турбин, доказано, что основным фактором, поддерживающим инвестиции в исследования ветроэнергетики и продажи ветряных турбин, является корпоративный долг, тогда как другие источники финансирования (государственная поддержка и стимулы для производства энергии ветра) играют ограниченную роль [15].

В связи с этим для становления экологического типа воспроизводства и перехода на принципы циркулярной экономики в России на передний план выходят именно вопросы наращивания ресурсного потенциала экологических инвестиций, формирования оптимального соотношения между различными источниками их финансирования (собственными, привлеченными, кредитными, бюджетными) путем применения наилучших и апробированных в развитых странах

финансовых технологий, а также фискальных инструментов экологической политики.

Цель данного исследования – обосновать необходимость наращивания ресурсного потенциала экологических инвестиций, как ключевого фактора формирования экологического типа воспроизводства, и определить их ключевые направления.

Оценка влияния различных факторов на объем экологических инвестиций проведена с использованием корреляционно-регрессионного анализа.

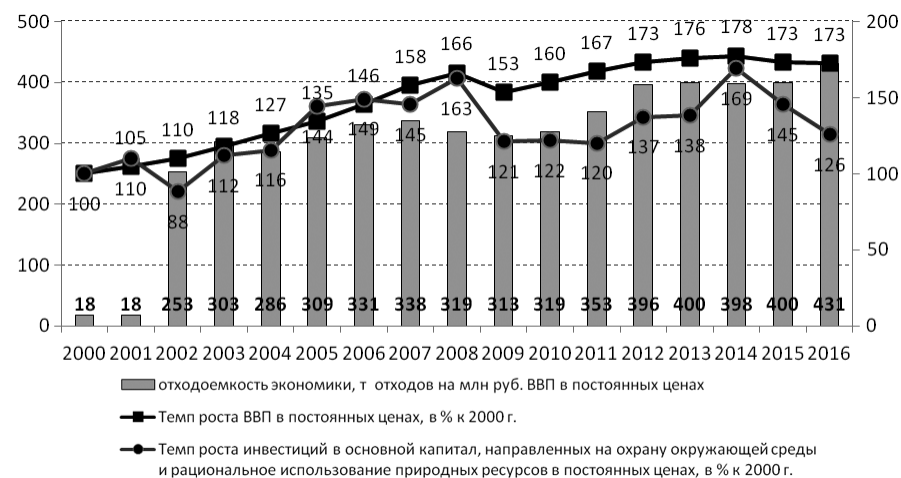
Роль экологических инвестиций в решении проблемы «пределов» экономического роста в России в 2000–2016 гг.

Для достижения поставленных задач в исследовании использованы показатели, характеризующие природоохранные расходы и инвестиции всех институциональных единиц в сфере охраны окружающей среды, в том числе от загрязнения отходами производства и потребления, а также показатели рационального использования природных ресурсов.

Сопоставление темпов роста ВВП и инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, позволит оценить достаточность капиталовложений для нейтрализации растущего техногенного воздействия на природную среду (см. рис. 1)².

Как видно из данных рис. 1, с 2000 г., взятого за базу отсчета, ВВП (в постоянных ценах) увеличился в 1,7 раза, в то время как инвестиции в основной капитал, связанные с защитой окружающей среды и с рациональным использованием природных ресурсов, всего в 1,3 раза. С 2009 г. очевидна тенденция отставания темпов накопления капиталовложений от темпов экономического роста. Существенное реформирование законодательства об охране окружающей среды в 2014 г. привело к некоторому повышению объема природоохранных инвестиций, но кризис 2014–2015 гг. практически нивелировал достигнутый рост. И по итогам 2016 г. объем капиталовложений в основной капитал в сфере охраны окружающей среды в реальном наполнении всего на 0,26% превысил объем 2000 г. Учитывая высокую степень износа основных фондов (по данным за 2016 г., – 48,1%), такой прирост не может обеспечить нейтрализацию растущего техногенного воздействия на природную среду.

² Переоценка показателей ВВП и инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в постоянные цены (2000 г.), проведена методом экстраполяции показателей базисного периода с помощью индексов физического объема (в % к предыдущему году).

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Рис. 1. Динамика показателей отходоёмкости, базисных темпов роста ВВП и инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

В качестве ключевого индикатора результативности действующей системы управления отходами исследован показатель отходоёмкости ВВП. В фактических ценах он снижается по причине существенно более высокого темпа инфляционного роста ВВП по сравнению с темпами роста отходов. Однако при исчислении отходоёмкости с использованием ВВП, в постоянных ценах 2000 г., в течение всего анализируемого периода величина показателя поступательно увеличивается с 253 т отходов на млн руб. ВВП в 2002 г. до 431 т отходов на млн руб. ВВП в 2016 г. (см. рис. 1). Низкие значения отходоёмкости в 2000–2001 гг. объясняются наличием за этот период статистических данных по образованию только особо опасных отходов. Таким образом, увеличение техногенного давления на окружающую среду в результате роста ВВП не компенсируется инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, и сопровождается ростом отходоёмкости экономики.

При этом доля инвестиций в основной капитал, направленных на защиту окружающей среды от загрязнения отходами,³ в общей величине природоохранных инвестиций в последние годы сокращается.

³ Справочно: включают инвестиции на строительство установок (производств) для утилизации и переработки отходов производства, предприятий и полигонов по утилизации, обезвреживанию и захоронению токсичных промышленных, бытовых и иных отходов.

Так, в 2014 г. она составляла 10 %, в 2015 г. 8%, а в 2016 г. всего 6%. Даже абсолютный рост данных инвестиций в фактических ценах за анализируемый период не сопоставим с динамикой отходоёмкости экономики (см. рис. 2)⁴.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Рис. 2. Динамика инвестиций и расходов на охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления, в фактических ценах

Как следует из данных рис. 2, динамика абсолютных значений показателей природоохранных расходов в сфере обращения с отходами, в фактических ценах, начиная с 2000 г. демонстрирует поступательный рост, который обусловлен, прежде всего, увеличением текущих затрат на обращение с отходами, практически повторяющими конфигурацию кривой общих затрат. Текущие расходы на обращение 1 т отходов (показатель отложен по вспомогательной оси) увеличились с 5,29 руб. на 1 т в 2003 г. до 11,69 руб. в 2016 г., то есть в 2,2 раза. Общая же величина текущих затрат выросла примерно в 8 раз. При этом инвестиции в основной капитал, в фактических ценах, за анализируемый период выросли всего в 5,7 раз.

Кривая инвестиций на рис. 2 имеет ступенчатую форму. Отчетливо просматриваются два периода, в течение которых величина инвестиций в среднем колебалась на одном уровне: во-первых, с 2000 г. по 2006 г. – с 2 000 до 3 000 млн руб., а также с 2008 г. по 2014 г. – с 7 000 до 8 000 млн руб.

Рост величины инвестиций в основные средства, предназначенные для защиты окружающей среды от отходов производства и потре-

⁴ Оценить в постоянных ценах показатели, приведенные на рис. 2, не представляется возможным по причине отсутствия в статистике индексов физического объема.

бления, зафиксирован только в 2015 г. – на 5 048 млн руб. Можно предположить, что это была реакция на введенные с 1 января 2014 г. изменения в Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее Закон об отходах производства и потребления), предусматривающие территориальные схемы, региональные программы в области обращения с отходами, инвестиционные программы операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами, экологический сбор и ряд других новаций, директивно вынуждающие или фискально стимулирующие субъектов системы обращения с отходами к введению новых мощностей по их утилизации.

Однако показатели в фактических ценах в условиях инфляции недостаточно достоверно отражают реальный размер расходов. Более сопоставимые данные о динамике объема природоохранных расходов демонстрирует индекс их физического объема, расчет которого Федеральная служба статистики России проводит только начиная с 2013 г. Так, индекс физического объема по расходам на обращение с отходами сокращается: в 2013 г. – 119,98%, в 2014 г. – 111,7%, в 2015 г. – 97,56%, в 2016 г. – всего 90,1%.

Таким образом, рост инвестиций в охрану окружающей среды от загрязнения отходами, в фактических ценах, за анализируемый период был обусловлен высоким уровнем инфляции, особенно в 2005 г. и 2014 г. (соответственно 13,28 и 12,91%), а также переходом к иному масштабу цен, а не реальным приращением физического объема инвестиций. В реальном измерении расходы на обращение с отходами всех институциональных единиц экономики, в том числе инвестиции в основной капитал, судя по индексу физического объема, сокращаются с 2015 г. до настоящего времени.

Подтверждает данный вывод и динамика ввода в действие отдельных объектов по переработке и упорядоченному размещению отходов производства и потребления, приводимая Министерством природных ресурсов и экологии. Так, в 2014 г. было введено в действие 28 установок по утилизации и переработке отходов производства с мощностью 2 123 тыс. т в год и 40 предприятий и полигонов по утилизации, обезвреживанию и захоронению токсичных отходов, а в 2015 г. – всего 25 установок с мощностью 499 тыс. т в год и 21 полигон.

Таким образом, сфера обращения с отходами в России развивается по инерционному сценарию, ориентированному на развитие экологически чистой инфраструктуры захоронения. Нам представляется наиболее эффективным сценарий ускоренного развития индустрии рециклинга, требующий существенного расширения инвестиционных программ, финансируемых как из государственного бюджета, так и за счет частных средств.

Моделирование ресурсного потенциала экологических инвестиций в России

Ресурсный потенциал инвестиционной деятельности зависит от динамики основных источников ее финансирования. Экологические инвестиции, направленные, как правило, не на получение прибыли, а на погашение отрицательных экстерналий от хозяйственной деятельности экономических субъектов, довольно редко в России финансируются за счет кредитных ресурсов. Немаловажную роль в повышении их объема играют бюджетные средства, направляемые как в форме бюджетных расходов на реализацию государственных программ по защите окружающей среды, так и в виде бюджетных инвестиций в рамках государственно-частного партнерства при реализации крупных инфраструктурных проектов (см. табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют о тенденции сокращения объема бюджетного финансирования экологических инвестиций при растущем доминировании собственных средств предприятий в структуре источников. Доля собственных средств в финансировании инвестиций увеличилась за анализируемый период до 88%. Доля бюджетных средств, достигавшая в 2007 г. своего максимального значения – 34,2%, напротив, сократилась до 9,1%. К другим источникам отнесены привлеченные средства, а также средства экологических фондов, выделяемые в том числе из федерального, региональных и местных бюджетов. Однако их роль в финансировании инвестиций мизерна: в 2000 г. – 3,5%, в 2005 г. – 1,2%, в 2006 г. – 1,1%, 2008 г. – 0,2%, в 2010 г. – 0,3%, в 2012 г. – 0,04%, в 2014 г. – 0,002%.

Для оценки степени влияния на объем экологических инвестиций в Российской Федерации основных источников его формирования, которые в силу своей экономической природы определяют его величину и динамику, использован корреляционно-регрессионный анализ. Объем инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, выбран в качестве результативного признака (Y). В качестве факторных признаков (X), оказывающих влияние на динамику исследуемого показателя, были рассмотрены пять показателей, отражающих величину ресурсного потенциала инвестиционной деятельности на макроуровне:

- доходы консолидированного бюджета;
- валовая прибыль в экономике, включая валовые смешанные доходы;
- сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток);
- сумма начисленной за год амортизации;
- кредиты, депозиты и прочие размещенные средства, предоставленные организациям, физическим лицам и кредитным организациям, включая кредиты, предоставленные иностранным государствам.

Таблица 1
Динамика показателей структуры инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в разрезе источников финансирования, в фактически действовавших ценах 2000–2015 гг., %

Показатель	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инвестиции всего, %, в т. ч. за счет средств	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Федерального бюджета	3,8	7,8	10,4	14,0	8,6	11,2	12,1	13,0	13,1	10,5	11,5	4,2
бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	17,7	15,0	18,2	20,2	20,7	12,0	14,6	13,3	9,7	6,3	4,1	4,9
всего бюджетных инвестиций	21,5	22,8	28,6	34,2	29,3	23,2	26,7	26,3	22,8	16,8	15,6	9,1
собственных средств предприятий	74,3	75,9	70,0	63,6	68,0	75,5	72,5	72,0	69,4	78,7	83,4	88,0
Других источников	3,5	1,4	1,4	2,1	2,7	1,3	0,8	1,6	7,8	4,4	1	2,8

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Кроме того, объем «зеленых» инвестиций зависит не только от динамики макроэкономических показателей, отражающих источники их финансирования, но и от готовности государства и субъектов хозяйствования инвестировать в основные средства, то есть от объема ресурсов, направляемых в реальные инвестиции. В связи с этим для оценки ресурсного потенциала «зеленых» инвестиций привлечены также три показателя источников инвестиций в основной капитал:

- бюджетные инвестиции;
- собственные средства;
- кредитные и заемные средства.

Корреляционно-регрессионный анализ влияния данных показателей на объем экологических инвестиций выявил существование между ними мультиколлинеарной зависимости, что не позволило построить многофакторную модель ресурсного потенциала. Были построены однофакторные модели, отражающие влияние каждого из показателей на объем экологических инвестиций. Рассчитанные коэффициенты корреляции по всем анализируемым показателям положительны, то есть все они в большей или меньшей степени оказывают прямое влияние на объем экологических инвестиций. При этом наибольшее влияние оказывают показатели бюджетных инвестиций в основной капитал и собственных средств, направленных на инвестиции в основной капитал. Они и были отобраны для моделирования ресурсного потенциала экологических инвестиций.

Исходные данные для регрессионного анализа данных показателей на величину инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, представлены в табл. 2.

Между результативным и факторными признаками существует линейная взаимосвязь, что позволяет оценить тесноту связи между ними с использованием линейного коэффициента корреляции (0,707 для признаков Y и X_1 и 0,633 для признаков Y и X_2) (см. табл. 3).

Для получения правильной картины связи, не искаженной автокорреляцией, была исключена основная тенденция из уровней. Полученные значимые коэффициенты корреляции на остатках от трендов (0,613 – для признаков Y и X_1 и 0,657 – для признаков Y и X_2) говорят о том, что между исходными рядами данных существует линейная зависимость, не искаженная автокорреляцией.

В результате проведенного регрессионного анализа получены однофакторные уравнения регрессии, имеющие следующий вид:

$$\hat{Y}_t = 10077,75 + 0,04 * X_{1t} \quad (1)$$

$$\hat{Y}_t = 12400,13 + 0,01 * X_{2t} \quad (2)$$

Таблица 2

Исходные данные для построения модели ресурсного потенциала «экологических» инвестиций в постоянных ценах, млн руб.

Год	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (Y)	Бюджетные инвестиции в основной капитал (X1)	Собственные средства, направленные на инвестиции в основной капитал (X2)
2000	16934	214119	379439
2001	19390	215292	462036
2002	15030	192675	389334
2003	18712	197922	436065
2004	16888	172278	418760
2005	21258	218887	465853
2006	22359	258740	525824
2007	20157	300542	551900
2008	28865	402685	746676
2009	20283	331883	555483
2010	18911	279308	576277
2011	18128	310814	670728
2012	21005	314724	770428
2013	21520	337941	790863
2014	26050	293170	778749
2015	22525	289369	782202
2016	19297	260136	792745

* Переоценка показателей в постоянные цены (1999 г.) проведена методом дефлятирования с помощью индекса цен производителей промышленных товаров.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Проверка остатков полученных моделей свидетельствует об отсутствии автокорреляции в них (фактические значения DW выше $dU = 1,38$ при 5% уровне значимости).

Множественный коэффициент корреляции характеризует тесноту линейной связи между результативным и факторным признаками. По шкале Чеддока высокая статистическая зависимость прослеживается между инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, и бюджетными инвестициями (71%). Статистическая взаимосвязь природоохранных инвестиций с общим объемом инвестированных в основной капитал собственных средств является заметной

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа влияния переменных X1 и X2 на инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

Показатели	Бюджетные инвестиции в основной капитал (X1)	Собственные средства, направленные на инвестиции в основной капитал (X2)
Критерий Дарбина-Уотсона (DW)	1,96	1,61
Множественный коэффициент корреляции R	0,707	0,633
Коэффициент детерминации	0,50	0,40
Стандартная ошибка	2447,51	2682,84
Значение t-критерия Стьюдента	3,68	4,73
Значение f-критерия Фишера	15,04	10,001
Уровень значимости p-значение	0,001	0,006
Коэффициент эластичности Y по X	1,02	0,56

Источник: расчеты авторов.

(63%). Значения коэффициента детерминации, показывающего, какая часть общей вариации зависимой переменной определяется фактором, включенным в статистическую модель, свидетельствует о приемлемости полученных моделей (в частности, 50% для X1 и 40% для X2). Полученные регрессионные коэффициенты по всем однофакторным моделям следует признать значимыми, так как вероятность принятия обратной гипотезы для них (p-значение) существенно меньше 0,05.

При этом наилучшие значения всех показателей регрессии продемонстрировало уравнение (1), устанавливающее зависимость между объемом «зеленых» инвестиций и бюджетными инвестициями в основной капитал. Согласно полученной модели (уравнение 1), в условиях действующей институциональной среды рост бюджетных инвестиций в основной капитал на 1 млрд руб. приводит к росту инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на 40 млн руб., что, однако, нельзя интерпретировать как существенный эффект.

Экологические инвестиции, направленные на компенсацию ущерба окружающей среде и рациональное использование природ-

ных ресурсов, в условиях действующей в России институциональной среды малопривлекательны для субъектов хозяйствования, о чем свидетельствует их малая доля в общем объеме инвестиций в основной капитал. В связи с этим задача государственного регулирования сводится к созданию условий хозяйствования, при которых бизнесу будет выгодно инвестировать в сокращение своего экологического следа, предотвращение, утилизацию и глубокую переработку отходов, использование вторичных материальных и энергетических ресурсов. Немаловажное значение при этом имеют как административные регламенты и запреты, предусматривающие в ряде ситуаций единственно возможное поведение (например, запрет на захоронение некоторых видов отходов), так и стимулы для социально ответственного поведения субъектов хозяйствования по отношению к окружающей среде.

Учитывая высокую долю собственных средств в финансировании инвестиций в охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в России, их величина играет ключевую роль в принятии решений бизнеса относительно объема экологических инвестиций. Следовательно, стимулы, позволяющие расширить данный источник финансирования, будут привлекательными для субъектов хозяйствования. Этот вывод подтверждается результатами проведенного корреляционно-регрессионного анализа. Модель, представленная в виде уравнения (2), может быть использована для оценки реального эффекта (не зависящего от уровня инфляции) от государственных инструментов, позволяющих высвободить субъектам хозяйствования собственные средства при условии их направления на природоохранные инвестиции. К таковым можно отнести, прежде всего, фискальные преференции и льготы. Так, в России действуют: инвестиционный налоговый кредит; освобождение от налога на имущество организаций при использовании энергоэффективного оборудования; вычеты расходов на внедрение наилучших доступных технологий из суммы платы за негативное воздействие на окружающую среду, вплоть до освобождения от данного платежа субъектов, осуществляющих свою деятельность на объектах, отнесенных к группе с минимальным негативным воздействием.

Согласно полученной модели (уравнение 2), в условиях действующей институциональной среды рост объема собственных средств, направленных на инвестиции в основной капитал, на 1 млрд руб. приводит к росту инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, всего на 10 млн руб. По нашему мнению, столь незначительный прирост природоохранных инвестиций в ответ на увеличение объема собственных средств, инвестированных в основной капитал,

объясняется остаточным принципом финансирования природоохранных мероприятий. Высокая степень износа основного производственного оборудования обуславливает первоочередность вложений собственных средств в активную часть основных производственных фондов и только после этого – в природоохранные мощности.

Таким образом, построенные зависимости продемонстрировали низкую эластичность экологических инвестиций от величины анализируемых факторов (источников финансирования). Причем коэффициент эластичности природоохранных инвестиций по общему объему бюджетных инвестиций в основной капитал равен 1 (так называемая единичная эластичность), а по общему объему собственных средств, инвестированных в основной капитал, составил всего 0,56 (не эластичен).

Это доказывает как незаинтересованность субъектов хозяйствования в осуществлении инвестиций в защиту окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, так и неэффективность действующей в России системы экологического регулирования. Полученные модели ресурсного потенциала экологических инвестиций, по нашему мнению, свидетельствуют о невозможности в условиях действующей институциональной среды обеспечить объем финансирования, требуемый для формирования в России циркулярной экономики в среднесрочной перспективе.

Основные направления развития ресурсного потенциала экологических инвестиций в контексте проблемы «пределов» экономического роста

Проведенный анализ показал необходимость наращивания ресурсного потенциала инвестиций в основные средства, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Выявленная тенденция перекалывания ответственности с государства на бизнес, проявляющаяся в доминировании собственных средств в источниках финансирования природоохранных инвестиций, не позволяет обеспечить необходимый прирост для покрытия отрицательных экстерналий и решить проблему «пределов» экономического роста. В этой связи нам представляется необходимым выделить два основных направления развития ресурсного потенциала мерами государственной фискальной политики:

- совершенствование экологических налогов и сборов, направленных на компенсацию экологического ущерба, и налоговых преференций, стимулирующих налогоплательщиков к экологизации своего бизнеса.

- формирование внебюджетного экологического фонда за счет средств налогов на природопользование и экологических платежей в интересах расширения государственно-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды.

Данные предложения более детально рассматриваются в ряде других публикаций авторов статьи [16; 17; 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Медоуз Д. Интервью журналу «SmithsonianMuseums» (16 марта 2012 г.). 2012. www.smithsoni-anmag.com/science.nature/ls.it.T00-Lafe-for-Sustainabl-Development.html.
2. Джексон Т. Процветание без роста. Экономика для планеты с ограниченными ресурсами / Пер. с англ. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 304 с.
3. Harris J.M. and Neva R. Goodwin (2003). Reconciling Growth and Environment. Chapter 11 in Harris, Jonathan M., and Neva R. Goodwin (eds), *New Thinking in Macroeconomics*, Cheltenham, U.K. and Northampton, MA: Edward Elgar.
4. Daly H.E. *Beyond Growth: The Economic of Sustainable Development*. Boston: Beacon Press, 1996.
5. Harris J. 08-02 “Ecological Macroeconomics: Consumption, Investment, and Climate Change” // GDAE Working Papers. GDAE, Tufts University, 2008. P. 22.
6. Jouvet P.-A., de Perthuis Ch. Green growth: From intention to implementation // *International Economics*. 2013. Vol. 134. P. 29–55. doi.org/10.1016/j.inteco.2013.05.003.
7. Eyraud L., Clements B., Wan A. Green investment: Trends and determinants // *Energy Policy*. 2013. 60. P. 852–865. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.039.
8. Barke T., Anger A., Chewprecha U., Pollitt H. A new economics approach to modelling policies to achieve global 2020 targets for climate stabilization (2012) // *International Review of Applied Economics*. 2012. 26(2). P. 205–221. DOI: 10.1080/02692171.2011.631901.
9. Шафранов А. Экономический рост и эффективность производства // *Экономист*. 2015. № 7. С. 80–87.
10. Губанов С. Новая индустриализация и сектор рециклинга // *Экономист*. 2014. № 12. С. 3–11.
11. Wang Y., Zhi Q. The Role of Green Finance in Environmental Protection: Two Aspects of Market Mechanism and Policies // *Energy Procedia*, 2016. Vol. 104. P. 311–316. doi.org/10.1016/j.egypro.2016.12.053.
12. Dauria, M. Public finance and renewable energy (2009) *Rivista Giuridica dell’Ambiente*, 24 (6). P. 879–888.
13. Lianbiao Cui, Yuran Huang. Exploring the Schemes for Green Climate Fund Financing: International Lessons // *World Development*. Vol. 101. January 2018. P. 173–187.
14. Antimiani A., Costantini V., Markandya A., Paglialunga E., Sforma G. The Green Climate Fund as an effective compensatory mechanism in global climate negotiations // *Environmental Science & Policy*. 77. 2017. Vol. P. 49–68. doi.org/10.1016/j.envsci.2017.07.015.
15. Corsatea T.D., Giaccaria S., Arántegu, R.L. The role of sources of finance on the development of wind technology // *Renewable Energy*, 2014. 66. P. 140–149. DOI: 10.1016/j.renene.2013.11.063.

16. Kormishkina L.A., Koroleva L.P. Economic Stimulation of agro-food Waste Recycling in the neo-industrial Economy // *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2016. Т. 59. № 11. С. 165–174.
17. Koroleva L.P. Tax Incentives for Energy Efficient Investments in the Context of neo-industrial Paradigm in Russia // *European Research Studies Journal*. 2016. Т. 19. № 3. С. 250–272.
18. Королева Л.П. Инвестиции в основной капитал как фактор развития организованного рециклинга // *ЭКО*. 2017. № 6 (516). С. 149–163.

ABOUT THE AUTHORS

Anatoly Ivanovich Arkhipov – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

Ludmila Aleksandrovna Kormishkina – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department of Theoretical Economics and Economic Security of N.P. Ogarev Mordovia State University Republic of Mordovia, Russia

Ludmila Pavlovna Koroleva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security of the N.P. Ogarev Mordovia State University, Republic of Mordovia, Russia. korol.l@mail.ru

ASSESSMENT OF THE RESOURCE POTENTIAL OF ENVIRONMENTAL INVESTMENTS

The article analyzes the dynamics of indicators of environmental expenditures and investments, including in the sphere of waste management for the period from 2000 through 2016, which showed a significant lag in their volume from the rate of economic growth in Russia. A tendency was found to reduce the volume of budgetary financing for environmental investments with a growing dominance in the structure of the sources of own funds of economic entities (88%). Regression models of the resource potential of environmental investments were constructed, reflecting their dependence on the volume of budgetary and own funds, aimed at investing in fixed assets. Two main directions of development of the resource potential of environmental investments were proposed: improvement of environmental taxes and fees, as well as expansion of the practice of applying the public-private form of financing green projects.

Key words: *environmental investments, resource potential, sources of financing, circular economy, waste recycling, environmental taxes, public-private partnership.*

JEL: O44, E22, G31, H23.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Е.Б. НЕГУНАЕВ

аспирант кафедры финансов и кредита экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВЫМ ПУЗЫРЯМ

В статье приведены результаты эконометрического анализа условий и детерминант пузырей на фондовом рынке развивающихся стран (на примере российского фондового рынка). В основу анализа легла адаптированная автором модель Хекмана, позволяющая выявлять факторы, влияющие на вероятность возникновения и размер фондовых пузырей. Доказано, что регулирование процентных ставок имеет ограниченный потенциал для предотвращения фондовых пузырей. Жесткая денежно-кредитная политика, ведущая к снижению объемов кредитования, может более эффективно препятствовать формированию пузырей на фондовом рынке.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, фондовый пузырь, устойчивость фондового рынка.

JEL: E44, E52, G23, G28.

Введение

Пузыри на фондовых рынках являются одним из сложнейших явлений, наносящих вред фондовым рынкам и экономике в целом. Первое упоминание о пузырях на фондовом рынке (или фондовые пузыри) можно встретить уже в XVIII в. Однако наиболее известные фондовые пузыри стали характерными для XX в.

Пузырь на фондовом рынке представляет собой значительное превышение фактической цены акции над ее фундаментальной стоимостью, возникшее в результате ошибок инвесторов (этот феномен нашел отражение в работах Кинделбергера (Kindelberger), а также множества других авторов). Такое превышение не может быть устойчивым: обнаружив перегрев рынка, инвесторы начинают избавляться

от переоцененных акций. В результате фондовые пузыри завершаются значительным падением котировок, провоцируя нестабильность на фондовом рынке, в ряде случаев выливающуюся в общеэкономические кризисы. Кроме прямых потерь инвесторов финансовые пузыри ставят под удар финансовые институты, затрудняют привлечение инвестиций для компаний реального сектора и разрушают доверие между участниками фондового рынка.

Роль денежно-кредитной политики в управлении фондовыми пузырями

Негативные макроэкономические последствия обусловили активный поиск методов предотвращения пузырей. Наиболее популярными инструментами управления рисками появления фондовых пузырей являются меры денежно-кредитной политики (ДКП), прежде всего управление процентными ставками. Для этого имеется несколько причин.

Во-первых, довольно большое количество исследований связывает пузыри на фондовых рынках (как и другие пузыри, например, на рынке недвижимости) с кредитной экспансией. Одной из первых работ, доказывающих данную взаимосвязь, является монография Кинледбергера, изданная в 1978 г. В ней автор показывает, что финансовые пузыри являются результатом стимулирующей ДКП и положительных экономических шоков (появление новых технологий, открытие новых рынков, изменение законодательства и т. п.), положительно влияющих на фундаментальную стоимость компаний [13]. Важная роль стимулирующей ДКП была подтверждена и в эмпирическом исследовании Барона и Ксионга [6]. На основе регрессионного анализа данных по 20 развитым странам за 1920–2012 гг. авторы пришли к выводу, что резкому росту котировок, предшествующему масштабному обвалу на рынке акций, обычно сопутствует кредитная экспансия. Работа Дэткена и Сметса, основанная на данных стран ОЭСР, показала, что в период формирования фондовых пузырей темпы роста кредитов и денежной массы значительно выше, чем в другие периоды [9, pp. 14–15].

Во-вторых, существует значительное количество исследований, доказывающих возможность управляемого схлопывания фондовых пузырей с помощью инструментов ДКП, прежде всего за счет управления процентными ставками, например, в рамках модели рациональных пузырей (см., например: Бланшар [7]).

В то же время существуют работы, которые ставят под сомнение эффективность применения мер ДКП (в первую очередь регулирования процентных ставок) для предупреждения фондовых пузырей. В частности, Гали и Гамбетти [11] показали, что увеличение процентных ставок приведет к падению фундаментальной стоимости акций,

но не повлияет на спекулятивную составляющую в их цене. На ограничения эффективности монетарной политики как инструмента сдерживания и уничтожения фондовых пузырей указывалось и в работе Е.В. Чирковой [4]: данные меры негативно влияли на реальный сектор экономики и при этом в ряде случаев оказывались неспособными воздействовать на развитие фондового пузыря.

В случае с развивающимися странами (в т. ч. Россией) меры ДКП могут оказаться недостаточно эффективными в качестве инструмента противодействия фондовому пузырю из-за активности на их фондовых рынках иностранных инвесторов, действия которых могут провоцировать возникновение так называемых «заразных пузырей», т. е. фондовых пузырей, вызванных событиями на финансовых рынках других стран [8; 18]. Глобализация и растущая взаимосвязь финансовых рынков разных стран способствуют коинтеграции фондовых рынков (см., например: [16]), затрагивающей в том числе развивающиеся рынки [3] и выражающейся в однонаправленном движении фондовых индексов разных стран. Рост котировок акций, например, в США положительно влияет на котировки в развивающихся странах, провоцируя рост спроса на акции развивающихся стран у международных инвесторов. Возникающий в результате рост ликвидности на вторичном рынке акций приводит к росту котировок. Устойчивый рост цен может способствовать повышению оптимизма инвесторов-резидентов, увеличивая риски возникновения фондового пузыря.

Необходимо отметить, что в приведенных ранее исследованиях ДКП, как и другие факторы, рассматривалась или как причина формирования фондового пузыря (например, в [6]), или как переменная, влияющая на размер фондового пузыря (например, в [11]). Однако сосредоточение на отдельных этапах жизненного цикла пузыря, как представляется, сужает видение перспектив ДКП в качестве инструмента противодействия пузырям. Поэтому мы провели комплексный факторный анализ, сочетающий исследование влияния ДКП и других переменных на вероятность возникновения и размер фондовых пузырей.

Фондовые пузыри в России в 1996–2016 гг.: эмпирический анализ

Чтобы проверить возможность предотвращать формирование фондовых пузырей с помощью различных методов ДКП, нами был проведен эмпирический анализ российского фондового рынка. В качестве источника данных о динамике котировок акций использовался индекс MXRU Index (индекс российского фондового рынка, составленный аналитическим агентством Morgan Stanley Capital International). Выбор индекса обусловлен возможностью сопоставления полученных результатов с данными по другим странам в рамках дальнейших исследований.

Для идентификации пузырей мы применяли критерий Дэткена и Сметса: отклонение реальных цен от долгосрочного тренда (долгосрочный тренд рассчитывается с помощью фильтра Ходрика-Прескотта) более чем на 10% [9]. Кроме того, мы ввели дополнительный критерий, связанный с динамикой мультипликатора P/B (цена/балансовая стоимость акции): если значение мультипликатора превышает исторически сложившееся значение, то это свидетельствует о наличии фондового пузыря. Использование дополнительного фильтра вызвано необходимостью отсекаания эпизодов, когда повышение котировок акций было вызвано в основном ростом фундаментальных показателей. В результате совместного использования обоих индикаторов (динамики цен и мультипликатора P/B) удалось выделить периоды преобладания иррационального и спекулятивного поведения инвесторов. История пузырей на российском фондовом рынке позволила получить базу для дальнейшего эмпирического исследования влияния ДКП на фондовые пузыри в России.

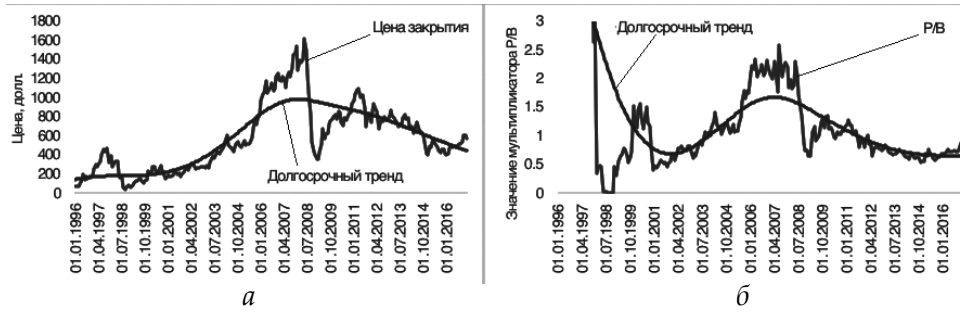
Критерий, синтезирующий методы идентификации фондовых пузырей на основе анализа динамики цены и мультипликатора P/B, учитывает как динамику рыночных цен акций, так и изменения фундаментальных характеристик компаний, а также базируется исключительно на общедоступных показателях и не требует введения ограничительных предпосылок. Соответственно, данный критерий подходит для анализа развивающихся рынков.

Нормальное значение мультипликатора определялось на основе анализа долгосрочного тренда мультипликатора P/B, выявленного с помощью фильтра Ходрика-Прескотта. Минимальный период существования фондового пузыря принимался равным трем месяцам. Более короткие периоды рассматривались как элемент повышенной волатильности, характерной для развивающихся рынков.

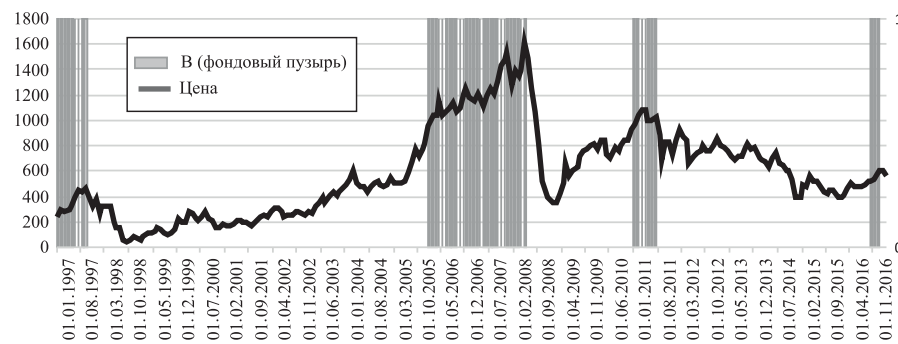
На рис. 1 приведены графики соотношения текущих значений индекса рынка акций, используемого в качестве прокси-показателя динамики фондового рынка, и мультипликатора P/B с их долгосрочными трендами на российском фондовом рынке (см. рис. 1).

Как видно из рис. 1 (а), в период 2005–2008 гг. фактические цены акций значительно превышали значение долгосрочного тренда. Похожая ситуация одновременно наблюдалась и для мультипликатора P/B (см. рис. 1, б). Соответственно данный период рассматривался нами как финансовый пузырь. Аналогичные эпизоды, хотя и менее ярко выраженные, наблюдались в 1997 г., 1999–2000 гг., 2011–2013 гг. и в конце 2016 г.

Таким образом, на основе сконструированного нами синтетического критерия можно выделить два крупных финансовых пузыря на российском фондовом рынке (конец 1997 г. и в период с 2005 по 2008 г.) и несколько малых (см. рис. 2).

Источник: рассчитано автором по данным Bloomberg.
 Рис. 1. Динамика цены закрытия индекса MSCI Russia (MXRU) и долгосрочного тренда (а), мультипликатора P/B и долгосрочного тренда (б), 1996–2016 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Bloomberg.
 Рис. 2. Динамика цены закрытия индекса MSCI Russia с выделением периодов существования финансового пузыря на фондовом рынке в 1996–2016 гг.

Модель пузырей на российском фондовом рынке

Для выявления механизмов зарождения и надувания идентифицированных на основе нашего определения фондовых пузырей построена модель, опирающаяся на распространенное в теоретической и эмпирической литературе предположение (см., например: [4; 5; 7; 13; 19] и др.), согласно которому возможность существования и характеристики фондового пузыря определяется в первую очередь ожиданиями иррациональных инвесторов¹. Их поведение обусловлено событиями в России и на мировых финансовых рынках, которые спо-

¹ Т. е. инвесторов, которые принимают решения не только на основе анализа фундаментальных показателей (в отличие от рациональных инвесторов), но и под влиянием поведенческих отклонений. В частности, иррациональные инвесторы могут слишком оптимистично оценивать перспективы роста прибыли компаний, игнорируя негативные факторы.

способны увеличить фундаментальную стоимость российских компаний. Однако иррациональные инвесторы неверно оценивают влияние этих событий на фундаментальную стоимость акций, закладывая избыточно оптимистичные ожидания относительно перспектив развития торгуемых компаний. Ошибки иррациональных инвесторов провоцируют чрезмерный рост котировок акций, создавая фондовый пузырь. Рациональные же инвесторы, которые корректно определяют фундаментальную стоимость акций, в условиях фондового пузыря лишены возможности совершить короткие продажи и потому вынуждены совершать спекулятивные сделки с переоцененными акциями [5].

Как отмечалось выше, для идентификации фондового пузыря использовались одновременно два показателя: фактические цены акций и мультипликатор P/B. Цена – наблюдаемый показатель, а не расчетный (в отличие от мультипликатора), поэтому на основе ее динамики можно напрямую определить размер уже идентифицированного фондового пузыря [1; 9]. Таким образом, в качестве прокси-переменной величины фондового пузыря (зависимой переменной) использовалось отклонение фактической цены от ее долгосрочного тренда (В), выраженное в процентах².

Для того чтобы обособить причины появления пузырей и факторы, которые влияют на их размер, объясняющие переменные модели были разделены на две группы. Это позволило отдельно исследовать меры, с помощью которых можно проводить профилактику фондовых пузырей (пока инвесторы еще способны корректно оценивать стоимость акций), и инструменты «быстрого реагирования», которые направлены на схлопывание уже возникшего пузыря.

Первая группа объясняющих переменных, названная нами «условия», охватывает показатели, определяющие вероятность появления пузыря. Данная группа переменных была сформирована исходя из предположения, что надувание пузыря связано с событиями, которые повышают фундаментальную стоимость компаний и способны при этом дать основания для избыточного оптимизма иррациональных инвесторов [13; 19; 20]. Соответственно, анализ условий позволит понять, что стало причиной повышенного интереса инвесторов к вложениям в переоцененные акции.

Вторая группа объясняющих переменных, которую мы назвали «детерминанты», влияет на размер раздувания уже возникшего фондового пузыря. Детерминанты определяют, как оптимизм инвесторов

² Отметим, что динамика мультипликатора P/B при этом также учитывается, но косвенно: если уровень P/B соответствует или ниже исторически обусловленного значения (рассчитанного на основе анализа долгосрочного темпа динамики мультипликатора P/B), то переменная В будет равна 0.

повлияет на цену, т. е. насколько сильно цена отклоняется от фундаментальной стоимости.

Разделение объясняющих переменных на условия и детерминанты предполагает, что если условия возникновения фондового пузыря не сформируются, то детерминанты, очевидно, будут неважны. С другой стороны, если сочетание детерминант будет исключать существование фондового пузыря (т. е. обуславливать его нулевой размер), то даже наличие благоприятных условий не сможет привести к образованию пузыря. Таким образом, модель, выявляющая раздельно условия и детерминанты развития фондового пузыря, позволяет более точно оценивать возможность ДКП воздействовать как на риски появления, так и на размер уже сформированного пузыря (по сравнению с предыдущими исследованиями, например, с работой Баронда и Ксионга [6], где анализировались, в нашей терминологии, исключительно условия возникновения пузыря).

Поскольку разделение условий и детерминант является ключевым для исследования, то в эмпирической его части использовалась регрессионная модель Хекмана [12]. Модель предполагает двухэтапный анализ: на первом этапе строится пробит-модель, которая определяет, существует ли фондовый пузырь (т. е. наблюдается ли более чем 10%-е превышение фактической цены над долгосрочным трендом, при условии, что мультипликатор P/B выше исторически сложившегося уровня). На этом этапе идентифицируются условия, с которыми ассоциируется возникновение фондового пузыря (определенного на основе нашего синтетического критерия). На втором этапе для тех периодов, где условия сложились и образовался фондовый пузырь, определяется зависимость размера пузыря от различных детерминант. Следует отметить, что модель Хекмана для анализа пузырей ранее не применялась.

Адаптированная нами для изучения проблематики финансовых пузырей модель Хекмана имеет следующий вид:

$$B = \begin{cases} 0 & \left| Y = \sum_{i=1}^n \gamma_i * X_i \leq 0 \right. \\ \sum_{i=1}^n \beta_i * Z_i \leq 0 & \left| Y = \sum_{i=1}^n \gamma_i * X_i > 0, \right. \end{cases} \quad (1)$$

где: i – период ($i = 1, 2, \dots, n$); B – размер фондового пузыря (зависимая переменная); Y – вероятность выполнения критерия фондового пузыря: более чем 10% превышение наблюдаемого значения индекса над долгосрочным трендом и значение мультипликатора P/B, превышающее долгосрочный тренд; X_i – переменные, определяющие вероятность возникновения пузыря; Z_i – переменные, определяющие раз-

мер пузыря; β, γ – коэффициенты в уравнении, отражающие влияние той или иной переменной.

Из уравнения (1) следует, что зависимая переменная принимает ненулевое значение, если сумма в правой части уравнения больше нуля, т. е. если для возникновения фондового пузыря существуют благоприятные условия. В противном случае значение B принимается равным нулю, т. е. вероятность возникновения фондового пузыря отрицается.

Первое уравнение (описывающее вероятность возникновения фондового пузыря) позволяет определить условия, в то время как второе уравнение направлено на анализ детерминант пузыря.

Эмпирическая верификация модели фондовых пузырей на российском рынке

Мы провели эмпирическую верификацию предлагаемой модели для российского фондового рынка за 1996–2016 гг. Для проведения эконометрического анализа в качестве регрессоров были отобраны несколько групп прокси-переменных: индикаторы оптимизма участников фондового рынка; показатели ДКП; показатели деятельности компаний; состояние мировых финансовых рынков. Выбор показателей строился на основе теоретической модели, сформулированной в предыдущем разделе.

Как следует из нашей теоретической модели, ключевую роль в формировании фондового пузыря играют иррациональные инвесторы. Соответственно, размер фондового пузыря находится в зависимости от того, насколько они (иррациональные инвесторы) оптимистично оценивают перспективы развития компаний. Для аппроксимации степени оптимизма иррациональных инвесторов использовалось два показателя:

- отклонение цены от долгосрочного тренда в предыдущем месяце ($lag\_1\_price\_gap$);
- среднее значение отклонения мультипликатора P/B от его долгосрочного тренда за три предыдущих месяца³ ($av\_3\_pb\_gap$).

Показатель отклонения цены от долгосрочного тренда в предыдущем месяце демонстрирует, насколько сильно чрезмерно оптимистичные настроения иррациональных инвесторов успели повлиять на цены акций за месяц. Высокие значения данного показателя свидетельствуют о том, что на рынке присутствует большое количество

³ В расчет среднего значения не включалось значение текущего месяца. Так, при расчете показателя на январь учитывались значения за октябрь–декабрь включительно. В рамках анализа рассматривались и другие периоды, однако их использование приводило к снижению качества модели (в терминах значимости переменных и коэффициентов правдоподобия).

избыточно оптимистичных инвесторов, что создает предпосылки для роста фондового пузыря.

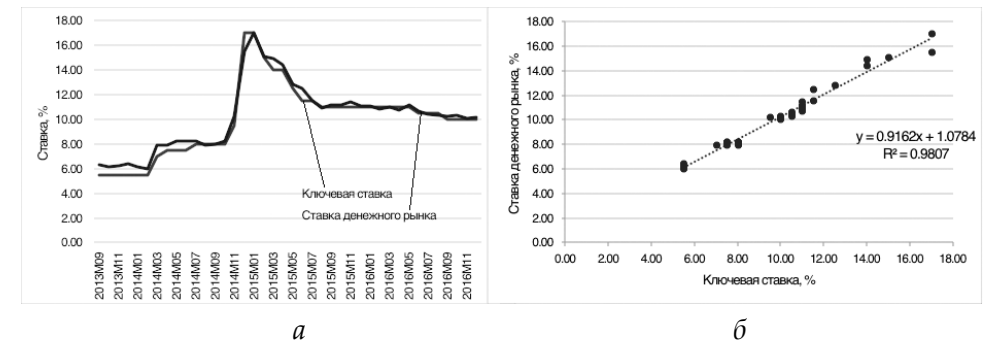
Среднее значение отклонения мультипликатора P/B от его долгосрочного тренда за три предыдущих месяца позволяет выявить периоды перегретого рынка, когда настроения инвесторов строятся на более оптимистичных ожиданиях по сравнению с исторически сложившимися значениями. Иными словами, данный показатель может служить сигналом о преобладании на фондовом рынке избыточно оптимистичных настроений инвесторов.

Показатели деятельности компаний-эмитентов определялись через EPS (earnings per share – чистая прибыль на одну акцию). Иррациональные инвесторы могут интерпретировать рост прибыли на акцию как подтверждение своих оптимистичных ожиданий роста котировок акций. Поэтому в качестве прокси-переменной использовался рост EPS (*eps_diff*).

В качестве прокси-переменных, характеризующих состояние внешних рынков, использовались доходность индекса S&P 500 (*snp*) и индекс вмененной волатильности VIX (*vix*). По итогам эмпирического анализа было выявлено, что наилучшие результаты дает среднее значение доходности S&P 500 за три предыдущих месяца. Это позволило учесть период адаптации участников торгов на российском фондовом рынке к событиям на мировых финансовых рынках. VIX отражает настроения международных инвесторов: высокие значения показателя свидетельствуют о страхах инвесторов и неготовности приобретать высокорисковые активы (к которым относятся акции компаний, обращающиеся на развивающихся фондовых рынках). Поэтому для анализа использовалось текущее значение (регрессии с лагированными и усредненными за предыдущие периоды значениями VIX давали худшие результаты).

Для анализа влияния ДКП на фондовые пузыри были использованы два показателя: ключевая ставка ЦБ РФ и темп роста кредитования Банком России физических лиц и нефинансовых компаний. Как было указано выше, ряд работ (в т. ч. работы Баронда и Ксионга [6]) доказывают, что фондовые пузыри вызваны кредитной экспансией банков, которую, в свою очередь, стимулирует мягкая ДКП Центрального банка.

Следует отметить, что ключевая ставка в России была введена только в 2013 г., что не позволяет провести анализ за период с 1996 по 2013 г. В частности, это приведет к исключению из рассмотрения крупнейших пузырей в истории России – 1997 г. и в 2005–2008 гг. Поэтому ее использование потребовало бы сильного сокращения длительности выборки и, как следствие, значительно ухудшило бы качество тестируемой регрессии. Для решения этой проблемы мы использовали эмпирически наблюдаемую тесную связь ключевой ставки и ставки денежного рынка (см. рис. 3).

Источник: рассчитано автором по данным МВФ. data.imf.org.

Рис. 3. Взаимосвязь ключевой ставки ЦБ РФ и ставки денежного рынка России: динамика ставок (а) и результат регрессионного анализа тесноты их связи (б).

Как видно на рис. 3а, ставка денежного рынка⁴ изменяется в полном соответствии с ключевой ставкой. Это подтверждается и при статистическом исследовании. На основе регрессионного уравнения, приведенного на рис. 3б, можно сделать вывод о наличии тесной взаимосвязи двух индикаторов, что подтверждается высоким коэффициентом детерминации (R^2). Поэтому представляется корректным использовать ставку денежного рынка в качестве прокси для степени жесткости ДКП в России вместо ключевой ставки. Мы оценивали изменение процентной ставки денежного рынка (*d_ir*) месяц к месяцу. Кроме того, были проверены абсолютные значения (а также значения с лагом и усреднением за несколько периодов), однако они давали незначимые результаты.

Наряду с процентными ставками необходимо учитывать мультипликативный эффект от изменения ключевой ставки, а также иных мер ДКП, реализуемых Банком России. В качестве прокси-переменной использовались данные о динамике объемов кредитов, выданных банками частным лицам и нефинансовым организациям. Это позволит проанализировать не только непосредственное воздействие ключевой ставки на фондовый рынок, но и эффективность трансмиссионного механизма ДКП. Иными словами, в рамках эмпирической верификации будут учтены и непосредственное изменение ключевой ставки, и последствия данного изменения на кредитном рынке, с учетом лага воздействия⁵.

⁴ Процентная ставка по межбанковским краткосрочным кредитам, рассчитанным в соответствии с методологией МВФ. data.imf.org/regular.aspx?key=60998111.

⁵ Изменение ключевой ставки может оказать влияние на объемы кредитования с временным лагом.

Таблица 1

Результаты эмпирического исследования условий и детерминант финансовых пузырей на российском фондовом рынке

Показатель	Значение коэффициента	Стандартная ошибка
В (размер фондового пузыря)		
<i>lag_1_price_gap</i>	0,970***	0,0404
<i>d_ir</i>	-0,895**	0,4363
<i>diff_eps</i>	0,001*	0,0002
<i>av_3_snp</i>	3,158***	0,7035
Y (индекс благоприятных условий фондового пузыря)		
<i>av_3_pb_gap</i>	0,027***	0,0041
<i>vix</i>	-0,067***	0,0087
<i>lag_m2</i>	0,100*	0,0556
Показатели качества модели		
ρ	0,817***	0,0957
Wald test ($\rho=0$)	14.22***	

* значимо на 10%-м уровне, ** значимо на 5%-м уровне, *** значимо на 1%-м уровне
 Источник: рассчитано автором в ПО STATA по данным: Bloomberg, МВФ, ЦБ РФ.

Таблица 2

Фактор инфляции дисперсии объясняющих прокси-переменных

Переменная	VIF
<i>av_3_pb_gap</i>	2,24
<i>lag_1_price_gap</i>	2,22
<i>av_3_snp</i>	1,50
<i>vix</i>	1,38
<i>lag_m2</i>	1,14
<i>diff_eps</i>	1,12
<i>d_ir</i>	1,09

Источник: рассчитано автором в пакете STATA по данным: Bloomberg, МВФ, ЦБ РФ.

Полученные результаты эмпирического тестирования позволяют определить условия, при которых формируются фондовые пузыри, и детерминанты, определяющие их размеры на российском фондовом рынке⁸.

⁸ Отметим, что для других рынков условия и детерминанты, а также степень их значимости могут отличаться.

Помесячная информация об объемах выданных кредитов, приведенная в «Обзоре банковского сектора Российской Федерации»⁶, к сожалению, включает данные только начиная с 2008 г. Соответственно, использование такой информации не дает возможности охватить крупнейшие в истории России фондовые пузыри, в том числе пузырь 2007 г.

Однако динамика объемов кредитования банками населения и нефинансовых организаций тесно связана с динамикой денежной массы (агрегат M2): депозиты, служащие одной из компонент M2, являются источником средств для кредитования⁷. Соответственно, изменения денежной массы тесно связаны с динамикой объемов выданных кредитов. Уровень корреляции денежной массы и выданных кредитов за 2008–2016 гг. составлял 0,99, что подтверждает сильную взаимосвязь между данными показателями.

Информация по динамике денежной массы доступна за весь анализируемый нами период (1996–2016 гг.), и ее можно использовать в качестве инструментальной переменной, позволяющей аппроксимировать динамику кредитования банками населения и нефинансовых организаций. Чтобы учесть период реакции участников торгов на фондовом рынке на изменения денежной массы (и ситуации на рынке кредитования), влияние роста денежной массы определено с лагом в 1 месяц (*lag_m2*).

В табл. 1 приведены результаты эмпирической оценки влияния прокси-переменных на вероятность возникновения и размер фондового пузыря.

Ключевым показателем качества модели выступает корреляция ошибок (ρ). Поскольку она отличается от 0, можно говорить о значимости полученной модели.

Также для проверки качества модели был проведен тест на мультиколлинеарность объясняющих переменных с помощью показателя VIF – фактора инфляции дисперсии (Variance inflation factor). Для расчета VIF были построены регрессии между всеми объясняющими переменными (более подробное описание данного алгоритма приведено в работах [2] и [17]). Значения VIF для каждой переменной приведены в табл. 2.

Мультиколлинеарность объясняющих переменных диагностируется при значениях VIF выше 4 [17, р. 679]. Как видно из табл. 2, значения VIF по всем переменным не превышают данного уровня, что свидетельствует об отсутствии мультиколлинеарности в модели.

⁶ Источник: Банк России. cbr.ru/analytics/?PrId=bnksyst.

⁷ Согласно данным Банка России, на депозиты и средства на расчетных счетах в 2016 г. приходилось свыше 60%. Источник: Банк России. www.cbr.ru/analytics/?PrId=bnksyst.

Итак, на российском фондовом рынке образование пузыря возможно при сочетании трех *условий*:

Сохранение «горячего рынка», т. е. превышение фактических значений мультипликатора P/B над долгосрочным трендом на протяжении трех месяцев и более.

Низкие значения VIX , которые способствуют повышенному спросу иностранных инвесторов на рискованные зарубежные активы, в том числе на акции компаний развивающихся стран, у которых спекулятивная доходность выше, чем у компаний из развитых стран. В результате наблюдается увеличение спроса на акции развивающихся стран, что провоцирует рост цен и создает благоприятные условия для спекулятивных сделок, создавая риск формирования фондового пузыря.

Рост денежной массы. Рост денежной массы (и связанный с ней рост объемов кредитования) порождает избыточный оптимизм экономических агентов [6]. Данный оптимизм, передаваясь участникам торгов на фондовом рынке, провоцирует формирование пузыря. Сильный рост денежной массы может свидетельствовать о перегреве экономики и может стать основной причиной возникновения фондового пузыря. Отметим, что данный вывод подтверждает результаты, полученные в работе [6].

Если условия для возникновения пузыря сложились и пузырь образовался, то в роли *детерминант*, определяющих размер пузыря, выступают:

Отклонение фактической цены от долгосрочного тренда в предыдущем месяце. В условиях фондового пузыря рациональные и иррациональные инвесторы активно приобретают переоцененные акции, так как либо не способны идентифицировать фондовый пузырь, либо используют спекулятивные операции, стремясь получить прибыль до того, как пузырь начнет сдуваться.

Динамика ставки денежного рынка. Уменьшение ставки денежного рынка поддерживает рост котировок акций, тем самым ускоряя надувание фондового пузыря. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, привлечение заемных средств для покупки акций инвесторами становится выгоднее, что провоцирует рост спроса на акции и, как следствие, увеличение котировок. Во-вторых, низкие процентные ставки могут поддерживать избыточно оптимистичные ожидания инвесторов относительно будущей прибыли торгуемых компаний, что также способствует росту котировок (и надуванию фондового пузыря).

Увеличение EPS : чем выше были темпы роста прибыли на акцию в предыдущем месяце, тем сильнее ассоциируется рост котировок акций с динамикой фундаментальных факторов. Это убеждает инвесторов в корректности их позитивных ожиданий, что стимулирует развитие финансового пузыря.

Устойчиво высокая доходность индекса $SNP\ 500$ в предыдущие три месяца улучшает ожидания инвесторов (прежде всего зарубежных и российских, имеющих доступ к международным рынкам). Данное влияние объясняется эффектом коинтеграции: рост котировок на американском фондовом рынке служит для иррациональных инвесторов подтверждением устойчивости роста котировок российских компаний.

Потенциал ДКП как инструмента противодействия фондовым пузырям в России

Обобщая результаты нашего исследования, можно отметить, что инструменты ДКП способны противодействовать фондовым пузырям и могут быть использованы как в профилактических целях (создавая неблагоприятные условия для появления фондовых пузырей), так и для уменьшения размера уже возникшего пузыря.

Однако существует ряд аргументов против использования мер ДКП (в первую очередь увеличения процентных ставок) в качестве инструмента противодействия пузырям:

Сдерживание кредитной экспансии может привести к неблагоприятным последствиям, в т. ч. к замедлению экономического роста. Безусловно, подобная политика целесообразна в условиях перегрева кредитного рынка, однако в ситуации нормальной динамики объемов кредитования подобные меры, предпринятые с целью профилактики возникновения фондового пузыря, могут принести больше вреда, чем последующее надувание и самопроизвольное схлопывание пузыря.

Кроме того, сохранение сдерживающей ДКП в течение длительного времени будет негативно влиять на экономический рост и финансовую стабильность. Поэтому регулятор, после уничтожения фондового пузыря, будет вынужден смягчить ДКП и этим спровоцировать новые спекулятивные настроения на фондовом рынке.

Важную роль в образовании фондового пузыря играет ситуация на международных рынках, которой не может управлять национальный регулятор. Размер фондового пузыря в значительной степени определяется доходностью международных финансовых рынков (значение коэффициента при данном показателе в три раза превышает коэффициент при ставках денежного рынка). Ужесточение ДКП на фоне положительной динамики мировых финансовых рынков может оказаться неэффективным с точки зрения схлопывания пузыря и при этом способно замедлить темп роста национальной экономики.

Приведенные аргументы ставят под сомнение целесообразность использования ДКП в качестве узконаправленной меры противодействия фондовым пузырям на российском рынке. Общеэкономические

издержки политики процентных ставок в борьбе с финансовыми пузырями могут оказаться слишком высокими по сравнению с последствиями схлопывания пузыря.

Отсюда следует вывод, что целенаправленное предотвращение и схлопывание фондовых пузырей на российском рынке как самостоятельная задача ДКП не вполне эффективно: негативные последствия для экономики могут превышать выгоды от предотвращения и/или схлопывания пузыря. Более разумным выглядит использование ДКП в качестве элемента комплексной программы по ослаблению перегрева экономики, которая позволит уменьшить спекулятивную составляющую цен акций и скорректировать действия как внутренних, так и иностранных инвесторов на фондовых рынках развивающихся стран. Кроме того, жесткая ДКП может сдерживать не только фондовые пузыри, но и пузыри на других рынках (например, на рынке недвижимости).

Ограниченная эффективность политики процентных ставок делает целесообразной разработку специализированных методов, которые влияли бы только на фондовый рынок. В качестве перспективных инструментов можно назвать ограничения действий непрофессиональных инвесторов, расширение доступности коротких продаж и иных мер, расширяющих возможности профессиональных инвесторов, снижая тем самым вероятность отклонения фактической цены от фундаментальной стоимости. Это позволит не только сдерживать подпитку фондовых пузырей ликвидностью (что будет препятствовать их разрастанию), но и уменьшить потери для экономики в целом при их схлопывании. Однако необходимы дополнительные исследования, посвященные анализу их применимости в России.

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что за 1996–2016 гг. на российском фондовом рынке прослеживаются несколько пузырей. Более того, за данный период было обнаружено 2 крупных фондовых пузыря, повторение которых могло бы пошатнуть финансовую стабильность России. Это обуславливает актуальность изучения причин возникновения и надувания пузырей, а также мер по противодействию им.

Мы разработали модель, позволяющую выделить условия возникновения и детерминанты фондовых пузырей, что позволило точнее, чем в более ранних исследованиях, оценить влияние отдельных переменных на вероятность возникновения и размер пузырей.

Разделение объясняющих переменных на условия возникновения и детерминанты реализовано с помощью модели Хекмана, которая ранее не применялась исследователями данной проблематики. На

основе модели Хекмана нами был проведен эконометрический анализ по данным российского фондового рынка за 1996–2016 гг. Эмпирическое тестирование показало высокое качество и хорошую объясняющую способность модели, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Проведенное исследование содержит дополнительную аргументацию в пользу того, что меры ДКП позволяют противодействовать фондовым пузырям в России. Увеличение процентных ставок может как предотвратить возникновение фондового пузыря, так и ограничить размеры уже возникших пузырей. Однако применение процентных ставок для противодействия фондовым пузырям в России может оказаться нецелесообразным. Во-первых, ужесточение ДКП может негативно повлиять на реальный сектор. Во-вторых, вероятность появления и размер фондовых пузырей в России вследствие эффекта коинтеграции финансовых рынков находится под сильным влиянием ситуации на зарубежных фондовых рынках, которая не подвержена влиянию национального регулятора.

Проведенный анализ показал, что увеличение ключевой ставки имеет ограниченное влияние на размер фондового пузыря. Однако снижение объемов кредитования банками населения и нефинансовых организаций, следующее за увеличением ключевой ставки, позволяет предотвращать возникновение фондовых пузырей. Таким образом, Банку России для профилактики фондовых пузырей необходимо сдерживать рынок кредитования от перегрева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозина А.Н., Мартанус О.Р. Моделирование пузырей на фондовом рынке с учетом поведенческих факторов // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67).
2. Орлова И.В., Филонова Е.С. Выбор экзогенных факторов в модель регрессии при мультиколлинеарности данных // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–1.
3. Федорова Е.А. Финансовая интеграция фондовых рынков стран БРИК: эконометрический анализ // Финансы и кредит. 2011. № 18 (450).
4. Чиркова Е.В. За и против регулирования финансовых пузырей монетарными методами // Корпоративные финансы. 2011. № 2 (18). С. 24–32.
5. Abreu D., Brunnermeier M.K. Bubbles and crashes // *Econometrica*. 2003. Т. 71. № 1. С. 173–204.
6. Baron M., Xiong W. Credit expansion and neglected crash risk // *The Quarterly Journal of Economics*. 2017. Т. 132. № 2. Р. 713–764.
7. Blanchard O.J. Speculative bubbles, crashes and rational expectations // *Economics letters*. 1979. Т. 3. № 4. С. 387–389.
8. Cheng I.H., Raina S., Xiong W. Wall Street and the housing bubble // *The American Economic Review*. 2014. Т. 104. № 9. С. 2797–2829.

9. Detken C., Smets F. Asset Price Booms and Monetary Policy // Macroeconomic Policies in the World Economy. 2004. Т. 329. С. 189.
10. Filardo A.J. Monetary policy and asset price bubbles: calibrating the monetary policy trade-offs. // BIS Working Paper. 2004. № 155.
11. Gali J., Gambetti L. The effects of monetary policy on stock market bubbles: Some evidence // American Economic Journal: Macroeconomics. 2015. Т. 7. № 1. С. 233–257.
12. Heckman J. Shadow prices, market wages, and labor supply // Econometrica: journal of the econometric society. 1974. С. 679–694.
13. Kindleberger C.P., Aliber R.Z. Manias, panics and crashes: a history of financial crises. Palgrave Macmillan, 2011.
14. Koch A., Ruenzi S., Starks L. Commonality in liquidity: a demand-side explanation // The Review of Financial Studies. 2016. Т. 29. № 8. С. 1943–1974.
15. Mishkin F.S. et al. How should we respond to asset price bubbles? // Banque de France Financial Stability Review–Valuation and Financial Stability. 2008. № 12. С. 65–74.
16. Morana C., Beltratti A. Comovements in international stock markets // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2008. Т. 18. № 1. С. 31–45.
17. O'Brien R.M. A caution regarding rules of thumb for variance inflation factors // Quality & Quantity. 2007. Т. 41. № 5. С. 673–690.
18. Phillips P.C.B., Yu J. Dating the timeline of financial bubbles during the subprime crisis // Quantitative Economics. 2011. Т. 2. № 3. С. 455–491.
19. Schiller R.J. Irrational exuberance. Princeton UP, 2000.
20. Xiong W. Bubbles, crises, and heterogeneous beliefs. National Bureau of Economic Research, 2013. № W18905.

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny Borisovich Netunaev – Post-graduate student of the Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, M.V. Moscow State University. Moscow, Russia. netunaev.evgeny@gmail.com

THE EFFECTIVENESS OF MONETARY POLICY AS A TOOL TO COUNTER FINANCIAL BUBBLES

The article presents the results of econometric analysis of conditions and determinants of bubbles in the stock market of developing countries (on the example of the Russian stock market). The analysis was based on the model of Heckman, adapted by the author, which allows us to identify factors that affect the probability of occurrence and size of stock bubbles. It was proved that interest rate regulation had limited potential to prevent stock bubbles. Rigid monetary policy, leading to a decrease in lending, can more effectively impede the formation of a bubble in the stock market.

Keywords: *monetary policy, stock bubble, stability of the stock market.*

JEL: E44, E52, G23, G28.

ЭКОНОМЕТРИКА

Ю.М. СОКОЛОВСКИЙ

аспирант Института математики, экономики и информатики
Иркутского государственного университета

А.Ю. ФИЛАТОВ

кандидат физико-математических наук, доцент,
главный научный сотрудник Школы экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета

МОДЕЛИРОВАНИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ. ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ЭКОНОМИКУ¹

Монополистическая конкуренция – один из самых распространенных типов отраслевых рынков. В предыдущих работах авторов был разработан инструментарий моделирования рынков данного типа конкуренции, но не изучался случай изменения производительности труда в эффективных предприятиях. В работе анализируется влияние производительности труда предприятий на ценообразование, объемы производства продукции, уровень заработной платы и иные показатели. В спектр исследования попадает образование, получаемое населением для изменения квалификации труда. Доказывается, что рост эффективности рабочей силы способствует снижению цен в экономике и наращиванию объемов производимой продукции, росту уровня заработной платы квалифицированных рабочих и сокращению оплаты труда неквалифицированных.

Ключевые слова: *производительность труда, квалифицированные рабочие, снижение цен, влияние на цены и зарплаты, экономическое моделирование, образование.*

JEL: L11.

Большинство существующих в мире отраслевых рынков имеют структуру монополистической конкуренции [2]. Они представлены большим числом фирм, производящих свою разновидность дифференцированного продукта. Они не взаимодействуют непосредственно друг с другом, и каждая фирма наделена рыночной властью в силу

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №12-06-00280-а.

склонности потребителей к разнообразию продукта. Классическая ее модель Авинаша Диксита и Джозефа Стиглица [3, с. 297–308], а также ее приложение к международной торговле, сделанное Кругманом [4, с. 469–479; 5, с. 950–959], может объяснить многие эффекты, наблюдаемые в течение последних десятилетий в мировой экономике. Эти эффекты, включающие двусторонние потоки товаров-заменителей, оставались необъяснимыми в рамках теорий, базирующихся на сравнительных преимуществах труда [6] и на относительных преимуществах в факторах производства [7]. Тем не менее эта теория базируется на предположениях о том, что товар однороден и предприятия работают с одинаковой производительностью, что не может покрыть эффекты, наблюдаемые в реальном мире.

Неоднородность необходима для большинства моделей международной торговли, хотя различные исследователи, например, Бернанд и Дженсен [8, с. 3–31; 9, с. 1–25] показали, что экспортеры обычно более продуктивны, чем импортеры. Некоторые экономисты пытались решить эту проблему. Мелитц [10, с. 1695–1725] использовал достаточно сложные конструкции, основанные на изначально неизвестных предельных издержках каждой фирмы, различающихся для разных фирм [11, с. 1127–1150; 12, с. 649–670], что делает практически невозможным аналитически исследовать влияние эластичности замещения, рыночной доли, неоднородности труда, доли аграрного и промышленного секторов на равновесные параметры: цены, количество продукции, заработные платы и благосостояние. Существуют и другие подходы.

Манасс и Туррини [13, с. 97–117] предположили, что предприниматели различаются по своим возможностям: они нанимают однородных по производительности труда работников, но эти рабочие лучше выполняют свои обязанности под руководством лучшего предпринимателя. Бартель, Лихтенберг и Зихерман [14, с. 1–11; 15, с. 285–325] полагают, что существуют две технологии: старая и более эффективная; при этом рабочие варьируются в своих способностях – более способные рабочие имеют абсолютные преимущества – в обеих технологиях и сравнительные преимущества – в новой, более эффективной технологии. В их работах было показано, что в одно и то же время существуют фирмы с обоими типами технологий. Бернанд, Итон, Дженсен, Кортум [16, с. 1265–1290] и Ипл [17, с. 1–20] также показали, что в одно и то же время существуют фирмы с разной производительностью. Они нанимают различных рабочих и платят им разную зарплату в зависимости от их способностей. Наш подход также основан на упомянутом предположении. Мы не концентрируемся на механизмах – они могут отличаться [18, с. 1239–1283], но основной акцент делается на неоднородности разной производительности труда на предприятиях. Таким

образом, мы формируем функционал для анализа рынков монополистической конкуренции с учетом неоднородности труда.

В статьях, опубликованных ранее, были представлены модели, касающиеся различных подходов к анализу экономической реальности. В соответствии с общей постановкой задачи мы рассматриваем экономику, состоящую из сельскохозяйственного (традиционного) сектора, в котором определенное количество единиц однородного продукта A производится с постоянной отдачей от масштаба, и промышленного (современного) сектора, производящего n разновидностей горизонтально дифференцированного продукта в количестве M с возрастающей отдачей от масштаба.

Горизонтальная дифференциация товара основана на различии потребительских характеристик товаров, удовлетворяющих разные вкусы. Таким образом, именно горизонтальная дифференциация, охватывающая множество разновидностей похожего продукта, определяет его разнообразие и спрос со стороны потребителей.

Обозначим за μ долю дохода потребителей, которую они тратят на приобретение промышленного продукта. Тогда $(1-\mu)$ – это доля дохода потребителей, идущего на покупку сельскохозяйственного продукта. Отметим, что $\mu \in (0; 1)$. Также предположим, что потребителями являются те, кто работают на предприятиях. Таким образом, количество потребителей и рабочих одинаково. Пусть в экономике существует L потребителей (они же и рабочие), чьи предпочтения идентичны и задаются на верхнем уровне функцией полезности Кобба-Дугласа.

$$u = M^\mu A^{1-\mu} \rightarrow \max_{\mu} \quad (1)$$

В соответствии с понятием функции верхнего уровня распределение дохода на продукты A и M задается через μ , а расходы на промышленный продукт распределяются равномерно в пределах выделенного дохода среди однородных фирм.

Функция полезности нижнего уровня имеет постоянную эластичность замены $\sigma \in (1; +\infty)$.

$$M = \left(\sum_{i=1}^n q_i^{(\sigma-1)/\sigma} \right)^{\sigma/(\sigma-1)}, \quad (2)$$

где n – наибольшее число разновидностей продукции; показатель отражает уровень развития конкуренции, или насколько легко потребитель может заменить один товар на другой; $q(i)$ – количество производимой i -й фирмой продукции. При $\sigma \rightarrow 1$ имеем функцию Кобба-Дугласа и на нижнем уровне при $\sigma \rightarrow +\infty$ получаем линейную функцию полезности, описывающую совершенные заменители. Все деньги

рационально действующий потребитель будет тратить на самую дешевую из представленных разновидностей. При этом естественным является максимизация полезности потребителя от приобретения дифференцированного продукта, на который уходит доля μ . Тогда задача потребителя выглядит следующим образом:

$$\left(\sum_{i=1}^n q(i)^{(\sigma-1)/\sigma} \right)^{\sigma/(\sigma-1)} \rightarrow \max, \quad \sum_{i=1}^n p(i)q(i) = \mu I, \quad (3)$$

где: $p(i)$ – цена на i -ю продукцию фирмы; I – доход потребителя. Решение задачи (3) дает нам следующий результат, закрепляющий правило распределения дохода среди неоднородных фирм:

$$\frac{q(i)}{q(j)} = \left(\frac{p(j)}{p(i)} \right)^{\sigma}. \quad (4)$$

Выражение (4) свидетельствует о том, что потребители готовы покупать больше продукции у эффективных фирм и меньше у неэффективных: объем покупок тем выше, чем выше цена.

Помимо задачи потребителя (3) фирмы решают свою задачу, связанную с максимизацией прибыли:

$$\begin{aligned} \pi(i) &= p(i)q(i) - w(i)(f + c(i)q(i)) = \\ &= q(i)(p(i) - w(i)c(i)) - w(i)f \rightarrow \max_{p(i)}. \end{aligned} \quad (5)$$

Решив задачу (5), получаем, что $p(i)$ и $q(i)$ определяются по следующим формулам:

$$p(i) = \frac{\sigma}{\sigma-1} wc; \quad (6)$$

$$q(i) = \frac{f(\sigma-1)}{c}. \quad (7)$$

Единственным фактором производства здесь является неоднородный труд (являющийся причиной неоднородности фирм), потребности в котором составляют:

$$l(i) = f + c(i)q(i). \quad (8)$$

Учитывая формулу (7), задающую количество производимой продукции, спрос на труд будет определяться так:

$$l(i) = f + c(i)q(i) = f + f(\sigma-1) = f\sigma. \quad (9)$$

Теперь можно рассчитать, какое количество фирм выйдет на рынок, учитывая количество рабочих в системе L и сохраняя механизм моделирования спроса на труд по формуле (9):

$$n = \frac{L}{f\sigma}. \quad (10)$$

Здесь характеристика $c(i)$ означает число рабочих, необходимое для производства единицы продукции i -фирмы; f – количество человек, необходимых для разработки продукта и покрытия других процессов, не связанных с количеством производимого товара. Это могут быть охранники, электрики, ремонтники и другие специалисты, содержание которых также требует постоянных издержек. Таким образом, показатель $l(i)$ задает количество рабочих, необходимых для производства продукции и для поддержки связанных с производством процессов. Если рабочий i -фирмы получает за свою квалификацию зарплату $w(i)$, суммарные издержки этой фирмы составят:

$$TC(i) = w(i)l(i). \quad (11)$$

При этом выручку фирмы можно представить в виде:

$$TR(i) = p(i)q(i). \quad (12)$$

Пусть параметры экономики в сельском хозяйстве задаются так:

$$f_A = 0, c_A = 1, p_A = 1, w_A = 1. \quad (13)$$

Тогда можно установить, как определяется равновесная заработная плата. Для этого воспользуемся балансом спроса и предложения в аграрном секторе:

$$(1-\alpha)L * 1 = (1-\mu)(\alpha Lw + (1-\alpha)L * 1). \quad (14)$$

В левой части представлено предложение рабочей силы, в правой – спрос на нее в аграрном секторе, α – вся доля промышленного сектора, $(1-\alpha)$ – доля аграрного.

Тогда заработная плата определяется следующей формулой:

$$w^* = \frac{\mu}{1-\mu} \frac{1-\alpha}{\alpha}. \quad (15)$$

Для учета неоднородности используется параметр γ , который отражает, во сколько раз больше рабочих требуется менее производительным фирмам, чтобы произвести такое же количество продукции, как и эффективная фирма. Например, производительность двух разных фирм представляется так:

$$c_1 = c; c_2 = \gamma c, \quad (16)$$

где c_1 – количество рабочих первой фирмы для производства единицы продукции, c_2 – число рабочих второй фирмы для производства единицы продукции, которое больше в γ раз. Получаем, что c – это показатель самого эффективного или, можно сказать, квалифицированного рабочего, а вторая фирма менее эффективна, чем первая, т. к. требует больше рабочих для производства аналогичного продукта.

Если мы допускаем существование двух типов квалификаций рабочих, то будем говорить, что доля рабочих, в которую входят наиболее квалифицированные (производительные) рабочие, представлена параметром α_1 , который также называется эффективным промышленным сектором. Количество таких рабочих равно $\alpha_1 L$. Параметром α_2 обозначим долю менее квалифицированных (менее производительных рабочих), которые входят в неэффективный промышленный сектор. Их количество $\alpha_2 L$. Также в экономике присутствует аграрный сектор, доля которого представима как $1 - \alpha_1 - \alpha_2$, а число рабочих в нем как $(1 - \alpha_1 - \alpha_2)L$.

Таким образом, в результате решения данной оптимизационной задачи (7) в работе было осуществлено исследование различных экономических ситуаций и зависимостей между разными переменными. Одна группа параметров представлена комплексом фиксированных экзогенных переменных, задаваемых экономической системой извне. Данными показателями являются уже обозначенные ранее:

1. Фиксированные издержки f , выраженные в числе рабочих;
2. Издержки на производство единицы продукции c , выраженные в количестве рабочих;
3. Параметр γ , обозначающий разницу в производительной эффективности между самым квалифицированным рабочим c и наименее квалифицированным;
4. Количество самих рабочих L ;
5. Степень продуктовой дифференциации σ ;
6. Доли эффективного (производительного) и неэффективного (непроизводительного) секторов α_1 и α_2 соответственно;
7. Уровень спроса на промышленный продукт μ .

Эндогенными переменными моделей, зависящими от обозначенных выше экзогенных, являются следующие:

1. Уровень цен на продукцию эффективных фирм p_1 и менее эффективных фирм p_2 ;
2. Количество производимой ими продукции q_1 и q_2 ;
3. Выручки фирм TR_1 и TR_2 ;
4. Заработная плата рабочих w_1 и w_2 ;
5. Количество фирм в эффективном и неэффективном промышленном секторах n_1 и n_2 .

Параметры, заданные в представленном виде, были использованы для построения равновесий в модели, названной базовой моделью. В ней эффективный и менее эффективный промышленные секторы устанавливали свои заработные платы w_1 и w_2 . Для этой вариации было рассчитано равновесие и исследованы экономические процессы, проходящие при их взаимодействии.

В то же время в экономике могут присутствовать институциональные ограничения, не позволяющие разграничивать эффективных и неэффективных рабочих. Это может быть централизованно зафиксированный уровень зарплаты (единая тарифная сетка), отсутствие у фирмы информации о качестве конкретного работника на момент заключения контракта или нечто иное. При этом в модель также вводятся механизмы привлечения квалифицированных рабочих при низком уровне зарплаты посредством премирования по итогам работы. Заработная плата устанавливается на едином, достаточно низком уровне. Прибыли фирм неэффективного сектора при этом равны нулю, и рабочие получают только зарплату. В эффективном секторе, благодаря низким издержкам и большим объемам, фирмы получают прибыли, равномерно распределяющиеся между своими рабочими.

Посредством данного подхода были рассмотрены взаимодействия издержек f и c , развития конкуренции σ , изменения производительности предприятий γ , числа рабочих L , долей секторов α_1 и α_2 , и спроса на промышленный продукт μ с ценами p_1 и p_2 , объемами производства q_1 и q_2 , уровнями прибыли π_1 и π_2 , издержками фирм TC_1 и TC_2 , а также с единой заработной платой w , спросом на труд l и количеством фирм разных секторов n_1 и n_2 . Также были определены отличия выявленных зависимостей от зависимостей базовой модели с различными заработными платами. Дополнительно был введен фактор деиндустриализации – отток рабочей силы из промышленного сектора в аграрный при падении заработной платы ниже уровня заработной платы в деревенском секторе.

Впоследствии были рассмотрены модификации базовой модели и модели с единым уровнем заработной платы, которые предполагали возможность перехода из неэффективного промышленного сектора в эффективный через повышение уровня образования, где

издержки на образование зависят от $\theta \in [0; 1]$ – индивидуальной «несклонности к обучению», равномерно распределенной на отрезке. Издержки получения образования для наиболее способного ($\theta = 0$) – нулевые, а для самого «альтернативно одаренного» ($\theta = 1$) равны T . Тогда образование получает доля α_1 наиболее способных рабочих. Также возможен переход из сельскохозяйственного в неэффективный (относительно непроизводительный) промышленный сектор или обратно без издержек до выравнивания зарплат на единичном уровне. Для данной модификации были исследованы тренды влияния упомянутых ранее параметров на ценовые количественные характеристики экономики, рассмотрены процессы перетока рабочей силы между разными секторами промышленности, а также взаимодействие издержек на образование с процессами развития промышленных секторов.

Еще одной модификацией, исследующей параметры влияния неоднородного труда на экономику, стала модель с произвольным распределением классов рабочих. В таком случае число рабочих, необходимых для производства единицы продукции на i -фирме, зависит от показателя самого квалифицированного рабочего c и задается формулой (9) с равномерным распределением квалификации рабочих:

$$c(i) = \gamma(i)c, \quad \gamma(i) \in [1; \bar{\gamma}], \quad (17)$$

где $\bar{\gamma}$ – максимальная разница в производительности между самым эффективным (квалифицированным) рабочим и самым неэффективным.

С учетом данного подхода также было проведено исследование аналогичных параметров, представленных ранее, и анализировались изменения долей эффективных и неэффективных промышленных секторов по отношению друг к другу, включая аграрный сектор. Все описанные выше модели в краткой форме представлены в материалах конференции НИУ ВШЭ, посвященной проблемам развития экономики и общества [1, с. 447–460].

Еще одной задачей исследования было моделирование процессов получения образования. Очевидно, что по своей структуре и качеству образование различается и по-разному влияет на производительность работников, причем обучаемость человека определяет его возможности получения образования – от самого лучшего и признанного в данной стране или за рубежом до полного отказа от образования. Впоследствии мы сгенерировали функцию выигрыша, которая описывала оптимальный уровень полученного образования отдельно взятым рабочим с учетом его склонности к обучению и издержек, затрачиваемых на получение образования.

Разработанные модели могут описывать поведения экономических агентов в различных ситуациях. Они также помогают оценить последствия разных механизмов при регулировании рынка труда, возможные эффекты индустриализации и деиндустриализации, миграции между аграрными секторами и промышленностью, а также влияние образования с учетом экономической и пространственной неоднородности.

Постановка задачи

В данной статье мы поставили задачу смоделировать изменения производительности эффективных и менее эффективных предприятий и влияние таких изменений на возникающее в моделях равновесие. Как это было отмечено ранее, мы рассматривали модели, имеющие основной показатель производственной дифференциации γ , который показывал, во сколько раз самая эффективная фирма отличается от самой неэффективной. Характеристики самой эффективной фирмы обозначались за переменную c , которая отражала, сколько рабочих необходимо для производства единицы продукции для самой эффективной фирмы. При этом если γ росло, то это говорило только о том, что неэффективная стала еще менее эффективной, увеличив свой разрыв от самой производительной, но при этом аспекта изменения производительности самой лучшей фирмы мы не касались. Таким образом, в данном исследовании будет рассмотрена модификация производительности самой лучшей фирмы.

Пусть параметр $\bar{c}$ является показателем изменения производительности самой эффективной фирмы. Процесс изменения может быть смоделирован посредством изменения количества рабочих c , которое необходимо для производства единицы продукции. Такое изменение c влияет на разницу в производительности между самой эффективной фирмой и самой непроизводительной, что приводит также к автоматическому изменению γ .

Пример. В состоянии 0 параметры экономики были заданы таким образом: $c = 1, \gamma = 2$. Затем состояние экономики изменилось, и самые эффективные фирмы стали в 2 раза более производительными, что привело к изменению параметра c , который теперь эквивалентен $c = 0,5$. Значение γ естественным образом увеличится в 2 раза: т. е. $\gamma = 4$. В целом это будет означать, что производительность самой лучшей фирмы $\bar{c}$ выросла в 2 раза, с учетом всех сопутствующих изменений.

Теперь рассмотрим, как ввод нового параметра повлияет на сравнительную статику переменных, определенных ранее в различных моделях.

1. Влияние изменения эффективности лучших фирм на равновесие в базовой модели

Напомним, что в работе было осуществлено исследование различных зависимостей, которые представлены обозначенным ранее набором экзогенных переменных ($f, c, \gamma, L, \sigma, \alpha_1, \alpha_2, \mu$) и комплексом эндогенных переменных ($p_1, p_2, q_1, q_2, TR_1, TR_2, w_1, w_2, n_1, n_2, l$). После ввода новой переменной $\bar{c}$, обозначающей изменение производительности самой эффективной фирмы, и проведения аналитического исследования сравнительная статика может быть представлена в следующем виде:

Таблица 1

Сравнительная статика модели с модификацией развития лучшей фирмы в базовой модели

	p_1	p_2	q_1	q_2	TR_1	TR_2	w_1	w_2	n_1	n_2	l
c	+	+	-	-	•	•	•	•	•	•	•
γ	↑	↑	•	-	↑	↓	↑	↓	•	•	•
$\bar{c}$	↑	↑	-	•	↓	↑	↓	↑	•	•	•

В табл. 1 взаимосвязи, отражающие нелинейную положительную или отрицательную зависимость между параметрами по вертикали и по горизонтали, обозначены стрелками, линейные зависимости — плюсами или минусами, а точками обозначено отсутствие влияния выбранных параметров.

При анализе данной табл. 1 можно сделать следующие выводы:

1. Цены на продукцию эффективной фирмы положительно коррелируют с производительностью самой эффективной фирмы: чем более эффективна фирма-лидер, т. е. чем ниже значение $\bar{c}$, тем ниже цены на продукцию эффективного сектора. Это объясняется оптимизацией производства и снижением издержек, которые фирма обычно несет при производстве продукции. Более выгодные условия производства позволяют снизить цены, чтобы получить преимущество на рынке и выиграть борьбу за потребителя. Менее эффективная фирма, в связи с падением спроса на ее продукцию, а также для того, чтобы сохранить рыночные позиции или по крайней мере сократить разрыв в эффективности конкурентной борьбы, снижает цены на свою продукцию.

2. При росте эффективности фирмы-лидера происходит увеличение ее производственных мощностей, что естественным образом приводит к росту объема продаж эффективных фирм за счет увеличения предложения. На объемы производства неэффективных фирм, как можно видеть из таблицы, это не оказывает влияния.

3. Развитие производственных параметров, выраженное в снижении издержек $\bar{c}$, приводит к увеличению выручки эффективной фирмы за счет получения преимуществ в конкурентной борьбе, захват большей рыночной доли и рост спроса в связи с новыми возможностями производства более качественных товаров. В связи с получением эффективными фирмами доминантных позиций в конкуренции неэффективные теряют преимущества, что, в свою очередь, приводит к снижению их выручки.

4. Развитие фирм-лидеров, благодаря развитию инфраструктуры труда, увеличению выручки, а также росту спроса на более квалифицированную рабочую силу, способствует росту заработной платы служащих, трудоустроенных в фирмах-лидерах. Одновременно с этими процессами спрос на менее квалифицированную рабочую силу падает, а снижение уровня выручки является причиной падения заработной платы рабочих в менее эффективных фирмах.

Обобщая полученные в результате исследования закономерности, можно заключить, что развитие производительности в экономике, выраженное в уменьшении параметра $\bar{c}$, способствует снижению цен на продукцию более эффективных фирм, увеличению объемов производства и росту уровней выручки и заработной платы в развивающихся эффективных фирмах. Данные процессы способствуют увеличению потребительского излишка и росту покупательной способности населения, что приводит к увеличению общественного благосостояния.

2. Влияние изменения эффективности лучших фирм на равновесие в модификации базовой модели с фиксированным уровнем заработной платы

Данная модификация, как было ранее отмечено, учитывает условия труда, когда у работодателя нет возможности устанавливать отдельную заработную плату для каждого рабочего. Представленная ниже сравнительная статика отражает влияние изменения производительности фирм-лидеров на возникающее экономическое равновесие с обозначением различий от сравнительной статике в базовой модели соответствующих ячеек. Зависимости между параметрами графически представлены в табл. 2.

Поскольку основные особенности были рассмотрены в базовой модели, мы будем говорить о результатах исследования, касающихся отличий от базовой модели.

1. Основная особенность касается структуры заработной платы: в связи с отсутствием возможности разграничения оплаты труда при

Таблица 2

**Сравнительная статика модификации базовой модели
с фиксированным уровнем заработной платы
с учетом развития фирм-лидеров**

	w	p_1	p_2	q_1	q_2	TR_1	TR_2	l_1	l_2	n_1	n_2	TC_1	TC_2	π_1	π_2	I_1	I_2	Δ	
c	•	+	+	-	-	•	•	•	•		•	•	•	•	•	•	•	•	•
γ	↓	↓	↑	↑	-	↑	↓	↑	•	↓	•	↑	↓	↑	•	↑	↓	↑	↑
$\bar{c}$	↑	↑	↑	↓	•	↓	↑	↓	•	↑	•	↓	↑	↓	•	↓	↑	↓	↓

улучшении производительности фирмы-лидера происходит падение общей заработной платы, поскольку спрос на неквалифицированную рабочую силу снижается. Работодатель предпочитает платить общую заработную плату по более низким ставкам, компенсируя самым эффективным рабочим потери в заработной плате более высокими премиями. Таким образом, доходы рабочих фирм-лидеров растут, а доходы работников менее эффективной фирмы падают из-за общего снижения заработной платы.

2. Отличительной особенностью сравнительной статистики с единой заработной платой является влияние на количество продукции прогрессирующих эффективных фирм: чем они более производительны, тем больше объемы их продукции. Это объясняется также тем, что более эффективные фирмы стараются завоевать лучшие позиции на рынке, чтобы таким образом получить дополнительный источник доходов для премирования более эффективных рабочих.

3. В связи с падением уровня заработной платы неэффективных рабочих фирма снижает цены на свою продукцию. В целом изменения экономических условий более значительно сказываются на неэффективных фирмах в связи с измененным механизмом начисления заработной платы. Неэффективные фирмы, проигрывая в производительности по сравнению с развивающимися фирмами-лидерами, также сталкиваются со снижением спроса на свою продукцию, что впоследствии ведет к падению цен на нее.

4. Отличием данной модификации также является увеличение спроса на труд более успешной фирмы при ее развитии. Это может объясняться компенсационным эффектом в результате отсутствия механизма разграничения заработной платы по квалификации, косвенно проявляющемся в росте индивидуальных доходов премируемых рабочих в более эффективных фирмах. То есть эффективные рабочие как бы мимикрируют в массе общей рабочей силы, а эффект роста спроса на рабочую силу, не проявленный в базовой модели, позволяет выделить их и осуществить надлежащее премирование.

5. Прогрессия производительности фирм-лидеров приводит к их укрупнению, что ведет к сокращению общего количества фирм-лидеров – происходит их объединение в картели, ради увеличения производительности и максимизации эффекта масштаба эффективные фирмы осуществляют слияния и поглощения. Также имеет место эффект ухода эффективных фирм с рынка по причине того, что доход, получаемый рабочим в модификации базовой модели, ниже заработной платы, которую он мог бы получить, если бы механизма начисления единой заработной платы не было.

6. Совершенно логичным является эффект роста прибыли фирм-лидеров в результате увеличения производительности труда их рабочих.

7. Компенсацией за положительную динамику производительности труда рабочих более эффективных фирм является увеличение их доходов.

8. В результате развития эффективности труда менее эффективные рабочие вытесняются более производительными, в связи с чем увеличивается и уровень деиндустриализации.

3. Влияние изменения эффективности лучших фирм на равновесие в базовой модели с модификацией уровня образования

В данной модификации представлена сравнительная статика зависимостей при допущении эндогенного формирования доли секторов путем ввода перехода рабочих из аграрного сектора в промышленный, внутри промышленного сектора под влиянием издержек на образование T (экзогенная переменная) и склонности к обучению θ . Соответственно, матрица зависимостей имеет видоизмененный характер с размещением долей секторов в линейке эндогенных переменных (по вертикали), а также с вводом переменной T в колонку экзогенных (по горизонтали). Представленная ниже сравнительная статика отражает влияние изменения производительности фирм-лидеров на возникающее экономическое равновесие с обозначением различий от сравнительной статистики в базовой модели соответствующих ячеек.

Посредством анализа табл. 3 в данной модификации можно сделать следующие выводы о влиянии развития производительности эффективных фирм на экзогенные параметры экономики.

1. Увеличение производительности эффективных фирм не влияет на цены неэффективных фирм. Данный эффект объясняется тем, что в соответствии с положениями модификации возможен свободный переток рабочей силы из деревни в неэффективный сектор и обратно.

Таблица 3

Сравнительная статика модели с модификацией уровней образования в базовой модели с учетом развития фирм-лидеров

	p_1	p_2	q_1	q_2	TR_1	TR_2	w_1	n_1	n_2	l	α_1	α_2	α_3
c	+	+	-	-	•	•	•	•	•	•	•	•	•
γ	↑	+	•	-	↑	•	↑	↑	↓	•	↑	↓	↑
$\bar{c}$	↑	•	-	•	↓	•	↓	↓	↑	•	↓	↑	↓

Таким образом, зарплата в равновесии не меняется, неэффективный сектор и сельскохозяйственный образуют единое экономическое пространство. В связи с этим изменение производительности эффективного сектора в целом не оказывает влияния ни на цены продукции неэффективного промышленного сектора, ни на объемы производства, ни на выручку.

2. Рост производительности эффективных фирм приводит к увеличению количества фирм-лидеров – в отличие от предыдущих моделей, когда мы наблюдали укрупнение фирм и снижение их числа. Это объяснимо процессами повышения уровня образования, которое делает доступным открытие и осуществление собственного бизнеса большей частью эффективных рабочих, в связи с чем количество предприятий в эффективной промышленной экономике растет, а в неэффективном промышленном секторе наблюдается падение бизнес-активности в связи с миграцией в сельскохозяйственный сектор тех, кто отказался получать образование более высокого уровня.

3. Естественной и подтверждающей интуитивные выводы являются зависимости долей секторов от повышения производительности фирм-лидеров: при росте последней наблюдается расширение сектора с эффективными фирмами, деградация неэффективного сектора, объясняемая перетоком рабочих в более производительный сектор через получение образования. Также наблюдается рост сельскохозяйственного сектора в связи с деиндустриализацией и преобладанием промышленного сектора. Однако стоит упомянуть, что на сельскохозяйственный сектор прежде всего влияет изменение производительности в неквалифицированном секторе, повышение которой приведет к сокращению доли рабочих в сельском хозяйстве и вызовет отток из квалифицированного сектора. В целом, чем эффективнее экономика, тем меньше рабочих будет задействовано в квалифицированном секторе.

4. Равновесие в модели с фиксированной зарплатой и с модификацией уровня образования с учетом изменения производительности эффективных фирм

Данное направление исследования полностью аналогично исследованию, проведенному в пункте 1.3, но в отношении модели, содержащей в себе условие единой заработной платы для всех рабочих. Сравнительная статика экономических процессов в данном случае может быть представлена следующим образом (см. табл. 4):

Таблица 4

Сравнительная статика модели с фиксированной зарплатой и с модификацией уровня образования с учетом изменения производительности эффективных фирм

	p_1	p_2	q_1	q_2	TR_1	TR_2	w_1	n_1	n_2	l	α_1	α_2	α_3
c	+	+	-	-		•	•	•	•	•	•	•	•
γ	↑	+	•	-	↑	•	↑	↑	↓	•	↑	↓	↑
$\bar{c}$	↑	•	↓	•	↓	•	↓	↑	↑	•	↓	↑	↓

Все зависимости, представленные в табл. 4, полностью аналогичны зависимостям, представленным в пункте 1.3, за исключением зависимостей, касающихся количества фирм в промышленном секторе и изменения количества продукции неэффективных фирм:

При росте производительности эффективных фирм количество предприятий в обоих секторах снижается: неэффективные фирмы покидают рынок в связи с уменьшением доли неэффективного сектора. Снижение числа эффективных фирм обуславливается, как это было ранее интерпретировано, их объединением в большие организационные образования для достижения выигрыша от эффекта масштаба, а также снижением предложения рабочей силы в связи с общим падением доходов эффективных рабочих по сравнению с заработными платами, которые они могли бы получить в базовой модели. Иными словами, увеличение производительности рабочих фирм-лидеров не компенсируется достаточным ростом их доходов.

При развитии эффективности фирм-лидеров происходит многократное увеличение количества производимой ей продукции. Как ранее было объяснено, эффективные фирмы завоевывают позиции на рынке, чтобы нарастить уровень прибыли для премирования более эффективных рабочих (функция производительности имеет степенной характер).

5. Равновесие в модели с обобщенным распределением квалификаций рабочих с учетом изменения производительности эффективных фирм

Исходя из предположения о том, что наличие двух квалификаций рабочих – эффективных и неэффективных – является не совсем достаточным для исследования всех экономических эффектов, в работу была введена модификация обобщенного равномерного распределения квалификаций рабочих в промышленном секторе. Учет развития эффективных фирм расширяет квалификационный диапазон рабочих в сторону расширения нижнего предела, выраженного параметром c . То есть самые неэффективные фирмы в промышленном секторе остаются в своих нишах, а фирмы-лидеры становятся более продуктивными. В результате исследования зависимостей в данном контексте была получена следующая сравнительная статика:

Таблица 5

Сравнительная статика в модели с обобщенным распределением квалификаций рабочих с учетом изменения производительности эффективных фирм

	p_i	q_i	TR_i	w_i	n_i
c	↑	↓	•	•	•
γ	↑	↓	↑	↑	↑
$\bar{c}$	↑	↓	↓	↓	↓
			↑	↑	↑

Немонотонные зависимости из табл. 5 представлены двумя совместными стрелками. Проводя сравнительный анализ полученных зависимостей, можно заметить, что поведение данных корреляций происходит по модели взаимосвязей, полученных в базовой модели в отношении неэффективного сектора: при росте эффективности передовых фирм происходит снижение цен и рост объемов производимой продукции во всех отраслях промышленности. При этом показатели выручки, заработной платы и, как следствие, количества фирм варьируются: при росте эффективности более успешных фирм происходит увеличение этих показателей среди определенного множества производительных предприятий, а с некоторой фирмой, находящейся как раз на границе между эффективными и неэффективными секторами, начинается процесс падения выручки, заработных плат и численности. Таким образом, обобщенное распределение квалификаций подтверждает выводы, сделанные ранее при моделировании двух классов

рабочих, которые могут быть интерпретированы как агрегированный вариант обобщенной модели. Можно сделать вывод, что повышение производительности фирм-лидеров в данной модификации трансформирует рынок ближе к рынку совершенной конкуренции, снижая монопольную власть фирм и увеличивая потребительский излишек, создавая для покупателей более комфортные условия.

6. Влияние изменения эффективности фирм-лидеров на получаемый населением уровень образования

В предыдущих модификациях мы рассмотрели возможность получения образования рабочими в модели. Однако мы не дифференцировали его и предполагали, что образование однородно. Но очевидно, что образование различается по своему качеству и дает разную отдачу. Причем обучаемость человека определяет его возможности в получении образования – от самого лучшего и признанного в данной стране или за рубежом до полного отказа от образования. В связи с этим есть смысл реализовать модификацию модели с вводом многоуровневого образования через инкорпорацию в аппарат модели уровня образования x . В результате изменения эффективности промышленного сектора, т. е. снижения параметра $\bar{c}$, увеличивается и $\bar{\gamma}$. Таким образом, можно сформировать функцию выигрыша:

$$F = \frac{1}{\left(1 - \frac{\bar{\gamma} - 1}{\bar{\gamma}} x\right)^p} - 1 - \theta T x^n. \quad (18)$$

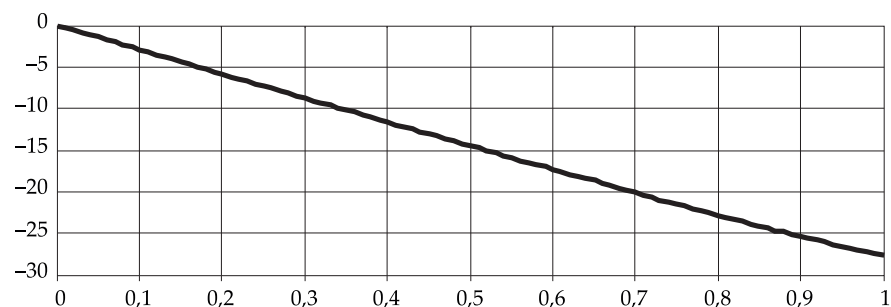
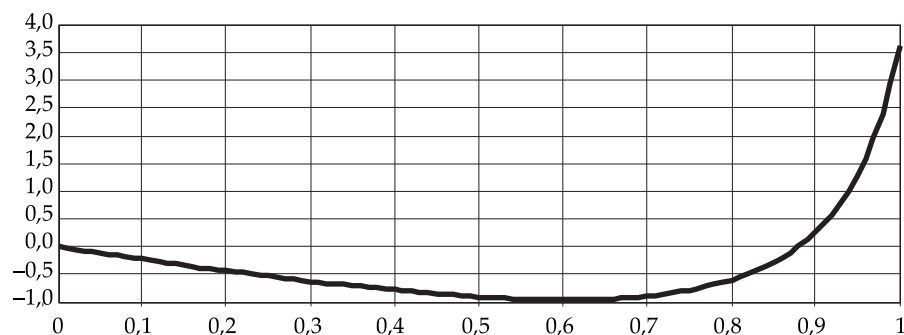
Формируя условия задачи, установим содержание параметров:

$p = \frac{\sigma - 1}{\sigma}$ отражает развитие конкуренции, но в приведенном к единице виде; n – характер функции выигрыша ($n = 1$ задает линейную функцию, $n = 2$ – квадратичную); T – издержки на образование, выраженные в условных единицах; θ – несклонность к обучению, как было ранее упомянуто.

Пусть параметры для задачи будут следующими:

$$p = \frac{3}{4}; n = 1; T = 20; \bar{\gamma} = 5, \theta = 0,3.$$

Ситуация, представленная на рис. 1, является базовой для дальнейшего сравнения. Для иллюстрации зависимости возьмем пример, иллюстрирующий изменение $\bar{\gamma}$. Представим задачу, в которой будет наблюдаться рост производственной дифференциации между фирмами вследствие повышения производительности фирм-лидеров:

Рис. 1. Функция выигрыша рабочего при $T = 20$.Рис. 2. Функция выигрыша рабочего при $\bar{y} = 15$.

$$\rho = \frac{3}{4}; n = 1; T = 20; \bar{y} = 5, \theta = 0,3; \bar{y} = 5 \rightarrow 15.$$

Функция выигрыша показана на рис. 2.

Как можно видеть, в последнем примере функция выигрыша выходит в зону положительных значений. Это говорит о том, что рост параметра $\bar{y}$ приводит к росту выигрыша от получения образования, т. е. чем более эффективны рабочие фирмы-лидера, тем выше образование может быть получено субъектами экономической системы.

Выводы

Мы провели исследование влияния изменения производительности эффективных фирм на основные параметры экономической системы. Объектом для исследования выступили ранее разработанные пять моделей и модель с разным уровнем образования, рассматривающие различные механизмы начисления заработной платы, фактора образования и миграций в другие сектора промышленности, а также допускающие варианты равномерного распределения квалификаций промышленных трудящихся. Полученные результаты можно свести в единую итоговую таблицу взаимосвязей (см. табл. 6).

Таблица 6

Итоговая сравнительная статика моделей с учетом изменения производительности эффективных фирм

	p_1	p_2	q_1	q_2	TR_1	TR_2	w_1	w_2	n_1	n_2
$\bar{c}$ базовая	↑	↑	–	•	↓	↑	↓	↑	•	•
$\bar{c}$ модификация	↑	↑	↓	•	↓	↑	↓	↑	↑	•
$\bar{c}$ базовая и модификация	↑	•	–	•	↓	•	↓	1	↓	↑
$\bar{c}$ модификация и образование	↑	•	↓	•	↓	•	↓	1	↑	↑
– обобщенная квалификация	↑	↑	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓	↑

Источник: табл. 1, табл. 2, табл. 3, табл. 4, табл. 5.

В соответствии с табл. 6 при анализе представленных результатов сравнительного исследования моделей целесообразно сделать следующие выводы:

1. Повышение производительности эффективных фирм вызывает падение цен на ее продукцию во всех моделях. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении продукции неэффективных фирм, однако при введении фактора образования производительность фирм-лидеров не зависит от p_{23} .

2. Рост эффективности фирм-лидеров приводит к увеличению количества производимой ей продукции во всех моделях. На продукт неэффективной фирмы данный тренд не оказывает влияния, кроме вариации с моделью с обобщенным числом классов рабочих.

3. Увеличение эффективности лидирующих фирм приводит к росту выручки на сегменте квалифицированного труда, а также к росту заработной платы (кроме обобщенной модели). В свою очередь во всех моделях выручка неэффективных фирм снижается, также как и (как следствие) заработная плата рабочих данных фирм. Прибыль эффективных фирм также растет при росте производительности труда, если эта прибыль по условиям модели ненулевая, т. е. для всех моделей с фиксированной заработной платой, формируемой посредством премирования эффективных работников.

4. Рост производительности эффективных фирм в основном приводит к снижению их количества вследствие укрупнения и объединения в большие предприятия. Изъятия из этого эффекта наблюдаются в базовых моделях: в первой подобная зависимость отсутствует, в модификации с образованием выявлена отрицательная корреляция. В отношении неэффективных фирм наблюдается снижение их числа во всех моделях с модификациями образования и обобщенной квалификацией.

В заключение можно сказать, что в зависимости от типа модели и определенных допущений, изменение производительности очень существенно влияет на ценовую, производственную и трудовую политику компании. Также меняется сама инфраструктура рынка: эффективный рынок усиливает позиции – как через увеличение количества фирм, так и через их объединение в целях достижения положительного эффекта от масштаба; в секторе неэффективных фирм предприятия покидают рынок из-за обострения конкуренции. Таким образом, рост производительности труда, который в целом является основным трендом в развитых странах, способствует стимуляции развития производственных отношений и повышению уровня жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатов А.Ю., Соколовский Ю.М. Монополистическая конкуренция с неоднородным трудом // Материалы XIV Международной научной конференции НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ. 2014. Т. 1. С. 447–460.
2. Chamberlin E. The Theory of Monopolistic Competition. Harvard University Press, 1933.
3. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. Vol. 67. P. 297–308.
4. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade // Journal of International Economics. 1979. Vol. 9. P. 469–479.
5. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70. P. 950–959.
6. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. L.: John Murray. 1817.
7. Ohlin B. Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
8. Bernard A., Jensen J. Exporters, Skill Upgrading, and the Wage Gap // Journal of International Economics. 1997. Vol. 42. P. 3–31.
9. Bernard A., Jensen J. Exceptional exporter performance: cause, effect, or both? // Journal of International Economics. 1999. Vol. 47. P. 1–25.
10. Melitz M. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // Econometrica. 2003. Vol. 71. P. 1695–1725.
11. Hopenhayn H. Entry, Exit and Firm Dynamics in Long Run Equilibrium // Econometrica. 1992. Vol. 60. P. 1127–1150.
12. Jovanovic B. Selection and the Evolution of Industry // Econometrica. 1982. Vol. 50. P. 649–670.
13. Manasse P., & Turrini A. Trade, wages, and 'Superstars' // Journal of International Economics. 2001. Vol. 54. P. 97–117.
14. Bartel A.P., Lichtenberg F. The comparative advantage of educated workers in implementing new technology // Review of Economics and Statistics. 1987. Vol. 69. P. 1–11.
15. Bartel A.P., Sicherman N. Technological Change and Wages: An Interindustry Analysis // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. P. 285–325.
16. Bernard A., Eaton, J., Jensen J. and Kortum S. Plants and productivity in international trade // The American Economic Review. 1993. Vol. 94. P. 1268–1290.

17. Yeaple S.R. A Simple Model of Firm Heterogeneity, International Trade and Wages // Journal of International Economics. 2005. Vol. 65. P. 1–20.
18. Helpman E., Itskhoki O., Redding S. Inequality and Unemployment in a Global Economy // Econometrica. 2010. V. 78. P. 1239–1283.
19. Echazu L., Lugovsky V. Monopolistic Competition and Optimal Product Diversity with Heterogeneous Firms // Working Paper. 2007.

ABOUT THE AUTHORS

Yuri Mikhailovich Sokolovsky – Post-Graduate Student of the Institute of Mathematics, Economics and Informatics of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. sokolovskyyu@yandex.ru

Alexander Yurievich Filatov – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Chief Research Associate of the School of Economics and Management of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MODELING OF MONOPOLISTIC COMPETITION. THE IMPACT OF CHANGES IN LABOR PRODUCTIVITY ON THE ECONOMY

Monopolistic competition is one of the most common types of industrial markets. In previous works of the authors, a tool was developed for modeling markets of this type of competition, but the case of changes in labor productivity in efficient enterprises was not studied. The paper analyzes the influence of enterprise labor productivity on pricing, production volumes, wages and on other indicators. The range of research falls into the education received by the population for changing the qualification of labor. It is proved that the increase in the efficiency of the labor force contributes to the reduction of prices in the economy and the increase in the volume of output, the rise in the level of wages of skilled workers and a reduction in the wages of unskilled workers.

Keywords: labor productivity, skilled workers, price reduction, influence on prices and salaries, economic modeling, education.

JEL: L11.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е.А. РАШИДИН

аспирантка Института Европы РАН

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КОРПОРАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ

Развитие концепции Корпоративной социальной ответственности (КСО) повлекло за собой необходимость разработки критериев оценки эффективности социально ответственного поведения бизнес-структур, а также результативности их социально ориентированных инвестиций. В статье исследуется понятие корпоративного социального поведения (КСП), анализируются существующие на сегодняшний день измерители, предлагаемые российскими и зарубежными учеными для его оценки. Автор делает вывод о целесообразности применения промежуточных измерителей, позволяющих бизнесу наиболее точно оценить результативность социально ответственного поведения, и в качестве такого измерителя предлагает использовать показатель устойчивости численности занятых к негативным внешним шокам.

Ключевые слова: Корпоративное социальное поведение (КСП), измерители, устойчивое развитие, динамика занятости, Джон Пелоза.

JEL: M14.

1. Постановка проблемы

В условиях мирового экономического кризиса социально ответственное поведение бизнеса становится предметом детального изучения как со стороны самих бизнес-структур, так и со стороны ученых. В научных публикациях зарубежных ученых устоялся специальный термин *Corporate Social Performance*, характеризующий предмет исследования. Автор статьи перевел его как *корпоративное социальное поведение*, так как на момент исследования принятого аналога в русском языке выявлено не было.

Донна Вуд (Donna J. Wood) дает следующее определение корпоративного социального поведения: «КСП – это набор социально ответ-

ственных принципов, норм социальной восприимчивости, а также политик, программ и наблюдаемых результатов, связанных с взаимоотношениями фирмы с обществом» [24, с. 691].

В статье Катрин Лемон (Katherine N. Lemon) и др., посвященной вопросам измерения эффективности КСО, подчеркивается, что возможно у КСП существует сразу два мотива – это, безусловно, возможность увеличения стоимости компании, а также целесообразность следования социально ответственным программам как таковым.

Кроме того, само по себе КСП посылает позитивный сигнал инвесторам и регулирующим органам, что, в свою очередь, положительно сказывается на финансовых результатах работы фирмы [11, с. 1].

Задача измерения эффективности КСП становится более комплексной в том случае, когда заинтересованные стороны (сотрудники, руководство компаний или члены совета директоров), желая реализовать свои нематериальные цели, возвращают обществу часть заработанной прибыли. Таким образом, в некоторых случаях КСП не предполагает финансового обоснования. По этим причинам измерение финансовых и нефинансовых затрат и выгод от КСП имеет решающее значение для принятия обоснованных решений в области КСО.

Компании, придерживающиеся принципов корпоративной социальной ответственности будут оставаться верными им и в отсутствие параметров ее измерения. Действительно, изменения в рыночной конъюнктуре или в руководстве компании могут привести к отказу от существующих практик КСО. Напротив, появление количественных параметров измерения эффективности КСП с большей вероятностью подтолкнет компании внедрить такие практики. КСО может стать элементом бизнес-стратегии и помочь преодолеть организационные изменения, экономические спады, а также другие неблагоприятные внутренние или внешние обстоятельства [11, с. 2].

Американский ученый Джон Пелоза приводит следующие доводы в пользу того, что возможность измерить финансовый результат социально ответственных действий имеет решающее значение для КСП. Во-первых, решение инвестировать в социально ориентированные проекты обычно подразумевает выбор из нескольких альтернатив. И выбор этот должен основываться на каких-то критериях и стандартах. Во-вторых, такие инвестиции, как правило, осуществляются под пристальным вниманием руководства, которое ожидает количественной оценки влияния таких инвестиций на чистую прибыль компании. В-третьих, финансовые контролеры и лица, ответственные за распределение бюджетных средств, зачастую выступают против инвестиций в социально ориентированные проекты [18, с. 17].

В 2009 г. Пелоза провел фундаментальное исследование изданных к тому времени трудов, изучающих результативность социальной

ответственности бизнеса. В своей работе он опирался на 159 источников, в том числе материалы были взяты из 128 научных статей и 31 материал – из деловых отчетов. 63% исследований подтверждают положительную взаимосвязь между КСП и финансовыми результатами компании; 15% исследований свидетельствуют об отрицательной взаимосвязи, а 22% – об отсутствии связи или о неоднозначных результатах.

Большое внимание в этой работе Пелоза уделяет понятию *metrics*, эквивалента которому также не было найдено в русских научных публикациях. Речь идет о тех параметрах, показателях или измерителях, на основе которых возможен анализ КСП. Автор статьи предлагает придерживаться понятия *измеритель*, так как оно наиболее удачно подходит как для качественной, так и для количественной оценки.

Интересно, что в основе большинства проанализированных исследований (82%) лежит единственный измеритель, среди которых чаще прочих встречались: показатели объема загрязнения окружающей среды (18%), инвестиции в здравоохранение, безопасность и внешнюю среду (16%); результаты аудитов и рейтингов, составленных внешними организациями (12%); рейтинг KLD (9%)¹ и рейтинг журнала Fortune (9%). Тот факт, что самый популярный измеритель рассматривается всего в 18% исследований, свидетельствует о непоследовательности в существующих научных наработках. Кроме того, более 38% всех работ основывались на уникальных измерителях, которые больше не встречались в других исследованиях. Многообразие измерителей отражает разнообразие видов самого КСП [18, с. 1520].

Эту же тенденцию подтверждает и авторы статьи, исследовавшие как зарубежные, так и российские научные труды [1], посвященные методам оценки корпоративного социального поведения. Зачастую эта тема исследований представляет интерес и для математиков, предлагающих разные формулы и методики подсчета финансовых результатов КСП.

2. Классификация измерителей КСП

Джон Пелоза разбил измерители КСП на четыре группы, составленные по цепочке создания стоимости (см. рис.). Наиболее распространенными являются измерители, находящиеся в конце цепочки, – это стоимость акций и коэффициент рентабельности активов (ROA).

¹ Американское агентство The Kinder Lydenberg, & Domini (KLD) проводит классификацию компаний по восьми параметрам КСП: взаимодействие с внешней средой; отношение к сотрудникам; сохранение окружающей среды; продукция компании; отношение к женщинам и меньшинствам, наличие или отсутствие договоров на военные поставки; атомная энергия и политика, которой компания придерживается в Южной Африке.

Источник: [18, с. 1517].

Рис. Этапы оценки финансовой эффективности КСП

Другие исследования опираются на так называемые «промежуточные измерители», которые предшествуют итогам создания добавленной стоимости. Например, рост денежного потока (промежуточный результат) может привести в дальнейшем к росту стоимости акций (конечный результат). Третий набор измерителей, создающих ценность для бизнеса, наиболее тесно связан с самим КСП. Например, снижение уровня потребления энергии (переменная) снижает эксплуатационные расходы (промежуточный результат), что увеличивает стоимость акций компании (финансовый результат).

Конечные измерители финансовой эффективности КСП. Подавляющее большинство работ, исследованных Пелозой, включало в себя именно один из конечных измерителей (91%), причем, такой измеритель был единственно применяемым в исследовании. Конечные измерители Пелоза разделил на три типа: рыночные (например, стоимость акций), бухгалтерские (например, коэффициент рентабельности акти-

вов) и внешние (отраслевые обзоры и рейтинги). Конечные измерители не подходят для руководителей среднего звена, чьи социально ответственные инициативы не оказывают прямого воздействия на движение стоимости акций (см., например: [18, с. 1522]). Тем не менее конечные измерители привлекательны тем, что отражают общее финансовое состояние фирмы. В этом вопросе большую роль играют рейтинги компаний в области корпоративного социального поведения.

В своей статье об измерении КСП авторы Антонио Маркес (Antonio Márquez) и Чарльз Фомбран (Charles Fombrun) приводят две причины, по которым оно становится все более востребованным в наши дни. Во-первых, это рост привлекательности паевых инвестиционных фондов, а также рост влияния общественного мнения на бизнес. Кроме того, рейтинги вносят вклад в корпоративную устойчивость компании, сокращая вероятность общественного бунта против ее деятельности [17, с. 306].

К главным мировым индексам КСП относятся: *Ethibel ESI*, *Dow Jones S.I. Stoxx*, *FTSE 4 Good*, *ASPI Eurozone*, *SIRI* (Европа), *Domini 400* (KLD) и *Fortune Most Admired Companies* (США) [14, с. 304].

В основе большинства рейтингов лежит следующая методология: 1) сбор всей доступной информации из открытых источников, 2) опрос сотрудников компании и 3) интервьюирование ведущих внутренних и внешних экспертов. Узким местом рейтингов по-прежнему остается их «объективность»: анализируя компании, агентства должны учитывать интересы многочисленных заинтересованных лиц, а также постоянно проверять критерии анализа на их актуальность [14, с. 307].

Промежуточные финансовые измерители. Промежуточные измерители гораздо менее распространены, чем конечные, и встречаются в 16% научных исследований. Здесь справедливо будет заметить, что промежуточные измерители в большей степени присущи практико ориентированным исследованиям, в связи с тем, что у бизнес-структур, в отличие от ученых, существует прямой доступ к этим промежуточным критериям. По классификации Пелозы, в них входят расходы (например, снижение затрат на электроэнергию); доходы (например, продажа квот на выбросы вредных газов), а также обобщенные финансовые показатели (прибыльность и денежный поток) [18, с. 1526].

Промежуточные финансовые измерители имеют два важных преимущества для управленцев. Во-первых, они позволяют измерить финансовую выгоду для компании, которая может быть невидима по конечным измерителям. Например, стоимость акций зависит от целого ряда факторов, в числе которых экзогенные экономические циклы, поведение конкурентов, изменения в нормативной базе. Их влияние может оказаться достаточно сильным, чтобы исказить конечные измерители эффективности КСП. Во-вторых, управленцам зачастую требу-

ется сравнить результативность своей компании не с другими игроками на рынке, а с собственными результатами за несколько лет. Для этой цели удобнее всего использовать именно промежуточные измерители.

Связующие измерители. Связующие измерители демонстрируют причинно-следственную связь (то есть то, каким образом инициативы КСП приводят к изменению финансовых показателей). К ним относятся измерители, связанные с кругом заинтересованных лиц (например, текучесть кадров, меры по удержанию сотрудников), изменения в корпоративной культуре (инновации) и изменения в расходовании ресурсов (экономия энергии). Многие исследования говорят о том, что использование таких мер приведет к улучшению финансовых показателей, но попытки количественно измерить такой эффект были отмечены Пелозой лишь в 8% изученных им работ [18, с. 1527].

Автор приходит к выводу, что наиболее важным направлением для дальнейших исследований является изучение именно этих измерителей, связующих корпоративное социальное поведение и финансовую результативность бизнеса. Причем анализ финансовой эффективности может и должен проводиться как на этапе оценки перспективных направлений социально ориентированных инвестиций, так и по итогам деятельности компании в области КСО за определенный период [18, с. 1530].

Ученые Катрин Лемон (Katherine Lemon), Джон Робертс (John Roberts), Прия Рагубир (Priya Raghurir) и Рассел Вайнер (Russell Winer) предлагают собственную модель AGREE для оценки эффективности КСП, учитывающую временной фактор и вовлеченность широкого круга заинтересованных лиц. Эта модель опирается на следующие параметры:

- заинтересованные стороны;
- цели заинтересованных сторон;
- используемые ресурсы;
- степень реализации задач, поставленных заинтересованными лицами;
- эффективность использования ресурсов, применяемых для выполнения этих задач [11, с. 3].

Взаимоотношение заинтересованных лиц, иерархии целей и критериев эффективности КСП ученые объединили в следующую модель (см. табл. 1).

Особое внимание стоит уделить проблемам, с которыми сталкивается компания при первичной оценке эффективности своих действий. Во-первых, это измерение результатов КСО в течение продолжительного отрезка времени: принимая во внимание, что результаты КСО могут появляться в течение различных периодов времени, компания сталкивается с проблемой выбора показателей оценки как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

Таблица 1

Примеры критериев эффективности КСП

Заинтересованные лица	Иерархия целей	Критерии эффективности
Общество	Образованное, здоровое, обеспеченное, счастливое, стабильное, крепкое общество	Показатели качества жизни: физиологические (здоровье), экономические, образовательные, социальные, психологические. Примеры: средняя продолжительность жизни; уровень грамотности; доход / качество питания; рождаемость и смертность.
Окружающая среда	Устойчивая	Устойчивое развитие; улучшение показателей; уровни загрязнения и токсичности (вода, воздух, прочее)
Регуляторы, НКО	Соблюдение существующих нормативно-правовых актов; выявление новых норм регулирования для соблюдения интересов потребителей в соответствии с корпоративными целями прибыльности	Признание со стороны регуляторов. Включение в рейтинги КСО
СМИ	Предоставление точных, своевременных и информативных данных о компании	Количественные и качественные показатели результативности прессы
Финансовые рынки	Стабильность, рост и прибыльность	Ставки доходности; волатильность, оборот и ликвидность в течение продолжительного времени
Экономика	Стабильность, рост и прибыльность	ВВП/ВНП для стран в целом и на душу населения; отношение государственного долга к ВВП, валютные резервы

Источник: [11, с. 3].

Довольно сложно измерить полезность КСО для разных заинтересованных сторон. Когда их много, а интересы различны, компания сталкивается с проблемой выбора показателей, подходящих для оценки нескольких типов полезности [11, с. 4].

Для подсчета эффективности КСП ученые предлагают математическую модель, учитывающую факторы времени и множество заинтересованных лиц.

3. Комплексные количественные оценки

Лемон, Робертс, Рагубир и Вайнер разработали модель, позволяющую рассчитать, как заинтересованное лицо (*i*) может оценить результаты (*yijk*) КСП (*j*) по ряду соответствующих параметров (*k*):

$$U_{ij} = \sum_k w_{ik} x y_{ijk}$$

Эта стандартная многофакторная модель учитывает вес каждого измерителя (*wik*) и уровень производительности (*yijk*) для определения полезности (*Uij*), получаемой заинтересованными лицами *i* в результате КСП(*j*).

Чтобы включить в эту модель фактор времени, необходимо оценить чистую прибыль (или чистый убыток) результатов в зависимости от времени (*yijkt*), скорректировав их соответствующей ставкой дисконтирования (*rik*), которая различается для отдельных заинтересованных сторон):

$$y_{ijk} = \sum t yijkt / (1+rik)^t$$

Чтобы сделать возможным учет интересов множества заинтересованных лиц и их объединение в показатель общественного благосостояния (*Uj*), есть смысл усовершенствовать модель. Проще всего это сделать при помощи линейного уравнения; то есть путем присвоения различных весов для каждой из заинтересованных сторон (*li*). В результате *Uj* определяется суммой полезности каждого заинтересованного лица (*Uii*), взвешенных по силе требований этой заинтересованной стороны (*li*), [11].

$$U_j = \sum_i l_i x U_{ii} = \sum_i l_i \sum_k w_{ik} x y_{ijk}$$

Другую методику расчетов эффективности КСП предлагают российские ученые Андрей Анкудинов и Денис Борисов. Математики проверили четыре гипотезы эффективности КСП при помощи модели целесообразности вариантов развития (*Growth Option Value*), которую разработали авторы из Канады (Тони Тонг – Tony Tong) и США (Джеффри Реэра – Jeffrey Reuer) В соответствии с их подходом *GOV* определяется следующим образом:

$$GOV = [V - CI - PV \text{ of Current-Level EVA}] / V,$$

где *V* – рыночная стоимость компании; *CI* – инвестированный капитал; *Current-level EVA* – эквивалент показателя экономической добавленной стоимости (*EVA*) текущего года на основании предположения о том, что фирма не растет [22].

В качестве независимых переменных были взяты инвестиции в развитие персонала I_{per} , затраты на обеспечение социальной поддержки персонала I_{soc} , затраты на реализацию экологической политики I_{eco} , вложения в социально-экономическое развитие территорий присутствия I_{reg} , нормированные по выручке компании.

С целью ослабить фактор эндогенности в уравнение был введен ряд контрольных переменных, необходимых для устранения влияния отраслевых и специфических характеристик компании, – размер компании, определяемый как натуральный логарифм активов компании ($lnassets$); отношение заемного капитала к собственному (lev). Построенная для оценки гипотез модель в общем виде такова:

$$GOV = \alpha + \beta_1 \times I_{per} + \beta_2 \times I_{soc} + \beta_3 \times I_{eco} + \beta_4 \times I_{reg} + \beta_5 \times lnassets + \beta_6 \times lev + \varepsilon [1].$$

Результаты расчетов по сформулированным гипотезам представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки эффективности направлений КСП, по Анкудинову и Борисову

Гипотеза	Результат
Чем выше объем инвестиций в развитие персонала, тем значимее стратегические возможности развития	Выявлена явная положительная зависимость
Затраты на обеспечение социальной поддержки персонала позитивно связаны с развитием компании	Связь не обнаружена
Существует положительная корреляция между затратами на реализацию экологической политики и развитием компании	Выявлена положительная зависимость
Зависимость между вложениями в социально-экономическое развитие <i>социальной среды</i> и развитием компании является прямой.	Выявлена положительная зависимость

Источник: составлено автором по [1].

Изложенные выше гипотезы были проверены авторами на выборке из 22 компаний, представляющих нефтегазовую, металлургическую и горнодобывающую отрасли, электроэнергетику и телекоммуникации. Использование панельных данных с 2009 по 2011 г. включительно формирует 66 наблюдений.

Исследуя роль КСО в формировании инвестиционного портфеля, европейские исследователи Стефано Херцель (Stefano Herzel), Марко

Николоси (Marco Nicolosi) и Каталин Старика (Catalin Starica) задаются вопросом о влиянии различных стратегий оценки эффективности КСП на выбор инвесторов [8, с. 1]. Они проследили влияние нескольких видов анализа КСП компаний из индекса S&P 500 на эффективные портфели в период с 1993 по 2008 г. Их анализ основывался на оценках устойчивости, предоставляемых индексом KLD, трехфакторной модели Фама-Френча [7] и ожидаемой доходности, полученной в соответствии с моделью Блэка-Литтермана [2]. Результаты оказались положительными для социально ответственных инвесторов: несмотря на небольшую потерю по коэффициенту Шарпа (чем выше коэффициент Шарпа, тем лучше соотношение доходность/риск у управляющего или фонда) [10], ограничение инвестиций только в социально ответственные компании оказывает сильное влияние на рыночную капитализацию итогового портфеля. То есть в долгосрочной перспективе капитализация социально ответственных компаний оказывается выше остальных, а значит они являются более привлекательными для инвесторов.

На целесообразность КСП указывает и польский ученый Анджей Виерчински (Andrzej Wiercinski). Ссылаясь на публикацию Стивена Браммера (Stephen Brammer) [23; цит. по: 4], он показывает, что компании с наилучшими финансовыми показателями либо уже делают крупные социально ориентированные инвестиции, либо создают солидные финансовые резервы для таких инвестиций в будущем. Положительные финансовые результаты демонстрируют также компании, которые максимально сокращают расходы такого рода. Из этого Виерчински делает вывод, что компании, делающие средние по размерам инвестиции в социально ориентированные проекты, демонстрируют худшие финансовые результаты по сравнению с теми, которые активно инвестируют в такие проекты или не делают этого вовсе [23].

4. Динамика занятости в компании как измеритель КСП

Автор статьи предлагает еще один измеритель КСП – динамику занятости в компании на фоне быстрого прироста безработицы. Этот показатель связан с макроэкономической динамикой, так как рост безработицы приводит к увеличению государственного долга. В свою очередь вслед за государственным долгом увеличивается рост доходности по государственным бумагам и, как следствие, сокращаются инвестиции в реальный сектор.

Сохраняя рабочие места, компании не увеличивают нагрузки на государственный бюджет. Таким образом, социально ответственные компании не только освобождают будущие поколения от долгового бремени, но и предотвращают сокращение инвестиций в бизнес. Более того, сохра-

нение рабочих мест позволяет и самим компаниям сэкономить на выплатах по увольнению, а также на судебных издержках по трудовым спорам. При этом гибкость в сохранении рабочих мест способствует росту лояльности сотрудников к компании в условиях кризиса.

По классификации Пелозы, измеритель динамики занятости относится к связующим измерителям – именно к тем, на исследовании которых ученый предлагает сделать особый акцент. Сравнение динамики этого измерителя в компании из года в год позволяет сделать выводы об эффективности как отдельных департаментов, так и о КСП компании в целом.

По классификации Лемон, Рагубир, Робертса и Вайнера, этот измеритель можно отнести как к критериям эффективности поведения компании по отношению к обществу, так и по отношению к экономике в целом. Действительно, сохранение рабочих мест напрямую связано с благосостоянием как самих сотрудников, так и их семей. Кроме того, положительная динамика занятости благоприятно влияет на стабильность и рост национальной экономики.

Предложенный измеритель согласуется и с исследованием Анкудинова и Борисова, в котором они выявили явную положительную зависимость между объемом инвестиций в развитие персонала и стратегическими возможностями роста бизнеса.

Таким образом, вложения в персонал и сохранение рабочих мест выгодно для компании и одновременно с этим согласуется с интересами государства.

5. Заключение

Измерение КСП нужно как для бизнеса, так и для внешних заинтересованных лиц. Существует множество измерителей, а одним из наиболее удачных можно считать систему измерителей, разработанную Джоном Пелозой. Эта система включает конечные, промежуточные, связующие и исходные измерители. В основе большинства научных исследований на сегодняшний день лежит выбор только одного измерителя, и чаще всего – конечного. Тем не менее измерители этой группы не могут считаться наиболее надежными, так как на них влияет масса внешних факторов, помимо самого КСП, а значит результаты анализа эффективности могут искажаться. Вместе с тем представляется целесообразным сосредоточиться на промежуточных измерителях, поскольку они имеют очевидные преимущества перед исходными и конечными. Промежуточные измерители позволяют количественно оценить финансовую выгоду КСП для компании (которую невозможно обнаружить при помощи других измерителей), а также сравнить успехи внутри компании с результатами предыдущих отчетных периодов.

Ввиду обострения проблемы занятости в подавляющем большинстве европейских стран после разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса особую актуальность приобретает введение нового измерителя КСП – динамики занятости в компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкудинов А., Борисов Д. Корпоративная социальная ответственность как фактор долгосрочного роста // Известия УрГЭУ. 2013. № 1 (45).
2. Black F., Litterman R. Global Portfolio Optimization // Financial Analyst Journal. 1992. September/October. P. 28–43.
3. Boni-Saenz A., Chang C., Ajan R., Kacker R., Linda E. Just Measures: A Methodology for Assessing the Global Value Added of Corporate Activities // Organizational Ethics: Healthcare, Business, and Policy. Vol. 1. No. 2. P. 81.
4. Brammer S., Millington A. Does it pay to be different? An analysis of the relationship between corporate social and financial performance // Strategic Management Journal. 2008. № 29 (12).
5. Carroll A.A. Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Social Performance // Academy of Management Review. 1979.
6. Chetty S., Naidoo R., Seetharam Y. The Impact of Corporate Social Responsibility on Firms. Financial Performance in South Africa (June 30, 2015) // Contemporary Economics. Vol. 9. No. 2. P. 193–214.
7. Fama E., French K. The cross section of expected stock returns // Journal of Finance. 1992. 47. Issue2. P. 427–465.
8. Herzel S., Nicolosi M., Starica C. The cost of sustainability in optimal portfolio decisions // European Journal of Finance. 2011.
9. Kimbro M., Cao Z. Does Voluntary Corporate Citizenship Pay? An Examination of the United Nation's Global Compact // International Journal of Accounting & Information Management. 2011. Vol. 19. No. 3. P. 288–303.
10. Ledoit O., Wolf M. Robust performance hypothesis testing with Sharpe ratio // Journal of Empirical Finance. 2008. 15. P. 850–859.
11. Lemon K., Roberts J., Raghuram P., Winer R.A. Stakeholder-Based Approach: Measuring the Effects of Corporate Social Responsibility // Director Notes. 2011. Vol. 3. No. 7.
12. Margolis J., Elfenbein H., Walsh J. Does it pay to be good? A meta-analysis and redirection of research on the relationship between corporate social and financial performance // Working paper Harvard University. 2007.
13. Margolis J., Walsh J. Misery loves companies: Rethinking social initiatives by business // Administrative Science Quarterly. 2003. No. 48. P. 268–305.
14. Márquez A., Fombrun C. Measuring Corporate Social Responsibility // Corporate Reputation Review. 2005. Vol. 7.
15. Nicolosi M., Grassi S., Stanghellini E. Item Response Models to Measure Corporate Social Responsibility // Applied Financial Economics. 2014.
16. Orlitzky M. Doing well by doing good: Objective findings, subjective assumptions, or selective amplification? Paper presented at the Academy of Management Conference. Philadelphia, 2007.

17. Orlitzky M., Schmidt F., Rynes S. Corporate social and financial performance: A meta-analysis // Organization Studies. 2003. No. 24. P. 403–441.
18. Pelozo J. The Challenge of Measuring Financial Impacts From Investments in Corporate Social Performance // Journal of Management. 2009. jom.sagepub.com/content/35/6/1518 (11.09.2016).
19. Robert F. A Journey through the American Wealth Boom and the Lives of the New Rich. New York: Crown Publishing Group, 2007.
20. Sandelands L. The Argument for God from Organization Studies // Journal of Management Inquiry. 2003. No. 20. P. 1–10.
21. Shank T., Manullang D., Hill R. Doing Well While Doing Good Revisited: A Study of Socially Responsible Firms. Short-Term Versus Long-Term Performance. Managerial Finance, 2005.
22. Tong T., Reuer J. Corporate investment decisions and the value of growth options. Real Options: Theory meets Practice. 8th Annual International Conference (Montréal, Canada, June 17–19, 2004). Montreal, 2004.
23. Wiercinski S. Mapping the Value of CSR. Measuring and Developing CSR Investments, 2015.
24. Wood D. Corporate social performance revisited // Academy of Management Review. 1991. No. 16. P. 691–718.

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Andreevna Rashidin – Post-Graduate Student of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (the RAS).

METHODS OF ASSESSING THE CORPORATE SOCIAL BEHAVIOR AND THE EXPEDIENCY OF INVESTMENTS IN SOCIALLY ORIENTED PROJECTS

The development of the Concept of Corporate Social Responsibility (CSR) entailed the need to develop criteria for assessing the effectiveness of socially responsible behavior of business structures, as well as the effectiveness of their socially-oriented investments. The article explores the notion of Corporate Social Behavior (CSP), analyzes current metering devices offered by Russian and foreign scientists for its evaluation. The author makes a conclusion about the advisability of using intermediate meters that allow businesses to most accurately assess the effectiveness of socially responsible behavior, and, as such a gauge suggests, using the indicator of the stability of the number of employees to negative external shocks.

Keywords: *Corporate Social Behavior (CSCB), meters, sustainable development, employment dynamics, John Pelozo.*

JEL: M14.

Е.В. САВОЙСКАЯ

аспирантка Института экономики Российской академии наук

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ПРОИЗВОДСТВУ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ

Российское крупнотоннажное производство химической продукции постепенно трансформируется с сырьевого в производство продукции высокого передела. Химическая промышленность зарекомендовала себя как наукоемкая и перспективная отрасль, обладающая огромным потенциалом для своего развития за счет использования новых современных технологий и природоохранной политики. Основным трендом, обеспечивающим освоение новых рынков и укрепление позиций среди традиционных стран – потребителей минеральных удобрений, станет диверсификация производства. В ближайшее время эта тенденция охватит широкий круг направлений, включая продукцию и основные фонды.

Ключевые слова: *наилучшие доступные технологии, диверсификация, стратегия развития, эффективность хозяйственной деятельности, инвестиции.*

JEL: L16, L52, L59, L69, L79.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска возможных путей дальнейшего промышленно-технологического развития предприятий химического комплекса, а также инновационной модернизации их основных фондов. По оценкам экспертов, такая продукция, как минеральные удобрения, становится все более востребованной в связи с интенсификацией сельскохозяйственного производства, усилением требований к качеству продуктов питания, увеличением количества жителей планеты.

Данные факторы обуславливают необходимость:

- совершенствования существующих и разработки новых методов экономической оценки природных ресурсов и повышения эффективности инвестиций в химическую отрасль;
- выявления приоритетных мер повышения финансовой устойчивости предприятий по производству минеральных удобрений на основе зарубежного опыта;
- сохранения и усиления конкурентных позиций предприятий химической отрасли; развития интеграционных процессов;

- развития методологии ценообразования на продукцию природоёмких и экспортно ориентированных отраслей;
- научного обоснования организационно-методического обеспечения, инвестирования в химическую промышленность и дальнейшего совершенствования его механизмов.

Производство минеральных удобрений – значимый сектор химической промышленности Российской Федерации, занимающий одно из лидирующих мест в неуглеводородном несырьевом экспорте. За последние семь лет объем выпуска минеральных удобрений увеличился на 18%, или почти на 20,7 млн т, что в стоимостном выражении составляет более 700 млрд руб. В производстве минеральных удобрений занято более 100 тыс. человек. Предприятия по производству минеральных удобрений не только полностью обеспечивают отечественный рынок, но и являются одними из крупных мировых поставщиков, экспортируя около 16 млн т удобрений в разные страны мира.

В соответствии с утвержденной Стратегией развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. организациями – производителями минеральных удобрений заявлено более 30 проектов по созданию новых и расширению действующих производств.

Инновационная модернизация ведущих комплексов химической промышленности крайне важна и потребует не только новых научных теоретических исследований в сфере производства минеральных удобрений, но и совершенствования управления отраслью в целом, в том числе методов стратегического планирования ее развития. Кроме того, в сложной геополитической ситуации обострилась проблема определения сущности и принципов научно-технического развития химических компаний в условиях экономического спада и возникла необходимость обновления нормативно-правовых материалов и ряда стратегических документов.

1. Концепции формирования стратегии управления научно-технологическим развитием

Концептуально-теоретические и прикладные исследования крайне актуальны в настоящий период, так как способствуют выходу промышленности на новый виток экономического развития. Кроме экономических факторов этому процессу содействуют сложившиеся обстоятельства, в т. ч. – необходимость обновления ряда стратегических документов.

Классическое определение стратегии дал А. Чандлер [1, с. 5]. В определении раскрывались не только основные цели компании, но и необходимость выведения алгоритма для достижения отмеченных целей

и решения поставленных задач. Другой экономист – И. Ансофф – в своих трудах предложил парадигму новой корпоративной стратегии успеха [12]. Даже в нынешних условиях глобализации при разработке стратегии развития предприятий процесс идентификации конъюнктуры внешней среды с ведением учета качественно-количественных характеристик обеспечения конкурентных преимуществ является актуальным, что соответствует концепции внешней турбулентности, выдвинутой этим выдающимся математиком и экономистом.

Большинство промышленных организаций, которые за последнее столетие стремились преодолеть кризисы, столкнулись с необходимостью пересмотра своих стратегий для обеспечения устойчивого развития. Качественная структурная перестройка с переходом предприятий на новые методы работы была обязательным условием.

Анализ научных работ, посвященных развитию фирм, показал, что другим необходимым условием является разработка стратегии, постоянно совершенствующейся и адаптирующей к конкретной рыночной среде.

Гипотезу о необходимости трансформации стратегии компании при расширении ее бизнеса выдвинула Эдит Пенроуз в своем труде «The theory of the growth of the firm» в 1959 г. Анализ периода адаптации компаний к условиям быстро развивающейся окружающей среды позволил усовершенствовать стратегии развития этих организаций, включая и их диверсификацию.

По данным Р. Рамелта, в 1969 г. доля недиверсифицированных компаний была ниже 7% [10]. Российский ученый Л. Евенко [2] изложил основные теоретические аспекты формирования диверсифицированных структур.

2. Диверсификация производства и ресурсной базы

Следует заметить, что в современных условиях экономической нестабильности диверсификация является ключевым фактором эффективности функционирования компаний, производящих минеральные удобрения. Необходимость поиска новых источников финансовой стабильности и восстановления равновесия в условиях экономического спада послужили началом для плавного перехода к диверсификации производства.

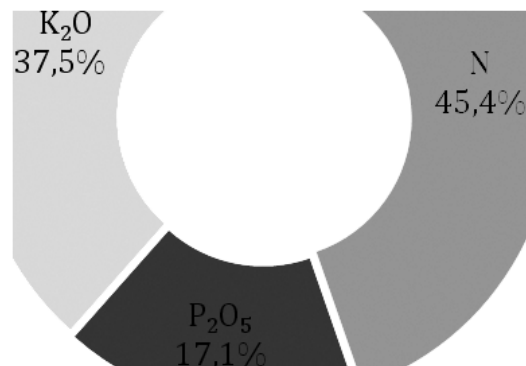
Среди преимуществ диверсификации как элемента общей политики развития компании можно выделить:

- быструю реакцию на меняющуюся конъюнктуру рынка для улучшения экономических результатов деятельности компании;
- повышение конкурентных преимуществ путем ввода новых видов минеральных удобрений;

- эффективное использование основных фондов путем выпуска различных видов минеральных удобрений на одном оборудовании;
- повышение чувствительности на сезонный спрос на определенный вид минеральных удобрений;
- гибкость выпуска продукции в зависимости от наличия ресурсов;
- эффективность использования финансовых средств компаний по производству минеральных удобрений.

Обеспеченность ресурсной базы собственным сырьем с низкой себестоимостью для производства продукции, включая углеводороды, калийную и фосфорную руды, – залог успешного развития компании по производству минеральных удобрений. Наличие сырьевого источника в собственности компании обеспечивает ей существенное преимущество в конкурентной борьбе, предоставляет возможность лавировать при быстро меняющейся конъюнктуре рынка. И наоборот, компании несут колоссальные убытки, не располагая основными источниками сырья. Традиционная специфика и ассортимент товаров, характерных для предприятий по производству минеральных удобрений, основывается на трех секторах: азотном, фосфорном и калийном.

Устойчивая работа российских производителей минеральных удобрений полностью обеспечена сырьем для выпуска всех видов минеральных удобрений. За 2016 г. общероссийское производство минеральных удобрений составило 20 664,7 тыс. т, в т. ч.: азотные удобрения (45,4%), калийные удобрения (37,5%), фосфатные удобрения (17,1%) (см. рис. 1).

Источник: составлено автором

Рис. 1. Структура производства минеральных удобрений (в %)

Стратегия развития предприятий химического сектора формируется с учетом характерных и специфических особенностей химического производства. Так, одним из путей диверсификации компании является объединение предприятий с разными направлениями произ-

водств, получая доступ ко всем трем компонентам. Однако большинство из них не обладают собственными производственными ресурсами и вынуждены приобретать сырье у других производителей, что связано с дополнительными затратами. Соответственно, чтобы снизить расходы, компании стремятся обеспечить себя базой запасов путем строительства новых мощностей. Низкая себестоимость сырья стимулирует увеличение доходов в связи с уменьшением затрат, увеличивая таким образом операционную рентабельность.

3. Инвестирование в мощности по расширению ассортимента продукции

Необходимым этапом при формировании стратегии развития промышленных компаний является оценка рисков. Риск – это вероятность неполучения предполагаемого результата при ведении хозяйственной деятельности в связи с неправильным прогнозом или неточной оценкой грядущих обстоятельств, с которыми можно столкнуться. Поэтому нивелирование рисков является залогом успешного развития компании и улучшения экономических результатов ее деятельности.

Разработка прогноза развития компании позволяет спрогнозировать результаты финансовой политики, сформировать индикативную прибыль, а также поможет в решении финансовых и инвестиционных проблем. Данный подход ориентирован на получение максимально возможного в имеющихся условиях результата финансово-хозяйственной деятельности компании, особенно крупной промышленной компании, входящей в состав холдинга или вертикально интегрированной структуры. Для таких гигантов риск – непозволительная роскошь.

Примечательно, что большинство предприятий по производству минеральных удобрений являются градообразующими. Они формируют весомый сектор химической отрасли. В 2015 г. вклад подотрасли в российский ВВП составил около 1%¹.

В настоящее время в химической промышленности, которая характеризуется высоким уровнем автоматизации производства за счет технологического развития, наблюдается активизация инвестиционной деятельности. Основная часть инвестиционных проектов, ключевой особенностью которых является их долгосрочность, носит стратегический характер. До 2030 г. компании подотрасли планируют реализацию более 30 проектов в области создания новых производств преимущественно с целью развития минерально-сырьевой базы, в т. ч.

¹ Проект распоряжения Правительства Российской Федерации об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по развитию производства минеральных удобрений в Российской Федерации на период до 2025 года.

освоение месторождений калийного и апатитового сырья, требующих масштабных финансовых вложений на протяжении длительного времени [4].

Следует отметить, что данные процессы наблюдаются в условиях ускоренного спада инвестиций в отечественной экономике. Анализ этапов воплощения инвестиционной стратегии холдингов по расширению производственных мощностей показывает, что специфика производства химической продукции не позволяет сокращать объем финансирования в зависимости от экономической ситуации. Это объясняется одной из особенностей предприятий крупнотоннажного производства — долгосрочностью реализации стратегии.

Основоположник отечественного менеджмента в области стратегических исследований О.С. Виханский отметил важность долгосрочного планирования развития организации с учетом сторонних и внутренних факторов, влияющих на ее деятельность [1, с. 78]. Разграничение подходов к формированию стратегического плана в зависимости от структуры компании выделяли А.А. Томпсон и А.Дж. Стрикленд [5, с. 49]. Согласно подходу к формированию иерархии, стратегия компании, производственная деятельность которой диверсифицирована в связи с наличием широкого продуктового ассортимента, отличается от стратегии компаний, сосредоточенных на ведении узконаправленного бизнеса, в связи с отсутствием необходимости разработки корпоративной стратегии наряду со стратегией бизнеса, функциональной и оперативной. Систематизацию трудов ученых, занимающихся областью стратегического менеджмента, провел В.С. Катькало [3, с. 24]. Основоположниками подхода к формированию корпоративной стратегии были А. Чандлер, Г. Минцберг, И. Ансофф, К. Эндрюс, К. Хринстенс, П. Друкер и некоторые другие экономисты, разрабатывающие концепции стратегического менеджмента с начала 1960-х годов.

Умение наладить процветание компании менее затратным путем обеспечивает гибкую систему адаптации к окружающей конкурентной среде. Внедрение в экономическую теорию новой, более оптимальной стратегии, основанной на концепции теории игр, которую в своей диссертации представил Дж. Нэш, позволило преобразить цели направления в бизнесе.

Отечественные производители минеральных удобрений АО «МХК «ЕвроХим», АО «ОХК «УРАЛХИМ», Группа «ФосАгро», внедрившие многокомпонентную бизнес-модель, успешно реализуют стратегию вертикальной интеграции, наращивая значительные объемы азотных, фосфорных и калийных мощностей (см. рис. 2). Расширяя сферу присутствия, компании запасаются «оружием» для новых вызовов в конкурентной борьбе. Некоторые из них объединяют в триединство горно-, газодобывающие и производственные мощности. Подобно клиновому

строю, корпорация, находя более эффективный путь развития, указывает и другим участникам этот маршрут.

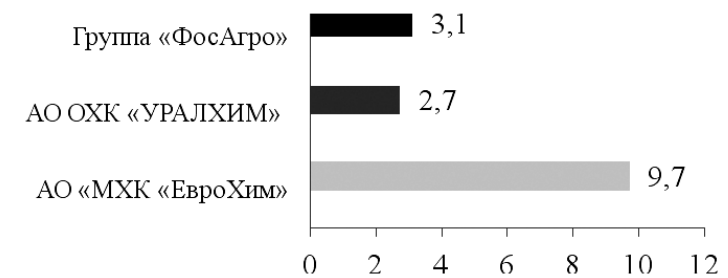

Рис. 2. Мощности производства минеральных удобрений (млн т в год)

4. Необходимость обеспечения экологической безопасности

Экологический фактор играет существенную роль при формировании стратегии развития компаний химического сектора.

Предложенная теория о глобальном рынке послужила фундаментом для создания концернов. Ценным элементом для социально-экономического развития стал введенный впервые в середине XX в. П. Друкером термин «экономическая экология», без учета которой в наши дни не проектируется ни один промышленный объект [13]. Друкер, являясь основоположником современной теории менеджмента, отмечал важнейшую роль технологического развития для экономики стран [8, с. 174]. Его постулат о том, что состояние промышленности должно отражать социальный уровень, не только актуален сегодня, а с каждым годом становится все более социально значимым.

Повышение требований к экологии влекут за собой пристальное внимание к соблюдению экологических норм и технологий промышленными компаниями химического сектора. Предприятия по производству минеральных удобрений являются объектами, которые могут оказывать негативное воздействие на окружающую среду. Этот факт влечет за собой необходимость увеличения расходов на природоохранные, повышающие экологическую эффективность мероприятия, а также на модернизацию основных фондов и внедрение инноваций. Многие ответственные за окружающую среду компании инвестируют в совершенствование технологического процесса производства, во внедрение новых мощностей с передовыми, природосберегающими технологиями. Примерами таких компаний являются ПАО «Акрон», АО «Аммоний», АО «МХК «ЕвроХим», АО ОХК «УРАЛХИМ», Группа «ФосАгро». Каждая из компаний, входящая в состав Российской ассоциации производителей удобрений, вносит весомый вклад в соци-

ально-экономическое развитие регионов присутствия, инвестирует в промышленную безопасность и охрану окружающей среды, развивает науку. Трудоемкий и материально затратный процесс возрождения отечественных научных фондов при проектировании и сопровождении документации для возведения новых мощностей становится непосильным для отечественного производства. Поэтому нередко первенство реализации отдается зарубежным компаниям.

5. Конкуренция как стимул продуманной стратегии развития

В ходе изучения результатов производственно-хозяйственной деятельности химических предприятий логично выходит на передний план исследование концепций развития фирм. Отправной точкой исследований в области стратегии фирмы является публикация трудов А. Чандлера, К. Эндрюса, И. Ансоффа в первой половине 1960-х годов [7; 12]. Это было обусловлено сложившимися в послевоенный период благоприятными обстоятельствами: с каждым годом усиливалась тенденция роста потребления, увеличивалась его доля в торговле развитых стран. Такие факторы, как рост численности населения, повышение его благосостояния, рост числа представителей среднего класса, обусловили необходимость интенсификации производства и реализации благ, в первую очередь за счет конкурентной борьбы. Этот процесс являлся фундаментальным в развитии экономики. Увеличение объемов потребления продуктов питания спровоцировало интенсификацию выращивания сельскохозяйственных продуктов. Следовательно, быстрыми темпами увеличивался спрос на минеральные удобрения, способствующие повышению продуктивности культур и улучшению качества урожая.

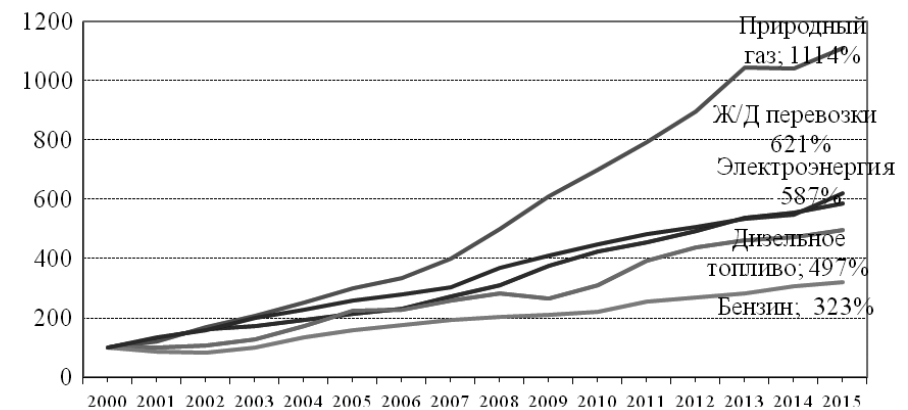
По данным за 2015 г., объем потребления минеральных удобрений во всем мире достиг 241 млн т в 100% действующего вещества. По прогнозам, средний годовой прирост на протяжении последующих 7 лет будет составлять 1,5%. Российские производители минеральных удобрений стремятся к сохранению конкурентных преимуществ за счет ввода новых мощностей. В 2015 г. на долю российских производителей минеральных удобрений приходилось 10% мирового рынка².

Ведущие зарубежные производители также стремятся к завоеванию все большей доли рынка, наращивая объемы производства в тех странах, которые имеют доступ к дешевому сырью и прочим благам, включая низкие проценты на займы.

² Международная ассоциация минеральных удобрений (International Fertilizer Association).

Существенными барьерами развития химического сектора в России являются:

- постоянный рост цен на энергоресурсы;
- высокие тарифы на железнодорожные перевозки;
- высокие процентные ставки на займы;
- чрезмерное госрегулирование;
- ввод заградительных пошлин в ряде стран-потребителей.

Источник: составлено автором по данным Росстата за соответствующие годы.
Рис. 3. Динамика роста затрат на энергоносители и ж/д перевозки в структуре затрат на производство минеральных удобрений (в %)

Конкуренция фирм-производителей внутри отраслей за более выгодные условия деятельности и получение максимальной прибыли является основным элементом рыночного механизма, который обеспечивает взаимодействие субъектов рынка в процессе производства, купли и продажи товаров. Учитывая эту взаимосвязь основных процессов, можно констатировать, что наличие здоровой конкуренции повлияло на интернационализацию бизнеса. Существенные коррективы, вносимые в теорию стратегического управления, усиливали влияние экономической конкуренции на развитие и внедрение инновационных решений в бизнесе, на расширение ассортимента товаров, работ и услуг, мобилизацию фирмой всех своих ресурсов для максимально эффективного взаимодействия с окружающей средой.

Во второй половине XX в. экономисты Э. Чемберлин и Дж. Бэйн выдвинули новую классификацию рынков, основанную на взаимозаменяемости товаров, разных предприятий и взаимосвязи между ними. К предложенным ранее критериям Э. Чемберлин в классификацию рынков добавил критерии взаимозаменяемости товаров и взаимозависимости предприятий, а Дж. Бэйн – условие входа на рынок. Дж.С. Миль, отмечая важность свободной конкуренции, выдвинул

требования к анализу основ построения рынка при «господстве конкуренции» [11, с. 16].

Дедуктивный и индуктивный методы анализа стратегий стали активно использоваться в 1960-х годах при выборе различных сценариев и выборки наиболее вероятных вариантов развития фирмы в сложившейся экономической ситуации. Данный подход характерен и для ученых Гарвардской школы бизнеса.

«Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года» заложила основной вектор развития производства минеральных удобрений. В связи со стремительными трансформационными процессами в 2017 г. возникла необходимость формирования «дорожной карты» к указанной стратегии.

По нашему мнению, для увеличения эффективности развития подотрасли по производству минеральных удобрений в настоящее время необходимо:

- осуществить развитие инфраструктуры и логистики рынка минеральных удобрений;
- провести модернизацию стратегии управления промышленно-технологическим развитием предприятий химического комплекса;
- сформулировать стратегию научно-технологического развития предприятий химического комплекса;
- усилить внимание к инновационному развитию градообразующих предприятий;
- задействовать финансово-организационный механизм управления стратегическими инвестиционными проектами при формировании гармоничной экономико-экологической системы в химическом секторе промышленности;
- способствовать повышению конкурентоспособности предприятий химического комплекса на основе стимулирования инновационной деятельности;
- задействовать научно-методические подходы к формированию стратегии развития производственной инфраструктуры предприятий химической промышленности;
- укрепить финансово-организационный механизм управления стратегическими инвестиционными проектами предприятий химического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 1998.
2. Евенко Л.И. Организационные структуры управления промышленными корпорациями США: Теория и практика формирования. М.: Наука, 1983.
3. Катъкало В.С. Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 7–30.
4. Супрун Е.В. Стимулы и барьеры эффективной реализации инновационного потенциала в сфере химического производства // Предпринимательство. ООО «Издатель–М». № 4/16.
5. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации: Учебник для вузов / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М. 2000.
6. Ansoff H.I. Corporate Strategy: An Analytical Approach to Business Policy for Growth and Expansion. McGraw-Hill Book Co.: N.Y., 1965.
7. Chandler A.D. Strategy and Structure / A Chapter in the History of Industrial Enterprises. Cambridge; Mass: MIT Press, 1962.
8. Drucker P.F. Management Challenges for the 21st Century / P.F. Drucker. [Repr.]. Oxford [etc.]: Butterworth – Heinemann, 2003.
9. Penrose E. History, the Social Sciences and Economic Theory, with Special Reference to Multinational Enterprise // Historical Studies in International Corporate Business / A. Teichova, M. Levy-Leboyer, and H. Nussbaum, eds. Cambridge: University Press, 1989. P. 7–13.
10. Rumlet R.P. Strategy, Structure and Economic Performance. Harvard Business School Press: Boston, MA, 1974.
11. Гальперин В.М. Микроэкономика. М., 1999–2013. www.alleng.ru/d/econ/econ123.htm (17.09.2017).
12. Классики менеджмента. Ансофф Игорь. hrm.ru/db/hrm/C416FBCD6D218908C32576B7003EF496/print.html (03.09.2017).
13. Друкер П.Ф. economicportal.ru/economist_scientist/drucker.html (10.09.2017).
14. Penrose E. The theory of the growth of the firm. OUP Oxford, 1959.

ABOUT THE AUTHOR

Elena Vasilyevna Savoiskaya – Post-Graduate Student of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS).

PROSPECTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES FOR THE PRODUCTION OF MINERAL FERTILIZERS

The Russian large-tonnage production of chemical products is gradually transformed from raw materials into the production of high-value products. The chemical industry has established itself as a knowledge-based and promising industry with a huge potential for its development, through the use of new modern technologies and environmental policy. The main trend, ensuring the development of new markets and strengthening of positions among traditional countries – consumers of mineral fertilizers, will be a diversification of production. In the near future, this trend will cover a wide range of areas, including products and fixed assets.

Keywords: best available technologies, diversification, development strategy, efficiency of economic activity, investments.

JEL: L16, L52, L59, L69, L79.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук,
ученый секретарь Института экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН В 2017 ГОДУ

В 2017 г. Институт экономики проводил исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. (направления фундаментальных исследований: 167; 168; 171) по четырем научным направлениям Института: «Теоретическая экономика», «Экономическая политика», «Институты современной экономики и инновационное развитие», «Международные экономические и политические исследования».

Научные исследования велись по 12 темам в рамках базового бюджетного финансирования. Институт экономики принимал участие в исследованиях по Программам фундаментальных исследований Президиума РАН («Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации. Фундаментальные проблемы оценки состояния и перспектив развития российской науки», «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир») и Отделения общественных наук РАН («Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз»), а также проводил исследования по грантам РФФИ.

Основные результаты научной деятельности

167. Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции

Первый том коллективной монографии «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» (Под общей ред. С.П. Глинкиной. Том 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. СПб.: Алетейя, 2017) посвящен общественно-экономической трансформации в Центрально-Восточной Европе, осуществленной параллельно и во взаимосвязи с включением стран региона в процесс европейской интеграции. В книге проанализированы особенности модели перехода стран ЦВЕ от социализма к капитализму, экономические и политические результаты проведенных системных реформ, последствия переориентации внешнеэкономических связей. Рассмотрены итоги реформирования отраслей социальной сферы и моделей социальной политики, социальная цена трансформации, восприятие ее результатов населением.

Во втором томе коллективной монографии «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» (Под общей ред. С.П. Глинкиной. Том 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2017) исследуются преобразования, произошедшие в постсоветских странах, анализируются причины, которые привели к трансформации политической и экономической системы в странах СНГ и Грузии. Сделана попытка оценить эффективность избранных моделей развития национальных экономик. В монографии показано, что все новые независимые государства различаются по глубине системной трансформации, однако сталкиваются с одинаковым комплексом проблем развития: ограниченные финансовые ресурсы, слаборазвитая инфраструктура, жесткая международная конкуренция, большая инерция прошлого развития и громадные социальные издержки рыночных реформ.

В коллективной монографии «Восточный поворот во внешнеэкономической политике стран Центрально-Восточной Европы в условиях нарастающих кризисных явлений в Евросоюзе» (Отв. ред. И.И. Орлик. М.: ИЭ РАН, 2017) исследована современная внешнеэкономическая политика стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Раскрыты сложные проблемы, вызванные обострением кризисных явлений в Европейском союзе, проанализированы особенности позиций стран ЦВЕ по вопросам торгово-экономических отношений с Россией, рассмотрены изменения в этих отношениях, их основные перспективные направления, возможный восточный поворот внешнеэкономической политики стран ЦВЕ.

В сборнике научных трудов «Итоги трансформации, или какой капитализм мы построили» (Отв. ред. И.С. Синицина. М.: ИЭ РАН, 2017) представлены доклады российско-польской научной конференции,

в которых анализируются проблемы функционирования государства в различных моделях капитализма, общественно-политический контекст системной трансформации в России и Польше, экономические проблемы трансформации.

168. Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)

В коллективной монографии «Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста» (Рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин. Под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. М.: ИНФРА-М, 2017) рассматриваются проблемы формирования социально-экономических условий перехода к новой модели экономического роста. Анализируются факторы, обеспечивающие макроэкономическую устойчивость, развитие внутренних рынков, расширение эффективного спроса. Обоснованы приоритетные направления структурной трансформации реального сектора, развития межотраслевых и пространственно-территориальных связей, усиливающих интеграцию российской экономики и создающих предпосылки ее устойчивого и динамичного роста. Определены направления совершенствования монетарных и бюджетных механизмов устойчивого экономического роста.

В коллективной монографии «Оптимизация индикаторов и пороговых уровней в развитии финансово-банковских и ценовых показателей в системе экономической безопасности РФ» (Под ред. М.Ю. Льва. М.: ИЭ РАН, 2017) исследуются критерии, индикаторы и пороговые уровни экономической безопасности Российской Федерации. Проводится оценка современного состояния российской экономики, угроз и вызовов экономической безопасности и задач экономической политики государства. Анализируется система формирования на государственном уровне постоянного мониторинга экономической безопасности. На основании проведенного анализа наиболее острых угроз национальным интересам Российской Федерации в области экономики предлагается введение ряда мер по их преодолению.

В сборнике научных трудов «Стратегия экономической безопасности России: новые ориентиры развития» (М.: ИЭ РАН, 2017) представлены материалы первой научно-практической конференции «Сенчаговские чтения». Рассмотрены вопросы развития стратегии экономической безопасности, национальные и глобальные аспекты экономической безопасности, отраслевые и региональные проблемы экономической безопасности, а также вопросы обеспечения экономической безопасности в финансовой сфере. Особое внимание уделено социальным аспектам новой стратегии экономической безопасности России, разработке методики оценки уровня экономической безопасности и другим актуальным вопросам.

171. Развитие методологии макроэкономических измерений

В коллективной монографии «Предпосылки экономической теории: критический анализ» (Под общей ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева. СПб.: Алетейя, 2017) дан онтологический анализ развития экономической методологии, рассмотрены проблемы взаимоотношения теоретических моделей и реальности, критика принципа методологического индивидуализма и модели экономического человека. Представлена авторская позиция в отношении предпосылок макроэкономических теорий и современного кризиса мейнстрима, проблем реалистичности экономических теорий, рассмотрены отличия между новой политэкономией и политологией, а также современные походы к анализу воспроизводства основного капитала. Дан критический анализ ортодоксальных экономических учений – с одной стороны, марксизма, с другой – неоклассического «канона» экономической теории XX в. – в контексте проблематики экономической эволюции.

Коллективная монография «Очерки по экономической синергетике» (Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН, 2017) посвящена памяти Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых. В монографии отражены результаты исследований, проведенных с позиции синергетики – науки о самоорганизации сложных развивающихся систем. Показано, что в теоретической экономике складывается эволюционно-синергетическая парадигма, в рамках которой проводится изучение неравновесных экономических процессов. Среди них выделены: анализ самоорганизации и экономической динамики с точки зрения математического моделирования, характеристика логистической эволюции популяции экономических подсистем (макрогенераций), изучение социально-экономических систем на основе матричного подхода при формировании устойчивых институциональных форм.

В монографии О.С. Сухарева «Эволюционная экономическая теория институтов и технологий» (М.: Ленанд, 2017) развиваются общие подходы к институциональному моделированию, учитывающие представление об институтах, институциональных изменениях, технологиях как институтах особого типа. Критическому анализу подвергается теория трансакционных издержек Коуза–Уильямсона, выделены новые положения и модифицированная формулировка «теоремы Коуза». Предложены модели технологического развития, дисфункции систем, введены принципы институционального моделирования, дана типология технологий, обозначены процедуры институционального планирования и разработки научно-технической политики государства.

В монографии С.С. Шувалова «Контрактная система как механизм государственного регулирования экономики» (М.: ИЭ РАН, 2017) исследуется комплекс теоретических, методологических и практических

проблем развития института контрактной системы в российской экономике. Анализируются ключевые факторы, ограничивающие эффективность функционирования российской контрактной системы в контексте обеспечения общественных потребностей, стимулирования социально-экономического развития, реализации промышленной политики. Особое внимание уделено проблемам развития контрактной системы как драйвера инновационного развития. Предложены направления реформирования контрактной системы.

Сборник научных трудов «И.И. Рубин: политическая экономия и современность» (Под ред. М.И. Воейкова, Д.В. Мельника. М.: ИЭ РАН, 2017) посвящен анализу научного наследия И.И. Рубина (1886–1937 гг.) – выдающегося отечественного экономиста-теоретика, работы которого послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920-х годов и оказали громадное влияние на последующие исследования методологических проблем политической экономии.

В сборнике научных трудов «Экономика в переломные эпохи» (История мировой экономики. Выпуск 6 / Отв. ред. Ю.П. Бокарев. М.: ИЭ РАН, 2017) проведено исследование таких проблем, как применимость формационной теории к экономической истории, злоупотребление термином «феодализм» в советской науке и теоретико-семантическое описание категорий «деньги» и «рынок» как экономических объективаций. Рассмотрены проблемы как экономической истории России (обращение русского рубля в Болгарии в десятилетие после ее освобождения Россией от османского владычества, роль муниципалитетов в продовольственном снабжении российских городов в годы Первой мировой войны, роль Л.Н. Юровского в финансовых реформах периода НЭПа), так и экономической истории зарубежных стран.

В сборнике научных трудов «Современная социал-демократия: идеология и политическая практика» (Под ред. Р.С. Гринберга, С.Г. Арбузова. М.: ИЭ РАН, 2017), содержащем доклады международной научной конференции, рассматриваются проблемы и перспективы социал-демократии на современном этапе ее развития, возможности сохранения социально ориентированной рыночной экономики. Дана оценка отношения социал-демократических партий к глобализации, особенности их деятельности в условиях глобализации. Исследуются вопросы развития социал-демократии на постсоветском пространстве и в Европе.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2017 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы

- Научно-практическая конференция «Стратегия экономической безопасности: новые ориентиры развития» (Москва, 14 марта);
- Международная российско-китайская научная конференция «В поисках новых моделей социально-экономического развития» (Москва, 8–9 июня);
- XII Симпозиум по эволюционной экономике «Гетеродоксия против экономического редукционизма: проблемы макро- и мезоуровня» (Пушино, 21–23 сентября);
- X Кондратьевская конференция «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность» и XXV Кондратьевские чтения (Москва, 24–28 сентября, совместно с Международным фондом Н.Д. Кондратьева);
- Научная конференция «Итоги рыночной трансформации российской экономики 1991–2016 гг. Что дальше?» (Москва, 13–14 ноября);
- Ежегодная научная конференция молодых ученых «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы» (Москва, 22 ноября);
- Международная научная конференция «Россия и Польша перед лицом общих вызовов» (Москва, 4 декабря, совместно с ИЭН РАН).

Круглые столы

- «Великая российская революция: экономические измерения» (Москва, февраль);
- «Инновации в АПК и вопросы экологии» (Москва, апрель, совместно с РАЕН);
- «Всеобъемлющее стратегическое партнерство России и Вьетнама в условиях глобализации. Достижения, трудности и перспективы сотрудничества в XXI веке» (Москва, июнь);
- «Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом: предварительные оценки и результаты» (Москва, сентябрь);
- «АТЭС 2017: итоги, проблемы и перспективы после 2020 г.» (Москва, октябрь, совместно с РАНХиГС);
- «Российско-европейские отношения и место в них Чешской Республики» (Москва, ноябрь);
- «Задачи и инструменты денежно-кредитной политики России и Беларуси в условиях финансовой глобализации» (Москва, ноябрь).

В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн), методологический семинар по институциональной и эволюционной теории (рук. – академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер), «Деньги и денежное обращение в период

формирования национальных денежных систем» (рук. – д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Институциональная теория и ее приложения» (рук. – д.э.н. О.С. Сухарев), «Методология анализа на основе системы национальных счетов и ее практическое использование» (рук. – д.э.н. И.А. Погосов), «Эконометрические методы междисциплинарных исследований» (рук. – д.э.н. О.А. Кислицина, Л.Н. Слуцкий), «Глобальная нестабильность: причины и последствия» (рук. – д.и.н. Б.А. Шмелев), семинар для молодых ученых по международным экономическим и политическим исследованиям (рук. – член-корр. РАН М.Ю. Головнин, к.э.н. Д.И. Ушкалова, к.э.н. А.Г. Пылин). В 2017 г. начали работу научные семинары: «Институциональные изменения и экономическое развитие» (рук. – д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Актуальная политическая экономия» (рук. – д.э.н. М.И. Воейков).

Экспертная деятельность

В 2017 г. Институт экономики подготовил и направил в органы исполнительной и законодательной власти, в министерства и ведомства (Совет Федерации ФС РФ, Государственная Дума ФС РФ, Администрация Президента РФ, Совет безопасности РФ, Счетная палата РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство культуры РФ и др.) более 30 экспертных и аналитических материалов.

Издательская деятельность

В 2017 г. Институтом экономики издано более 30 научных трудов (монографий, брошюр, сборников научных трудов, докладов). В серии «Научные доклады Института экономики РАН» изданы доклады:

- В.В. Арсланов «Политическая экономия и государство: уроки «Methodenstreit»;
- Ю.П. Бокарев «Формационная теория и экономическая история России»;
- М.Ю. Воейков «Великая российская революция: экономическое измерение»;
- А.Я. Рубинштейн, А.Е. Городецкий «Некоторые аспекты экономической теории государства»;
- С.А. Долматова «Кризис социального государства: теория и практика (политэкономический аспект)»;
- С.Г. Кирдина-Чэндлер «Мезоуровень: новый взгляд на экономику»;
- Ю.К. Князев «Первые результаты членства Хорватии в Европейском союзе»;
- В.Н. Лившиц «Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом»;

- В.Е. Маневич, Л.Н. Слуцкий «Долговременные макроэкономические факторы динамики российской экономики»;
- В.Ю. Муzychук «Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России»;
- Т.В. Натхов, Л.И. Полищук «Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным»;
- А.Я. Рубинштейн, Н.А. Бураков, О.А. Славинская «Сообщество экономистов и российские журналы»;
- Э.Н. Соболев «Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии»;
- И.В. Соболева, Т.В. Чубарова «Социальная политика в России – контуры новой модели»;
- Г.Д. Толорая, Р.С. Чуков «БРИКС в G20: возможности по координации участия»;
- Е.С. Чаркина «Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы»;
- А.В. Шурубович «Тенденции и проблемы российско-белорусских экономических отношений»;
- «Эконометрические модели эластичности спроса на театральные услуги».

Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Мир перемен», «Федерализм». В 2017 г. Институт экономики начал издание электронного научного журнала «Вопросы теоретической экономики».

Международное сотрудничество

В 2017 г. Институт экономики проводил работу на основе двусторонних межинститутских долгосрочных соглашений о международном сотрудничестве с зарубежными партнерами:

- Соглашение о научном сотрудничестве между Научным Фондом Захир (Индия, Нью-Дели) и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Технологическим университетом Таджикистана и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Хорогским государственным университетом имени М. Назаршоева и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Кыргызско-Российским Славянским университетом и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Институтом экономики имени П. Гугашвили Тбилисского госуниверситета имени И. Джавахишвили (Грузия) и ИЭ РАН;
- Меморандум о научном сотрудничестве между Национальной Академией экономической стратегии КАОН (НАЭС КАОН) и ИЭ РАН;

- Соглашение о научном сотрудничестве между Институтом политических исследований ПАН и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между АО «Институт экономических исследований Министерства экономического развития и торговли» Республики Казахстан и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Экономическим университетом в Братиславе (Словацкая Республика) и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Институтом экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между Экономическим университетом г. Познань и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом философии Министерства науки, технологии и окружающей среды Кубы;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом экономических наук Польской академии наук.

Ученые ИЭ РАН участвовали в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных зарубежными научными центрами и международными организациями зарубежных стран.